

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В географиях России

ВЛАДИМИР НЕСТЕРЦОВ

БАГАЖ ИМПЕРАТОРА

КНИГА ВТОРАЯ

16+

Владимир Дмитриевич Нестерцов Багаж императора. В дебрях России. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40277273

SelfPub; 2019

Аннотация

Если вы любознательный и нестандартно мыслящий человек, то эта книга для вас. Вместе с героями романа «В дебрях России» вы составите команду по поиску и спасению царя Николая II. Совершите опасное путешествие по подземельям Харькова, спасете алмазную корону из Владимирского дворца, которую до сих пор носит английская королева, побываете на коронации «нового» царя. В этом путешествии вам помогут известный на всю Одессу Мишка Япончик, Ламака и много других интересных персонажей. Пройдя этот нелегкий путь, вы столкнетесь с тайной, которая до сих пор волнует умы исследователей и открывается в третьей книге романа.

Содержание

В ожидании отъезда	5
Морской круиз в Одессу	17
Одесские страдания	27
Неожиданное столкновение: чудовище из Зазаркаля	42
Волчья сотня	48
Сюрпризы подземелья	68
Москва златоглавая	94
Встреча с Ламакой	99
Немного о «Красном терроре»	108
Чекист	126
Кто вы господин Мирбах?	137
Тайна кабинета посла	146
Под флером агентов ЧК	160
Встреча старых друзей	184
Освобождение	203
Тяжелый перелет	208
Бриллиантовый тайник	216
И платья тоже нам к лицу	228
С ведром за бриллиантами	236
И снова Царское село	248
Опасное путешествие по Зазеркалью	253
Забыть вас просто я не в силах	281

Место назначения Екатеринбург	290
В городе	300
Этот мрачный странный дом	305
За священной реликвией	316
Просвети нас «добрый молодец»	321
И Тульский пряник в помощь нам	327
Встреча с новым царем	331
Прорыв к Черному морю	336
И снова Одесса	347
Морское сражение	352
Английские берега	357

В ожидании отъезда

Английские газеты, питаемые новостями с телеграфной ленты, рисовали мрачную картину действительности в России. Масла в огонь подливали и беженцы, потоком хлынувшие на берега Сены и Темзы. Наряду со страшными небылицами, рассказанными ими, проскальзывали и крупницы правды, которые, однако, не приносили облегчения, а подчеркивали непередаваемый хаос и анархию, которые царили в стране. Империя рассыпалась, как карточный домик. Власть не пытался брать в свои руки только ленивый. На периферии формировались и распадались всякого рода и окраса правительства, которые заявляли о выходе из состава Российского государства и создании своей независимой республики. Это слово стало модным. Большевики, выдвинув лозунг республики Советов, старались захватить власть в стране, при этом применяя самые радикальные методы. Им отчаянно сопротивлялись различные политические партии и движения, которые в невероятном количестве проросли на хорошо удобренной политической почве. Расцвело и белое движение, вообразившее в себя цвет офицерского корпуса, оставшегося верным лозунгу единой и неделимой России. На поверхность вылезли многочисленные колдуны и прорицатели, пугая народ грядущими катаклизмами. Солдаты толпами стали дезертировать из армии, не забывая прихватить с собой вин-

товку, чтобы дома, в деревне, чувствовать себя человеком. Линия фронта оголилась, и немецкая армия, словно нож в масло, без особых усилий стала продвигаться в глубь страны, накрывая своей серой массой территорию за территорией. Остро ощущались нехватка топлива, продовольствия, отсутствие институтов власти. Пропало электричество, в стране начался полный беспредел. Тысячи банд и разбойничьих шаек рыскали по стране, занимаясь дележом территории и грабя население под лозунгом свободы. Каждый выживал, как мог, используя малейшую возможность, чтобы приспособиться к окружающей действительности. А она была очень суровой и порой ставила перед человеком такие вопросы, на которые он сам не в состоянии был ответить. В дебрях России вызревало что-то новое, непонятное и ужасное, готовое растоптать все, что было сделано до этого, и на ровном, свободном от всего пространстве строить свое загадочное будущее. Европейские государства, перенёсшие выяснение отношений между собой на поля военных действий, не очень внимательно следили за событиями, происходившими в далёкой стране. Они еще не понимали, что эти события, набрав силу и энергию, в полной мере ударят по ним, заставив принимать срочные меры не только в области экономики, но и политики и даже власти, поколебав, казалось бы, вечные монархические устои многих стран.

Все это я читал между строк в газетах, стараясь поближе представить себе ситуацию, которая складывалась в мо-

ей стране. Газеты были разбросаны по всей квартире, но, к сожалению, они не добавляли мне оптимизма и не вселяли уверенности в возможном улучшении ситуации. Наоборот, с каждым поступлением новых газет опубликованные сведения становились все хуже и хуже. На страницах разворачивалась дискуссия о том, есть ли в России власть, которая будет верна союзническому долгу и продолжит военные действия, в отличие от большевиков, которые начали переговоры с немцами о мире.

О царской семье никаких вестей не было. Боясь самого худшего, я с нетерпением ждал момента, когда мы сможем отправиться в Россию. Но от Эдварда не было никаких известий, хотя уже прошла почти неделя со дня нашей последней встречи. Кроме этого меня волновало, как обстоят дела с сохранностью того груза, который я завез в замок, все ли там в порядке, можно ли каким-то образом постоянно следить за ним. Это, конечно, не Крым, но, тем не менее, при желании и сюда можно добраться. Надо придумать что-то такое, что давало бы мне возможность быть в курсе дел относительно моего груза, то есть мне нужен человек, который служит во дворце и имеет доступ к подвалам, где хранятся ящики. Он всего лишь должен периодически информировать меня о состоянии дел – и больше ничего. Я думаю, что определенная сумма, выплачиваемая ему регулярно, стимулировала бы его интерес к этому вопросу. Оставалось только решить, где найти нужного мне человека.

Прикинув возможные варианты, я решил направиться в ближайший ко дворцу паб. Если обслуживающий персонал дворца захочет расслабиться после работы, то куда он пойдет в первую очередь? Да, конечно, в ближайший паб, чтобы пропустить пару кружечек пива и «почесать язык» в компании своих или, напустив на себя важность, рассказать всякие небылицы о дворцовых нравах. Но мне нужен человек более серьезный, умеющий держать язык за зубами. Такого человека видно сразу: он не мельтешит, движения его уверенные и плавные, на лице серьезное выражение, взгляд спокойный, пиво он пьет степенно, не сдувая пену ртом, как некоторые. Плюс к этому, если бы он был еще немного скромным и немножко скрягой, который дорожит каждым шиллингом, тогда и моя добавка к его зарплате была бы весомой.

Погода, как назло, испортилась. Вот уже третий день лил непрерывный дождь, наводя тоску и отбивая всякое желание выходить на улицу. Спасали камин и доброе шотландское виски. Но это тоже имеет свой предел, и наступает время, когда человеку надоедает все и ему просто хочется пообщаться, а еще проще – поговорить по душам, все равно с кем. А где этого «с кем» найдешь? Да только в пабе! Вот и мне надоело сидеть в одиночестве и пришлось вылезать под дождь, чтобы найти нужного человека. Приехав в паб, я не стал заказывать виски, а попросил пива, как все посетители. Скромно сев за столик в углу, я начал изучать людей, которые после рабочего дня заполняли зал. Их положе-

ние в обществе легко было угадать по одежде, манере разговора, жестам, которые красноречиво свидетельствовали о социальном статусе клиентов. Нужных мне субъектов пока не было. Их видно издалека, потому что служба во дворце накладывает на людей определенный отпечаток, да впрочем, как и любая другая профессия. Я заказал уже третий стакан темного бодрящего пива, решив, что после него буду уходить домой, как вдруг колокольчик, висящий на двери, звякнул, и она, раскрывшись, буквально впихнула в зал полосу дождя вместе с человеком, с дождевика которого стекали струйки воды. Дождевик произнес бодрым голосом «Всем привет» и моментально оказался на вешалке.

—А, Джон, давненько тебя не было, приболел что ли? — произнес хозяин, дружески пожимая руку вошедшему.

—Да нет, работы много, — ответил тот, садясь перед стойкой бара.

Хозяин, не спрашивая согласия, налил ему стакан пива и поставил на стойку. Очевидно, многие знали этого посетителя, так как приветливо кивали ему головами или поднимали в знак приветствия стаканы. Он вежливо раскланялся со всеми, обвел взглядом зал, на секунду задержавшись на мне, и снова повернулся к хозяину, продолжая с ним начатый разговор. Этот человек не соответствовал моим представлениям о нужной кандидатуре, и я перестал уделять ему внимание. Но, как оказалось, зря. Краем уха я уловил разговор двух посетителей за соседним столиком. Наклонившись

к уху соседа, один из них сказал:

–Этот Джон веселый парень, даже дождь не портит ему настроение.

На что второй ему ответил:

–Был бы ты камердинером королевы, то также не обращал бы внимания на то, что происходит за стенами замка. Для него главное, что делается внутри «королевской кухни», а сюда он приходит, чтобы развеяться.

–Да, с такой должностью можно и в паб не приходить, а пить королевское пиво во дворце.

–Да ладно тебе, чего придираешься к человеку, ведь он служит, как и все мы. Как говорится, каждому свое место. Ему – при королеве, а нам – при муниципалитете.

На этом их разговор постепенно иссяк, и они молча продолжали пить свое пиво.

Этот разговор, как и человек, естественно, заинтересовали меня, и я решил попытаться найти контакт с ним. Допив пиво и расплатившись, я отправился домой, решив начать с ним работу в следующий раз, так как визуальный контакт у нас уже произошел. Второй день прошел так же безрезультатно, правда, он уже привык к моему присутствию и не косился на меня. Только на третий день появилась возможность заговорить с ним. Когда я пришел в паб, он уже сидел один за столиком и пил пиво. Взяв себе стакан, я попросил у него разрешения сесть рядом. Получив согласие, я присел и завел с ним беседу об английской традиции посе-

щения паба. Он сразу спросил меня, не иностранец ли я. На этот вопрос я ответил утвердительно, не скрывая, что я из России. И после этого у нас завязался интересный разговор о традициях употребления спиртных напитков в Англии и России. Теоретические вопросы мы подкрепляли практическими действиями. Начав с пива, мы затем перешли на виски. Водки, к сожалению, в пабе не оказалось. А чтобы доказать преимущество крепости водки перед другими напитками, мне пришлось смешать виски и ром в одном стакане. После употребления такого коктейля остальные напитки нам показались водой. Завершив на этом дискуссию, я взял с него слово, что он приедет ко мне в гости, чтобы попробовать настоящей русской водки из подвалов графа Воронцова, и, поймав кеб, отправил его домой. Дня через два, дав Джону время на размышление, я позвонил ему и напомнил о своём приглашении. Он без колебаний принял его и согласился приехать в семь вечера ко мне домой.

Я накрыл стол, выставив заветную бутылку водки крымского разлива и серебряные стопочки. Он прибыл ровно в семь и с удовольствием осмотрел дом, похвалив мой выбор. Разговор об интересующем меня деле я начал после третьей стопки. Поведав о событиях в России и судьбе царской семьи, о ее родственных связях с королем Англии, я потихоньку подвел его к проблеме багажа. Он ничуть не удивился и сказал, что по разговорам наверху догадался о том, что багаж русского царя находится в замке. Продолжая свое повество-

вание, я попросил его оказать мне дружескую услугу по периодическому контролю сохранности ящиков. Это заставило его задуматься. Но когда я озвучил, что эта работа будет не бесплатной, он согласился. Сошлись на десяти фунтах в месяц. Оговорив сроки и способы контакта, я вручил ему деньги за полгода вперед, после чего мы допили водку и растались, довольные друг другом.

Если эта проблема была решена, то проблема выезда в Россию оставалась под вопросом. Эдвард не выходил на связь, и я был в неведении, как обстоят дела. Нужно было что-то предпринимать. Чтобы каким – то образом прояснить ситуацию, я решил потолкаться в портовых кабачках и в самом порту. На основе этих походов я сделал вывод, что связь с Россией морским транспортом возможна. Английское правительство приняло решение отправлять туда военные грузы и распределять их среди тех, кто остался верен союзническому долгу, поэтому корабли загружались оружием, артиллерией, продовольствием и даже танками. Все эти грузовые суда караванами, под конвоем отправлялись в различные порты бывшей российской империи, так что при желании можно было устроиться на один из таких транспортов и попасть домой. Но я был связан со своим напарником, без которого мне нельзя было уезжать.

Когда я уже решил действовать самостоятельно, появился Эдвард. Он ворвался в дом с двумя большими свёртками в руках, разбрызгивая по комнате капли дождя.

– Это наша одежда, – воскликнул он, бросая пакеты на стол, после чего сорвал с себя пальто, забросил его на вешалку и плюхнулся в кресло.

– Извини, что не мог связаться с тобой. Опять эти мои начальники придумали мне срочное задание и послали неизвестно куда, не дав возможности сообщить тебе об этом. И вот сегодня, только приехав, я сразу решил нанести тебе визит. Я представляю, что ты тут пережил, не имея никаких сведений обо мне. Так что еще раз прости. Выезжаем мы послезавтра на грузовом пароходе, который везет военное снаряжение в Россию. Капитан уже предупрежден и ждет нас. Корабль завтра становится под погрузку и послезавтра в семь утра в составе каравана отправляется в вашу страну. Курс через Атлантику и Черное море на Одессу. Это как раз то, что нам нужно. А уже оттуда мы с тобой будем пробираться на Петроград.

– Наконец-то хоть что-то сдвинулось с места, – сказал я. – А о семье царя что-нибудь известно?

– К сожалению, ничего. Вызывали в МИД представителя Советов, так и он ничего вразумительного сказать не мог. По его сведениям, вроде бы их перевезли в Екатеринбург и там содержат под охраной.

– Да, ситуация непонятная. Нам надо будет в Петрограде попытаться выяснить все более детально, а затем уже предпринимать какие-то действия, – высказал я свое мнение.

– Согласен, – ответил Эдвард и, встав с кресла, подошел к

камину, потирая руки.

–Ну что, в этом доме найдется нормальное виски, чтобы согреть замерзшего путника?

–Извини, – ответил я и, достав бутылку виски, стал наполнять стаканы. Подождав, когда я закончу, Эдвард взял в руки ближайший и, подняв его на уровень глаз, сказал:

–Ну что, за успех нашей миссии в России, в этой загадочной стране, которая постоянно будоражит умы многих. Все только и обсуждают этот вопрос и те события, которые там происходят: как они отразятся на карьере людей, на их стране, экономике и прочем. И мало кого волнует, что случилось с царской семьей. Но в действие вступает зов крови. И поэтому нас посылают с тобой, чтобы мы совершили невозможное – то, что не смогли сделать политики с их, казалось бы, неограниченными возможностями. Так что давай выпьем за то, чтобы у нас все получилось.

И он, подняв стакан, выпил его залпом. Я молча последовал его примеру, хотя пить мне не очень хотелось.

–Ну, все, – сказал Эдвард, – будь здоров. Встречаемся послезавтра в шесть на седьмом пирсе. Если что надо, звони мне, – и он написал на своей визитке номер телефона.

–Хорошо, – ответил я, и мы расстались.

Проводив Эдварда, я развернул сверток. Здесь оказалось два костюма: один гражданский, а второй форменный инженера-железнодорожника, причем оба были новыми и идеально мне подходили. Во втором свертке был набор джентльме-

на для дальней поездки, включая бритвенные принадлежности и прочую мелочь.

—Хорошо, что он не привез дорожный унитаз, который так любят возить с собой богатые англичане, — подумал я.

Кроме пары штиблет и ботинок здесь оказался небольшой нож в ножнах из качественной английской стали. Очевидно, это тоже был необходимый дорожный атрибут. Уж с ножом — то я умел обращаться. Три месяца подряд я тренировался у специалистов по этому делу. Доходило до того, что нас ночью человек пятнадцать с более «серьезными» ножами закрывали в комнате, и мы там устраивали битву «каждый против всех», причем били в полную силу, в полной темноте, ориентируясь только на слух и движение воздуха. Выходили оттуда часа через два с синяками и царапинами, никаких других увечий не было. Естественно, допускали туда только после серьезной предварительной подготовки. И теперь я могу не только метать нож в любую цель, из любого положения, но и работать с ним даже с закрытыми глазами, невзирая на численность потенциальных противников и их вооружение. Взвесив нож в руке, я отложил его в сторону и принялся рассматривать штиблеты. Они явно не подходили для погодных условий России. У нас там в это время лучше всего ходить в сапогах. Но где здесь, в Англии, найдешь хорошие хромовые сапоги, да еще такие, чтобы не протекали? Для этого нужен особенный мастер, который мог бы вставить вовнутрь рыбий пузырь, отталкивающий воду и делающий сапоги практиче-

ски вечными. В них можно чувствовать себя очень комфортно и летом, и зимой. Но на нет, как говорится, и суда нет. Поэтому поедем в штиблетах, а уже в России разживемся сапогами. И я начал паковать вещи, которые мне могли бы понадобиться в поездке. Всего понемногу, и это понемногу оказалось целым чемоданом средних размеров – как раз таким, какой был мне необходим в силу моего служебного положения как инженера путей сообщений.

Предпоследний перед отъездом день я провел в хлопотах: созвонился с консьержкой и предупредил ее о своем отсутствии; встретился с военным атташе и договорился с ним о том, что он возьмет на себя функции связного с нашим контролером из королевского дворца; купил продуктов питания в дорогу и сувениров для знакомых; снял наличные деньги в банке и спрятал их в крышке чемодана, а часть зашил в костюм; ходил в парикмахерскую и привел в порядок свой внешний вид; наметил предварительный план действий по поиску царской семьи. Кроме этого, я встретился с командиром отряда офицеров-бомбистов, именно того отряда, который стал формироваться в армии и проходил специальное обучение в Англии, а теперь возвращался домой. Я договорился, что в случае надобности этот отряд окажет мне содействие. Все это отняло у меня достаточно много сил и энергии, и к вечеру я вернулся домой, не чувствуя ног от усталости. Еще раз, проверив свой багаж, я свалился в постель и заснул мертвым сном.

Морской круиз в Одессу

Рано утром, откушав крепкого кофе, я на кебе рванул в порт. На седьмом пирсе меня уже поджидал Эдвард Боунд. Был он в шляпе, в темном пальто из толстой английской шерсти и с тросточкой в руках. Поздоровавшись, мы по трапу поднялись на сухогруз, где нас встречал капитан корабля. Он любезно провел нас в каюты, предупредив, что отплытие ровно в семь. Я только начал распаковывать вещи, как вдруг раздался гудок буксира, и судно, вздрогнув, отошло от причала и начало медленно разворачиваться носом в сторону моря. Корабль ожил, стал наполняться тихим гулом – это заработали паровые машины, готовясь к сложной борьбе с Атлантическим океаном. Буксир, выведя нас за пределы порта, отвалил в сторону, и корабль, прочистив свой гудок громким ревом, стал постепенно набирать скорость, стараясь быстрее вырваться на просторы Атлантики.

Разложив вещи, я решил выйти на палубу, чтобы еще раз окинуть взглядом оставшийся за бортом город. Дождя не было, и в лучах расцветавшего дня серая громадина Лондона постепенно отдалялась, приобретая игрушечный вид. Дул холодный встречный ветер, поднимая с верхушек волн холодные брызги, которые изредка долетали до палубы корабля и приземлялись здесь в виде мокрых капель. Налетевший порыв ветра чуть не сорвал с меня фуражку, и я, подхватив

ее рукой, решил вернуться в каюту. В коридоре я встретил стюарда, который от имени капитана пригласил меня в кают-компанию на чай. Быстро раздевшись, я последовал за ним. Там уже были Эдвард, капитан и его старший помощник. Присев рядом с ними, я принял из рук матроса кружку горячего крепкого чая и стал с наслаждением его пить. В ходе чаепития я выяснил, что судно держит путь на Одессу, куда оно намерено добраться через две недели, а затем, разгрузившись, через три дня должно отправиться в обратный путь.

Время, в принципе, пролетело быстро. Мы с Эдвардом играли в покер, вели нескончаемые беседы о будущем, которое было туманным, и отработывали азы взаимопонимания при проведении определенных действий, которые могут иметь место во время предстоящего посещения России. Это было очень важно. Нам надо было научиться чувствовать друг друга, разговаривать взглядом и жестом, придумать язык, который был бы понятен, только нам двоим. Наше взаимодействие мы начали отработывать на стюарде, который не знал, куда деться от наших неожиданных действий. Позже мы взялись за кока, и он, бедный, не понимая, что к чему, на всякий случай стал более тщательно готовить пищу, чем заслужил благодарность капитана. Как говорится, нет худа, без добра. В результате, этих двух недель нам хватило, чтобы приспособиться друг к другу, и в Одессу мы прибыли сплоченной командой.

Договорившись с капитаном о том, что пока не устроимся, мы будем хранить вещи на корабле, я и Эдвард сошли на берег. В городе власть находилась в руках армии и представителей низвергнутого большевиками Временного правительства. Везде были патрули, действовал комендантский час. При выходе из порта у нас проверили документы, и старший офицер подсказал, где можно снять приличное жилье. Поймав извозчика, мы погрузились в пролетку и поехали по каменной мостовой, с удовольствием вдыхая весенний воздух. Солнце почти скрылось за горизонт, и на город опускались сумерки. Они постепенно заключали в свои объятия улицу за улицей, оставляя за собой редкую череду фонарей, которые своим желтым светом пытались разогнать сгущавшуюся южную темноту. Поездив по переулкам и просмотрев ряд сдававшихся комнат, мы, наконец, наткнулись на приличный двухэтажный каменный дом, который произвел на нас хорошее впечатление, так как здесь полностью сдавался весь второй этаж. К тому же туда имелся отдельный вход и окна выходили в небольшой садик, огороженный деревянным забором. Дом располагался на стыке двух улиц, и при желании можно было выйти на любую из них. Мы сняли этот дом. На каждого получилось по две комнаты, спальня и небольшая гостиная, заставленная приличной мебелью. Решив завтра забрать вещи с корабля, мы начали обустраиваться на новом месте.

Утром меня разбудил солнечный зайчик, каким-то обра-

зом проникший сквозь шторы и начавший упорно светить мне в лицо. Пришлось вставать. К тому же по квартире витал запах свежесваренного кофе и еще чего-то вкусного. Очевидно, это был наш завтрак, который входил в пансион, уже оплаченный нами. Я быстро встал и привел себя в порядок. Благо, не надо было бриться, так как еще в Англии я отпустил себе бородку, чтобы немного изменить свою внешность, и теперь она требовала только небольшого ухода. Спустившись в гостиную, я присел за накрытый стол, на котором лежали тосты, аппетитно подсвечивая румяными боками, и пофыркивал кофейник. Эдвард появился здесь минут через пять, с удовольствием потирая руки и алчно поглядывая на стол. Мы не успели налить кофе, как буквально сразу оказалась служанка с яичницей в большой сковородке и стала раскладывать ее в наши тарелки. На аппетит мы не жаловались, и все, что было на столе, смели подчистую. Когда наступил период сытого блаженства, Эдвард спросил: -Ну и что мы намерены сегодня делать?

-Хороший вопрос,- ответил я, попивая горячий кофе.

-Ну, во-первых, заберем свои вещи. Во-вторых, узнаем обстановку. Ну а затем определимся, как можно быстрее попасть в Петроград.

-Тогда давай разделимся. Я пойду выяснять ситуацию в английскую военную миссию, а ты действуй по своему усмотрению, - ответил Эдвард. -Встретимся вечером здесь и обменяемся мнениями.

Определившись, что нам надо делать, мы разошлись по своим комнатам. Быстро одевшись, я вышел через второй выход в садик, чтобы осмотреть его на всякий случай. Он был небольшим и достаточно уютным. В его деревянном заборе я обнаружил две не очень крепко прибитых доски, которые легко отодвигались в сторону, образуя своеобразную калитку, через которую я и вышел на улицу.

Одесса сегодня принадлежала англичанам и французам, которые высадили здесь свой десант. Поэтому их патрули были везде, а на некоторых улицах матросы сматывали веревочные границы, делившие город на отдельные территории в зависимости от той власти, которая не так давно находилась там. Вчера вечером мы этого не заметили. Очевидно, извозчик хорошо знал город, и поэтому доставил нас на место, минуя эти границы.

Дело в том, что Одесса привлекала к себе многих. Немало было таких, которые украдкой поглядывали на нее, а самые смелые делали попытки обладать ею. И когда они дорывались до ее «тела», то в первую очередь старались поглубже залезть в карман обывателя, чтобы забрать то, что еще осталось от прошлого грабежа. Но одесский обыватель стойко выдерживал этот натиск и показывал свои удивительные способности приспосабливаться к любой власти. Зайдя в комендатуру, чтобы узнать общую ситуацию в стране, я стал свидетелем беседы помощника коменданта с депутацией содержателей публичных домов со Средней улицы. Они втол-

ковывали ничего не понимающему молодому прапорщику, что военные патрули должны взять под охрану их заведения и разбираться с конфликтами, которые периодически возникают по вине клиентов. За это господам офицерам они обещали определенные льготы и в деталях живописали, в чем они будут заключаться. Прапорщик, весь красный от их откровений, отказывался пропустить делегацию к коменданту, мотивируя это тем, что вопросы такого рода не входят в компетенцию военной комендатуры.

Из бесед в этой же комендатуре я узнал, что российское общество разделилось на красных и белых. Кроме этого были еще зеленые, синие, серые и прочие цвета, которые поддерживал тот или иной обыватель. Причем выбор цвета зависел от внутреннего состояния человека, его видения перспектив лучшей жизни. И как оказалось, цвет оправдывал свое название в требованиях и поведении этих цветных организаций, поскольку в практических действиях они не гнушались красным цветом, используя насилие и пуская море крови невинных людей. Картина была нерадостная. Непонятно было, какая власть правит в каком-то конкретном городе. Сегодня приходили одни, а утром их выгоняли другие. Аналогичная ситуация была и с денежными знаками. Народ верил царским деньгам – «катенькам» и банкнотам Временного правительства – «керенкам». Однако приходившая новая власть почти всегда привозила свой печатный станок и на газетной или любой другой бумаге печатала свои денежные

знаки, заставляя народ использовать их в торговле и взаимных расчетах. Такое отношение к деньгам приводило к тому, что они теряли функции объединяющего начала, свою энергию и превращались в однодневные бумажки, которые выбрасывались в мусорные корзины с очередной сменой власти. Страна постепенно скатывалась к натуральному обмену, отбрасывая все остальное в сторону, как ненужный хлам.

Таким образом, рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. Нужно было самим решать, как лучше добраться до Петрограда через всю эту недружелюбную территорию, наспигованную всякими бандами и повстанческими армиями. Взвесив все, я пришел к выводу, что больше шансов добраться до Петрограда было по железной дороге. Во-первых, пусть не регулярно, но поезда упорно перевозили грузы и пассажиров, несмотря на хаос, царивший вокруг. Во-вторых, даже если случится бандитское нападение на состав, здесь больше шансов уцелеть, учитывая количество народа в поезде и наши с Эдвардом профессиональные навыки. И, в-третьих, если мы поедем своим ходом, то у нас вообще мало шансов, доехать до пункта нашего назначения.

Теперь нужно было определиться, в какой роли нам с коллегой садиться в поезд: если в форме отставных офицеров, то это сразу ставит нас под удар; на крестьян мы были не похожи. Оставался один вариант: пробираться под видом рабочих, которые массово, в связи с закрытием предприятий мигрируют по стране в поисках продовольствия. Для этого

нам следовало просидеть в Одессе пару дней, чтобы войти в образ и подобрать соответствующую одежду. А для этого надо завтра утром сходить на рынок, самое бойкое место в городе, и кроме одежды набрать побольше сведений, которые могут пригодиться в дороге. Побродив по Одессе и посетив железнодорожный вокзал и порт, я к вечеру добрался домой.

Там уже сидел мой приятель и попивал шустовский коньяк. Уловив мой удивленный взгляд, он философски произнес:

–Чему тут удивляться: коньяк как коньяк, даже очень ничего для разнообразия.

–Где же ты его взял? – спросил я.

–Не поверишь, презентовали в английской миссии. Ну и я решил попробовать.

–Да, это сейчас мы знаем, что такое шустовский коньяк. А когда он был еще не известен никому, то его хозяину пришлось приложить максимум усилий, чтобы народ оценил по достоинству этот великолепный напиток. Он нанял группу молодых людей и послал их в питейные заведения – кабаки, трактиры, рестораны, чтобы они требовали там шустовский коньяк. Естественно, его у них не было, начались скандалы, дело доходило до драк. Чтобы прекратить это, хозяева начали выяснять, где же можно приобрести этот напиток. Нашли склады Шустова и стали делать оптовые закупки. И постепенно этот коньяк нашел своих ценителей. Вот и ты попал в эту категорию.

– Да я и не возражаю, – ответил Эдвард и выпил стакан до дна.

– Ну а теперь вернёмся к нашим вопросам. Дело в том, что мне в миссии сказали, что положение её сотрудников здесь шаткое. Они испытывают какое-то непонятное давление. Вроде нет особых опасений, а дело не идет. Во-вторых, они ставку сделали на Директорию, а не на Добровольческую армию. Это в основном идея французов. И как мне намекнули, союзники в ближайшее время передадут власть именно Директории, а сами отправятся домой. Самое поразительное в другом: в том, что солдаты испытывают паническое чувство страха, словно кто-то постоянно их угнетает и выгоняет отсюда. Особенно неуютно они чувствуют себя по ночам. Как говорят медики, именно в это время к ним приходит что-то и перетряхивает их душу вверх дном, словно ищет кого-то. Это происходит выборочно, но солдаты напуганы до ужаса. И как ни удивительно, все это стало происходить буквально на днях. Поэтому командование приняло решение в ближайшее время провести эвакуацию.

– Да-а..., – задумчиво произнес я. – Оно, скорее всего, ищет кого-то, кто недавно прибыл в Одессу. Под это подозрение попадаем и мы с тобой. Значит, как можно скорее нам следует уезжать отсюда.

– И как мы поедем? – спросил Эдвард.

– На поезде, – ответил я. И детально изложил ему свои соображения по этому поводу. Немного поразмыслив, Эдвард

согласился с моими доводами. И мы с ним стали разрабатывать план дальнейших наших действий.

Одесские страдания

Рано утром мы отправились с ним на Бессарабский рынок. Несмотря на тяжелое время, он, раскинувшись в разные стороны, бурлил и кипел страстями и продажным ажиотажем. Все продавалось, и все покупалось. У кого не было приемлемых денежных знаков, тот предлагал самый обычный натуральный обмен. Манто шло за сало, золотое кольцо – за иностранную тушенку, офицерский наган менялся на табак. Кругом шныряли подозрительные личности, хищно поглядывая на покупателей и их товары для обмена. Я предупредил Эдварда, чтобы он был осторожен со своими карманами и ни с кем не вступал ни в какие разговоры. Поэтому он шел впереди меня, опустив руки вдоль карманов пальто, словно прикрывая их, хотя там ничего не было. Все деньги были у меня. Вечером я попросил хозяйку, тетю Сою (она так просила себя называть), поменять мне фунты стерлингов на «катеньки», и теперь я располагал достаточно солидной суммой российских рублей. Часть из них я взял на рынок. Торговля шла и в торговых рядах, и в подворотнях, и в темных углах, и на тротуаре. Торговали не только местные жители, но и иностранные солдаты, которые выделялись среди всех своей формой. Мы тоже, несмотря на то, что пытались одеться скромнее, на фоне общей серой массы выглядели неоднозначно. Но другой одежды у нас не было,

именно поэтому мы и приехали сюда, чтобы купить ее.

Наконец мы добрались до тех рядов, где торговали мануфактурой и одеждой. Однако то, что нам было нужно, не попадалось. А нам необходима была ношенная одежда, не очень старая и не очень новая. Соответствующим образом должны выглядеть и картузы и сапоги. Все, что мы присматривали по пути, не очень пока нам подходило – то слишком новое, то слишком ношенное. Пока мы примеряли одежду, вокруг нас стала петлять такая себе ничем не примечательная личность. Она делала круги вокруг нас, то заглядывая в лицо, то посматривая издали, словно пытаясь что-то вспомнить. Это насторожило меня, и, подав условный знак Эдварду, я стал готовиться к возможным неожиданностям. Мы как раз подошли к дальним рядам, которые упирались в тупик, рядом с которым было боковое ответвление в виде узкого коридора. Народу было мало, так как основная масса покупателей крутилась вокруг продуктов питания. И когда мы подошли к коридору, неприметная личность бочком пододвинулась ко мне и шепотом спросила:

–Интересуетесь чем – то конкретным?

–Интересуюсь,– ответил я, глянув в его сторону.

–Могу посодействовать, – ответил тот и вопросительно глянул в мою сторону.

–Это как? – спросил я.

–Да вот прошу сюда, – он кивнул на коридорчик, – там все, что душе угодно.

Я посмотрел на Эдварда. Тот пожал плечами, давая понять, что решение принимать мне. Учитывая то, что ряды с товаром заканчивались, а мы еще ничего не купили, я решил рискнуть.

—Ну что ж, пошли, — сказал я неприметной личности, и он, обрадовавшись, побежал вперед, показывая дорогу и призывно махая рукой. Следуя за ним и войдя в коридорчик, мы внезапно наткнулись на стену, состоящую из двух человек с явным намерением не пускать нас дальше. Не желая идти напролом, я повернулся назад, но и там уже стояли два человека, небрежно сплевывающих семечки на землю. Мы с Эдвардом моментально встали спиной друг к другу так, чтобы с одной стороны была глухая стена, а с другой эта четверка неизвестных. Один из них, видимо, старший, вытащил из-за спины дубинку, а другой достал финку.

—Ну что, господа хорошие, сами все отдадите или как?

—Или как, — ответил я. — Подойди и забери, но будет очень больно.

Это вызвало бурные эмоции у всех четверых, которые зашлись от смеха.

—А мы сейчас поглядим, — сказал один из тех, что находились слева, и двинулся к нам.

—Мои слева, твои справа, — шепнул я Эдварду, и мы стали готовиться к встрече.

Места для маневра у нас не было. Поэтому я, не дожидаясь, пока они возьмут нас в кольцо, резко выдвинулся на-

встречу им и двумя резкими ударами ребром ладони уложил одного на землю, а второго достал ударом ноги в солнечное сплетение. Он сложился пополам и, хватая воздух открытым ртом, опустился рядом с первым. Повернувшись в сторону Эдварда с желанием помочь, я увидел, что он уже справился сам, отправив одного в нокаут, а второго припечатал к стенке, выкрутив из правой руки нож. Наклонившись над стонущими бандитами, я быстро обыскал их карманы и нашел два револьвера, которые забрал себе. Эдвард поднял нож и дубинку. Не успели мы повернуться к выходу из коридора, как в стене открылась потайная дверь и оттуда, хлопая в ладоши, вышел в сопровождении человек семи молодой мужчина приятной наружности.

–Браво, браво! – воскликнул он, продолжая аплодировать.

–Никогда бы и в голову не взял, что Сему Быка можно уложить одним ударом! Я снимаю перед вами шляпу, – и он картинным жестом приподнял свой картуз.

Это польстило Эдварду, и он самодовольно улыбнулся. Я же, продолжая рассматривать незнакомца, держал его и всю компанию на мушке двух револьверов. Но это ничуть не смущало его. Продолжая говорить, он двигался нам навстречу.

–Я имею сказать вам одну вещь. Вы очень красиво умеете ломать бока шантрапе. И это вызывает во мне впечатление. Но главное не это и даже не то, шо они готовы порвать вас, после того как вы их красиво погладили, а то, шо к вам имеет

слово один человек.

И он, обернувшись, подал знак рукой своей компании, которая стояла сзади. Они расступились, и откуда-то из-за них появился прилично одетый пожилой человек. Он, робко оглядываясь назад, стал приближаться ко мне, бочком обходя стоявшего на середине пути молодого мужчину. Приблизившись ко мне, он внимательно посмотрел, а затем, тяжело вздохнув, спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы случайно не родственник господина Савранского с Васильевского острова?

Меня бросило в пот. Это был пароль, который мы оговорили с ротмистром на случай экстренной ситуации. Значит, опять что-то случилось, и ему требуется моя помощь.

– Нет, – ответил я, – мы просто с ним жили по соседству. И я остановился в ожидании дальнейших действий.

– Ваш друг передает вам большой привет.

– А где вы с ним встречались?

– Видите ли, я сидел с ним в одной камере на Лубянке. Его, как и меня, арестовала новая власть. Его как офицера, а меня как ювелира. Но, слава Богу, еще есть люди, которые имеют цену. Мне пришлось кое-что кое-кому дать, и вот я теперь здесь, а ваш друг еще там. Он просил вас посодействовать, так как время работает против него. Там в камерах у них народу, как сельдей в бочке, и каждую ночь они расстреливают этот народ, чтобы освободить помещение для других. Этот кошмар и ужас передать невозможно. И я вам советую, мо-

лодой человек, быть осторожным, потому что там собрались бандиты со всей страны. Я даже встретил одного, который в свое время меня грабил. Так теперь он сотрудник ЧК. Как вам на минуточку?! И кстати, именно он мне помог. Так что, если вам надо, запомните, где его можно найти.

И он на ухо прошептал мне фамилию и адрес.

–Вы говорите «бандиты», – ответил я.– А это кто? – и я показал на стоявших сзади разбойников.

–Что вы, молодой человек! Это еще дети по сравнению с теми! Вы в этом сами скоро убедитесь. Ну, кажется, и все, что я имел сказать вам, молодой человек.

И он, приподняв шляпу, попрощался со мной и двинулся в обратную сторону. Я опустил револьверы и протянул их стоящему невдалеке молодому парню. Он взял их, положил в карманы и, чуть склонив голову, доверительно сообщил:

–Разрешите представиться: Миша Япончик. Одесса-мама меня знает вся, теперь будете знать и вы. Я на вас получил впечатление. Если надо, обращайтесь. В трактире на Молдаванке спросите меня у любого шкета, и они проведут до меня. Друзья Лени-ювелира – мои друзья.

И он, развернувшись, ушел, сопровождаемый своими подельниками. Эдвард вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил ему сложившуюся ситуацию, и мы пошли продолжать искать вещи, так необходимые нам. На этот раз нам повезло. Буквально в конце вещевого базара у разбитной торговли мы купили все необходимое. Единственное, что дол-

го выбирали, так это сапоги для Эдварда. Никогда не видя такой обуви, Эдвард около часа примерял ее, пытаясь намотать портянку, чтобы подобрать сапоги по ноге. Торговка падала со смеху, смотря на то, как он делает это. Затем не выдержала, сама зажала его ноги между своими, намотала ему портянки и надела сапоги. Он был очень доволен и решил не снимать сапоги до самого дома.

В доме, раздевшись, мы еще раз примерили наши обновки и остались довольны покупками. Эдвард в сапогах и косоворотке выглядел эдаким рубахой-парнем. Ему бы еще гармоннику в руки – и можно было бы ходить по сельским улицам, приманивать девчат. То есть мы практически были готовы к поездке, единственная проблема состояла в том, как нам сесть на поезд и каким маршрутом лучше добираться в Петроград. Решили отложить решение этого вопроса до завтра.

Ночью была страшная буря. Ветер повалил много деревьев и раскачивал крышу дома как хотел, пытаясь ее сорвать и забросить куда-то подальше, словно открывая прямой путь кому-то неведомому к постояльцам, которые молча дрожали под одеялами.

Утром нас разбудил шум на первом этаже. Слышна была быстрая ходьба и причитания. Мы мигом выскочили из своих спален и спустились вниз. Здесь все было в движении. Туда – сюда прислуга таскала какие-то тюки, свертки, доставала из буфета хрустальную посуду и прятала ее в картонные ящики. Ничего не понимая, мы безмолвно стояли сбоку

и наблюдали за этой суетой, пока не появилась теть Соня. Она буквально всплыла в гостиную, расталкивая своей мощной грудью прислугу, и направилась прямо к нам.

– И шо это будет, я вас спрашиваю? И шо мне теперь делать? Я на вас удивляюсь, шо вы еще теперь здесь. Берите ноги в руки и быстро бигите, пока можно, а то потом будет никак. И шо теперь делать бедной тети Сони?

Этими вопросами она засыпала нас. Мы были настолько растеряны, что даже ни одного слова вставить не могли. Наконец Эдвард, не выдержав ее причитаний, во весь голос гаркнул:

–Мадам!

Она вздрогнула от неожиданности, и ее лицо стало приобретать осмысленное выражение.

–Как! Вы еще ничего не знаете?

–Ничего, – ответил я.

–И что это за город такой? Все, что хотят, то и творят, – снова завелась теть Соня.

–Так вот, что я вам скажу: бегите из него как мама на душу положит. Сегодня англичане и французы начали эвакуацию. А в сорока верстах от Одессы стоит банда атамана Григорьева, чтоб ему пусто было. И он ждет, когда тут освободится территория, чтобы провести, как это говорят, экспроприацию. Что за слово такое поганое?! Будут опять ходить по домам, переворачивать все вверх дном и искать ценные вещи. Причем, эти все ненасытные. У каждого бандита сей-

час человек по пять родственников ждут с телегами, чтобы пограбить бедную Одессу. Ну как вам?

Новость была из ряда вон выходящая. Такого расклада мы не ожидали. Что повлияло на экспедиционный корпус, который еще вчера чувствовал себя здесь вполне сносно? Не ночная же буря? Вполне очевидно, что и нам задерживаться здесь не имело смысла. Надо было искать выход из сложившегося положения и пробираться на Петроград.

Наскоро перекусив, мы переоделись в приобретенные вчера на базаре вещи, а остальные оставили тете Соне за соответствующую плату и выскочили на улицу. Здесь был шум и гам. Кроме воинских подразделений, которые в строгом порядке двигались в порт, гремели телеги и авто, перевозившие всякий скарб, бегали, причитая, толпы людей, надеющихся найти место на корабле и уехать за границу. Мы бросились на железнодорожный вокзал. Здесь были такие же толпы людей, но поезда не ходили. Железнодорожный путь прочно блокировала банда атамана Григорьева. И люди сидели, ожидая неизвестно чего. Хоть этого мне и не хотелось, но, посоветовавшись с Эдвардом, мы решили попробовать обратиться за помощью к Мишке Япончику.

Наш путь снова лежал на Молдаванку. Как и везде, здесь тоже царил ажиотаж. Но если в центре была почти паника, то здесь явно было видно, что все находились в предвкушении чего-то необычного. И скорее всего, грабежа, ввиду отсутствия какой – либо власти. В трактире было не протолк-

нутья. Не то, чтобы много пили, а больше всего шептались по углам. На нас в принципе не обратили особого внимания. Мало ли кто заходит сюда! Поэтому, протолкнувшись к хозяину, стоявшему за перегородкой в углу зала, я выбрал момент и шепнул ему на ухо заветную фразу.

– Не знаю такого, – важно ответил он и отвернулся.

Я поймал его сзади за косоворотку и под удивленные взгляды присутствующих медленно произнес:

– Делай, что надо, а то Миша будет недоволен!

Он побледнел и кивнул головой стоящему рядом полово-му, который моментально исчез за дверью. Минут через пять он вернулся с вертлявым субъектом, который, подойдя к нам и осмотрев снизу доверху, спросил:

– Это вы что ль к Мишке Япончику?

– Ну, мы, – ответил я, молча выдержав его взгляд.

– Ну, тогда пошли. И он направился к двери, из которой только что вышел.

Переглянувшись с Эдвардом, мы двинулись за ним. За дверью мы попали в небольшой темный коридор, который заканчивался лестницей, ведущей вниз. Там оказалось полу-подвальное помещение, оборудованное под хорошую гостиную комнату. В ней на кожаном диване в окружении нескольких человек сидел Мишка Япончик и покуривал длинную папиросу, пуская синий дым в потолок.

Увидев нас, он удивленно приподнял брови, а затем, очевидно узнав, расплылся в улыбке.

–Какие люди! – он картинно встал, раскинув в стороны руки, отпустил своих компаньонов и приглашающим жестом показал нам на диван.

Мы присели, и стали молча разглядывать друг друга.

–Что, господа хорошие, видать, вас сильно припекло, раз занырнули в наш трактирчик! Может водочки или коньячку?

–Нет, спасибо, – ответил я.

–Ну, тогда чем может Миша помочь таким уважаемым господам?

–Советом, ну и может еще чем. Все зависит от ваших возможностей и желания.

– Это надо поглядеть. Так что открывайте карты, господа хорошие!

–Да скрывать– то особо нечего. Вот решили пробраться в Петроград, а поезда не ходят и пароходы не идут. Может, у вас есть какие-то возможности в этом направлении?

–Да, положеньице и в Одессе, и у вас хуже некуда. Одесса, как девка, кто ни приходит, все пытаются ее взять силой. Нет, чтобы добром и лаской! Ну а у вас и того сложнее, вам надо драпать как можно быстрее. Только вопрос: на чем и когда? Эти, тоже мне союзнички, мобилизовали для себя всех лошадей в городе и возят сейчас на них свое добро на пароходы. А остальным что делать? И у нас, в нашем сложном деле тоже возникли трудности. Вот сейчас сидим и думаем, как нам дальше быть.

–Да мы не бесплатно просим помощи, – вступил я в раз-

говор.

–Ну шо мне с того? Я не могу брать деньги с друзей моих друзей. Лучше я так помогу, так и мне потом так помогут.

–Дерганый, а Дерганый! – крикнул он, обращаясь к двери, глядя туда поверх наших голов.

Дверь отворилась, и на ее пороге показался кряжистый парень, у которого левая щека периодически подергивалась.

–Вот шо, – сказал Япончик, – дуй к Семке Ломовозу и скажи, шоб немедля запрягал тарантас. Он повезет этих господ до Мамкиного разъезда, ну там, где для паровозов есть круговой механизм, и посадит их на ближайший поезд.

И, повернувшись к нам, объяснил, что сейчас поезда доходят до этого разъезда, а там паровоз, отцепившись от состава, разворачивается на круговом механизме в другую сторону и, присоединившись к хвосту состава, везет его в обратном направлении. Пока об этом мало кто знает, но к обеде будут знать все. А эвакуация продлится минимум дня два. Так что железная дорога из Одессы скоро работать не будет. А там пассажиров станет невпроворот.

–Это все, что я сейчас могу сделать для вас, – сказал Япончик. –Ну, а пока, господа хорошие, располагайтесь, заодно и перекусим, шоб у горли не деренчало.

И он крикнул в коридор, чтобы принесли что-нибудь поесть. Минут через двадцать на стоящем перед нами столе выросла гора вкусно пахнущей еды. Здесь уютно расположились и вареная картошка, и поджаренная свинина, посы-

панная луком, и жареные бычки, и жирная, вся светящаяся таранка, и крупно нарезанный хлеб в глиняной миске. Весь этот натюрморт завершила запотевшая от холода бутылка сминовской водки, гордо поставленная на середину стола.

–Ну, господа, – сказал Миша, – прошу к нашему угощению! И он первым придвинулся к столу, взяв в руки бутылку.

Мы с Эдвардом, переглянувшись, отказались от водки, мотивируя это дальней дорогой, и набросились на еду. Япончик, ничуть не обидевшись, налил себе немного в стакан и с удовольствием выпил за нашу поездку. К концу нашего завтрака робко вошел парнишка, который привел нас сюда, и торжественно провозгласил:

–Карета подана!

Мы с Эдвардом поднялись, вопросительно глядя на Япончика. Тот, доев картошку, медленно поднялся из-за стола и подошел к нам. Крепко пожав руки, он сказал:

–Не забывайте Одессу-маму, она добрая к тем, кто ее любит. Думаю, вы пришлись ей по душе. Денег не надо, придет время, может, и вы, чем мне подсобите. Да, и если будет сильно надо, то в Питере на базаре спросите Ломаку, очень серьезный человек! Скажите, что от меня, он мне должен, поэтому поможет вам. Скажите ему, шо Миша просит помочь за Валета, он все поймет.

Поблагодарив его, мы вышли на улицу. Здесь нас дождался зеленый тарантас, в который были запряжены две лошади. Побросав в него наши котомки, мы молча уселись под

пытливым взглядом здорового мужика, очевидно, того самого Семена Ломовоза. Он хлопнул вожжами, и мы, вырвав на мостовую, влились в поток беженцев, выбирающихся из Одессы. За городом лошадки пошли быстрее, обгоняя пешеходов, медленно тянувшихся к разъезду. По пути к нам подскакивали какие-то всадники, но, увидев нашего возницу, резко поворачивали коней обратно. Это касалось и бандитских шаек, которые останавливали отдельных беженцев и начинали трясти их вещи. Нас они не трогали, предпочитая отвернуться в сторону, словно не замечая. Оружия при нас не было, кроме тех ножей, которые мы везли из Англии. Но при случае и этого нам было достаточно для того, чтобы отразить любое нападение. Возница за все время нашей поездки не проронил ни слова. Да и мы не пытались загружать его разговорами, видя явное нежелание общаться. Поэтому каждый погрузился в свои мысли, попутно наблюдая за пейзажем, который открывался перед нами. Вокруг была унылая степь, постепенно оживающая под лучами весеннего солнца. Кое-где проглядывали островки зелени и порхали птички, своим щебетанием наполняя пьянящий воздух.

— Да, — думал я, — спасибо ротмистру: и здесь свел меня с нужным человеком! Если бы не Мишка Япончик, нам бы сложнее было выбраться из Одессы и отправиться в столицу. Вот как жизнь все расставляет на свои места! Раньше я и подумать не мог, что придется обращаться за помощью к бандиту. Все встало с ног на голову. И очевидно, это только

начало того хаоса, который грядет. Япончик был одним из немногих, кто обладал реальной властью в городе. И что самое интересное – умело пользовался этим.

Неожиданное столкновение: чудовище из Зазаркаля

Часа через три, наглотавшись пыли, мы подъехали к разъезду. Здесь было полно беженцев, повозок, лошадей, расположившихся отдельными кучками в ожидании поезда. Все с надеждой посматривали вдоль бегущих железнодорожных путей в ожидании состава. Наш возница, выбрав свободное место, притормозил лошадей. Мы спрыгнули с тарантаса и, поблагодарив Семена, пристроились неподалеку от поворотного механизма, надеясь попасть в первые вагоны поезда в случае его прихода. Рассматривая окружающую публику, я отметил, что на небе постепенно стали появляться облака, которые под воздействием ветра стали окружать нашу территорию, закрывая светившее до этого солнце. Сначала это были отдельные облака, а потом их хаотическое движение приобрело какой-то порядок, и они, словно рота солдат, стали двигаться к нам определенным строем, занимая соответствующее их рангу положение. Это были кучевые облака различной причудливой формы, которая меняла свои очертания в зависимости от освещения и положения в строе. Так продолжалось минут пятнадцать, пока на горизонте не показалось огромное темное облако, сразу закрывшее собой все солнце. Моментально стало темно. Все замерли в предчув-

ствии чего-то необычного. А облако, меняя очертания, все больше приобретало формы какой-то амебы, раскинувшей свои щупальца во все стороны. Они, извиваясь, тянулись к земле, словно ощупывая все перед собой и ища что-то очень нужное им. Не найдя искомое, они возвращались обратно и выстраивались амебой в другую сторону, продолжая свои поиски. В облике этой амебы мне показались знакомые черты того чудовища, с которым я встретился в зазеркалье. Я замер от неожиданной догадки. Неужели это чудовище вышло оттуда, чтобы найти меня именно в тот момент, когда я не готов к такой встрече? А то, что оно ищет меня, я понял однозначно, потому что его щупальца накрывали каждую кучку отъезжающих, которые в страхе прижимались один к другому. Перебрав их поодиночке, щупальца двигались дальше. Один только мужичок, крепко выпивший, не боялся ничего и крыл матом двигающуюся тучу, держа в руках бутылку самогона. Щупальца было потянулись к нему, но затем, словно испугавшись чего-то, резко отпрянули в сторону. А он, развернувшись в их сторону, топал ногами и грозил кулаком. Я сразу понял, в чем дело. Алкоголь меняет сознание и энергетику человека, как бы размывает, раздваивает его, давая возможность выйти на первое место совершенно другим качествам, делая его порой неузнаваемым для окружающих. И тогда человек становится невосприимчивым ко многим вещам, которых он сторонился или боялся ранее. И поэтому облако, настроенное на восприятие меня как опре-

деленной целостной системы, не может понять этого двойственного состояния и отходит в сторону.

Я взглянул на Эдварда, который стоял, словно замороженный, всматриваясь в приближающиеся к нам щупальца. Облако находилось уже метрах в пятидесяти от нас и готовилось выбросить свои щупальца в нашу сторону.

Надо было что-то срочно решать, иначе мы не сможем доехать даже до следующей станции. Изловчившись, я бросился к мужику и, вырвав у него из рук бутылку с самогоном, в два прыжка оказался рядом с Эдвардом. Не говоря ни слова, быстро открыл бутылку и на четверть опорожнил ее, а затем сунул в руки оторопевшему Эдварду. Тот моментально отреагировал, поднеся ее ко рту и сделав пару крупных глотков. Мы сделали это вовремя, и, когда щупальца накрыли нас, хмель уже открыто бродил в моей голове, которая мысленно награждала облако теми же эпитетами, что и пьяный мужик. Щупальца, замерев на мгновение, словно нащупав то, что искали, внезапно отпрянули и как-то съежились, с опаской обойдя нас. Казалось, опасность миновала и можно праздновать победу, но беда подстерегала с другой стороны. Словно не найдя то, что ему надо, облако раздвинулось в стороны и над нами завис взявшийся словно ниоткуда огромный «Цеппелин». Притормозив на минутку, словно прицелившись, он открыл пулеметный огонь по отъезжающим и стал бросать бомбы, стараясь попасть в поворотный механизм. Все кругом пришло в движение, перепуганные лошади

рванули в степь, таща за собой повозки, а люди, крича и плача, бросились искать хоть какое-нибудь укрытие. Мы бросились на землю, но очередная взрывная волна оглушила нас и швырнула прямо в чрево поворотного механизма. Он и послужил нашим укрытием от пулеметного огня и следующей серии взрывов, которая прошла как раз по тому месту, где ранее мы стояли. Дирижабль, еще немного поупражнявшись в стрельбе по беззащитным людям, медленно поплыл дальше, подгоняемый попутным ветром. Вскоре все стихло. Напуганные люди стали выбираться из укрытий, плача и причитая. Везде пахло гарью и порохом от разрывов. Вокруг валялись раненые и убитые.

Недаром говорят, что пьяному море по колено. Мы с Эдвардом приземлились вполне удачно, несмотря на кучу железа, отделавшись лишь небольшими ушибами. На наше счастье, поворотный механизм был застопорен и устоял перед взрывной волной. В противном случае из нас бы вышла котлета. Помогая друг другу, мы выбрались наверх и стали помогать раненым, оттаскивая их от поворотного механизма. В этот момент раздался басовитый гудок паровоза, который показался из-за поворота, натужно пыхтя от тяжести тащившегося за ним состава. Подъехав еще немного, поезд остановился, и выскочившие кочегары с удивлением уставились на открывшуюся перед ними картину. Затем, повинувшись приказу кондуктора, они стали осматривать железнодорожные пути и, не найдя неисправностей, вернулись на паровоз и

осторожно подъехали к поворотному механизму. Прибывшие люди высадились из вагонов и, осторожно обходя раненых и убитых, направились в Одессу. Затем паровоз отцепился от состава и заехал на поворотный механизм. Попытка развернуть его в нужную сторону сразу не удалась. Осколком бомбы погнуло балку, и она уперлась в шестеренку, которая поворачивала всю станину. Понадобилось еще часа два работы кувалдой, чтобы ее как-то выпрямить, и только затем станина с паровозом усилиями десяти человек со скрипом была развернута. Паровоз подцепил состав с другой стороны, и народ, почти пришедший в себя от внезапного нападения, рванул на посадку. Мы тоже, не теряя времени даром, заскочили в ближайший вагон и устроились на нижней полке. Потеснившись, мы пристроили возле себя женщину с детьми, а на противоположной полке расположилась молодая пара и несколько девушек. У всех на лицах и одежде были видны следы пыли и копоти от горевших шпал, пропитанных креозотом. Все были напуганы и хотели, чтобы поезд как можно скорее поехал вперед и увез от этого страшного места. Очевидно, их желание совпало с желанием паровозной бригады. Посадка была недолгой, и паровоз, выдав пронзительный гудок, тронул состав в обратном направлении. Народ, с облегчением вздохнув, стал постепенно приходить в себя. Защебетали сидевшие напротив девушки, а дети, сидевшие тихо как мышки, стали спорить между собой, доказывая друг другу, кто прав. Состав медленно набирал скорость, успо-

каивающе действуя на пассажиров и заставляя их колебаться в такт движению. За все время поездки никаких особых происшествий не было. Так, пару раз поезд обстреляли мелкие банды, да на одном разъезде пришлось таскать из колодца воду для паровоза, так как колонка для заправки водой паровозов была разгромлена чьей-то артиллерией. Поэтому пришлось создать живую цепь и по ней передавать ведра с водой. Это сплотило пассажиров, и дальше они ехали более расслабленными.

Волчья сотня

В Екатеринослав мы прибыли под вечер. На перроне, как и на всех вокзалах, было шумно и грязно. Все куда-то спешили, толкая и спрашивая о чем-то друг друга, яростно жестикулируя и мерзко ругаясь.

Мы с Эдвардом быстренько выгрузились из вагона и, миная вооруженных патрульных, через подъездные пути выбрались на небольшую привокзальную площадь. Здесь тоже толпился народ, выясняя, когда и в какую сторону можно уехать. В центре внимания были железнодорожные служащие. Люди буквально их разрывали, пытаясь выяснить сведения о расписании поездов. Нам надо было добраться до Харькова, поэтому мы также стали прислушиваться к тем разговорам, которые велись вокруг. Наши усилия вскоре были вознаграждены. Один железнодорожник, оказавшийся телеграфистом, сообщил, что под утро туда должен отправиться состав. В котором часу, и с каких подъездных путей, он не сообщил, так как не имел таких сведений. Но и это было уже кое-что. Нам необходимо было где-то пересидеть до утра, кроме этого желудок давал знать о себе периодическим бурчанием, тем самым выражая недовольство. Покрутившись вокруг, я заметил мальчишку с лотком, который бойко торговал пирожками с требухой. Мы подозвали его к себе и купили по три пирожка, расплатившись царскими

рублями. Другие он не признавал. Я уже собрался было попробовать пирожок на вкус, как сзади кто-то дернул меня за пальто и тонкий детский голосок произнес:

–Дяинька, дай пирожка!

Обернувшись, я увидел грязного мальчугана с протянутой ко мне рукой. На меня из – под оборванного картуза смотрели огромные, полные недетской тоски глаза. Поперхнувшись, я молча протянул пирожки малышу.

–Спасибо, дяинька, – сказал он и жадно набросился на них. Кроме этого я дал ему еще пять рублей. Он молча кивнул головой и исчез в толпе.

–Да, -подумал я, -как выжить такому малышу в наше сложное время? Что может сделать это хрупкое создание в случае реальной угрозы? А она подстерегает его на каждом шагу.

Эдвард также с жалостью смотрел вслед удалявшемуся мальчугану, очевидно, вспоминая своего сына. Он подошел ко мне и молча протянул оставшийся пирожок. Я кивнул ему в знак благодарности, но вежливо отказался. Он пожал плечами и съел его. Со стороны Эдварда это был поступок, который говорил о том, что наши отношения и взаимопонимание продолжают укрепляться. Что касается меня, то после встречи с мальчуганом, мне вообще расхотелось есть.

Эдвард, тяжело вздохнув, произнес:

–Да, довели страну до ручки. Вот, за все время пребывания здесь я поражен. Поражен отношением людей друг к

другу. С одной стороны, все готовы помочь друг другу, а с другой – ни с того ни с сего готовы поколотить из-за какой-то чепухи. И самое главное, что и то и другое делается очень искренне. Как это можно, я не понимаю.

–Ты многого еще не понимаешь, Эдвард. И тебе еще многое предстоит узнать, что-то тебя удивит, а что-то порадует, но все равно ты многого не поймешь. Чтобы что-то понять, надо здесь родиться и пропитаться этим духом, который зовется Россией, который вобрал в себя и испытал столько всего, что трудно даже перечислить. И поэтому если для тебя многие поступки непонятны, то для местного жителя они привычны. Ну, например, один из родственников царя, кстати, великий князь, не стану называть фамилии, будучи с официальным визитом во Франции, на приеме в Париже так набрался, что в приливе патриотического духа залез на вершину Эйфелевой башни и исполнил гимн «Боже, царя храни» от начала до конца, держась одной рукой за шпиль башни, а другой дирижируя в такт пению. Представителей французской власти чуть инфаркт не хватил. На их взгляд, это дикий поступок, на наш взгляд – вполне обычное дело. Так что, Эдвард, не стесняйся, если что непонятно, я готов всегда тебе помочь. А когда поймешь, то тоже полюбишь и эту страну, и ее народ, который не похож ни на какой другой.

–Все может быть, – ответил Эдвард. –Но скажи мне, пожалуйста, почему они так поступают со своим царем? Ведь у вас всегда была абсолютная власть. Слово – то, какое – абсо-

лютная! – И он с удовольствием нараспев произнес его. – И благодаря этому вы уверенно шли вперед, несмотря на всякие препятствия. Точно так же, как мы в Англии под знаменем короля. А теперь что? Кто будет этим знаменем, если царя нет, если убрали вековую традицию, которая вдохновляла и вела народ? Кому он будет верить, за кем пойдет?

– На этот вопрос у меня нет ответа. Время покажет. Но то, что человек без веры – это никто, я с тобой согласен. А чтобы заработать авторитет, нужны время и понятные для народа мысли и дела. Времени нет. Что касается дел, то ты видишь сам, как сегодня дела делаются – с револьвером в кармане. Или признаешь нашу власть, или к стенке. Другого варианта нет. Вот народ и приучился снимать шапку перед всякой новой властью, которая приходит в его дом, село, город, губернию. Лучше снять шапку сейчас, чем тебе снимут голову потом.

Эдвард тяжело вздохнул и, глядя на снующих по привокзальной площади людей, медленно произнес:

– Да, тяжело понять и это, – и он кивнул на людской муравейник, – и то, что ты сказал.

Наш диалог прервала внезапная паника, поднявшаяся среди толпы, затем послышались громкие выстрелы, и люди бросились врассыпную. На площадь стали выскакивать стреляющие вверх всадники в мохнатых папахах, оттесняя людей и сбивая их в кучу. У многих из них к седлам были привязаны волчьи хвосты. Раздались крики:

–Махно, Махно, волчья сотня Махно, спасайся!

Нам попадаться этой братии было никак нельзя, и мы с Эдвардом бочком стали выбираться с площади, но попали в тупик между зданием и забором, ограждающим площадь. Здесь уже метались люди, ища выход, а с центра площади скакали вооруженные всадники с явным намерением присоединить нас к остальным.

Они уже почти достигли нас, как из-за кустов, растущих под забором, чей-то знакомый голос прокричал:

– Дяинька, давай сюда,– и оттуда высунулась чумазая голова моего знакомого мальчугана. Он призывно махал рукой, показывая жестом, что здесь есть проход. Я толкнул туда Эдварда, который, встав на колени, полез за кусты в то место, куда указывал мальчик, а сам приготовился встретить всадника, который, размахивая нагайкой, вплотную подскочил к нам. Лицо его было перекошено от злости и напоминало волчий оскал. Пока он крутился возле меня, матерясь и присматриваясь, куда ударить, Эдвард исчез, а я, изловчившись, схватил храпевшего коня под узды, перехватил занесенную для удара руку с нагайкой и выбил его из седла. Не теряя времени, я бросился плашмя на землю и ужом прополз за кусты, которые скрывали приличную дыру, ведущую на противоположную улицу. Мне вослед прогремели запоздалые выстрелы, которые в основном попали в стенку. Дождавшийся меня Эдвард, мальчишка и я бросились в темноту, скрываясь от возможной погони. Проскочив через улицу, мы

миновали несколько дворов и, нырнув вслед за мальчиком в калитку, оказались в полуразрушенном доме. Мальчик, тихонько приоткрыв крайнее окно и призывно махнув нам, исчез за ним. Мы последовали его примеру, залезли вовнутрь, закрыв за собой окно. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы рассмотрели комнату, в которой на диване разместился наш проводник, широким жестом указывающий на два продавленных кресла, стоящих возле печки. Мы в изнеможении опустили на них. Буквально через несколько минут на улице раздался цокот копыт и крики.

—Ищите их, это, наверное, те, кто нам нужен!

Громко залаяли собаки, раздались выстрелы, и в окнах замелькали отблески света от зажженных факелов. Бандиты стали осматривать ближайшие усадьбы, поднимать с постелей их обитателей. Постепенно, шаг за шагом они приближались и к тому дому, где находились мы. Нужно было что-то решать. Я вопросительно посмотрел на мальчугана. Он глянул по сторонам и предложил спрятаться в сенях перед входом, чтобы в случае чего можно было внезапно выскочить и, если повезет, скрыться в темноте. Не успели мы зайти туда, как во дворе раздались голоса и двое бандитов подошли к двери. Один из них толкнул дверь, но она только скрипнула, запертая на замок. Второй подошел к нему и, осветив порог факелом, заметил:

—Да здесь давно никто не живет. Видишь, на крыльце никаких следов нету.

На это первый ответил:

–Ну, все равно, давай посмотрим в окна.

–Давай, – согласился тот и, спустившись с крыльца, подошел к первому окну, освещая его факелом.

–Нет, вроде никого не видать, все раскидано.

Так в течение десяти минут они обошли все четыре окна, тщательно просматривая через них комнаты, но ничего подозрительного не заметили. У меня перехватило дыхание, когда они подошли к тому окну, через которое мы проникли в дом. Наверняка там остались следы. Но бандиты уже свыклись с мыслью, что здесь никого нет, и не обратили на это внимание, глянув в окно проформы ради. Взломать дверь или выбить окно им не позволила крестьянская осторожность. Очевидно, это были бандиты-новички, еще не развращенные чувством вседозволенности и осознанием могущественности власти человека с ружьем. Так, беседуя между собой, они перешли в соседний двор, ответив старшему, что здесь никого нет.

–Шукайте краще, -сказал он, – если не хотите, шоб Батька зняв з вас три шкуры. Ему за энтих «красавцев» какую-то цацку предложили, шо он отказать не мог. Дуже интересна, с виду, как куриное яйцо, только поболе будет, а нажмешь кнопочку – и оно раскрывается, а там красотища! И яйцо это не простое, все из золота и камней драгоценных. Мне его адъютант рассказывал. Предлагали ему тыщи, но он от денег отказалси. А перед энтим яйцом устоять не смог. Царская,

говорят, вещичка. Ну, давайте топайте, чего рты раззявили? Найдете их – и вам подарок будет.

Этот невольно подслушанный разговор снова поставил передо мной ряд вопросов. Кто ищет меня, кто такой могущественный постоянно преследует меня, не считаясь ни со временем, ни с затратами? Одно я понимал абсолютно ясно: это связано с судьбой императора и янтарной комнатой. Это однозначно. Но кто конкретно стоит за этим, я до сих пор не мог понять. А это было очень важно, так как, зная противника в лицо, легче принимать защитные меры. Ты тогда можешь определить его манеру поведения, способы нападения, стиль мышления, предугадать действия, с помощью которых он достигает своих целей. Важным является и то, мужчина это или женщина. Если черты характера где-то посередине – это хуже всего. Тогда труднее просчитать, как он будет вести себя в той или иной ситуации. Например, там, где надо проявить мужскую твердость, он обратится к женской хитрости, и наоборот. Существенным в данном случае окажется и его опыт работы по устройству всяких козней, которые мы уже испытываем на себе. Чем больше опыт, тем богаче арсенал таких козней. А может, это вовсе не человек, а что-то такое непонятное? Некая сущность, с которой я встретился в янтарной комнате, и которая могла вести себя вполне разумно, в определенных рамках? Возможно, ее задача и состоит в том, чтобы не дать нам с Эдвардом выполнить свою миссию – найти и освободить царскую семью. Поэтому она постоянно

преследует меня, противодействуя всем моим планам, причем это проявляется именно тогда, когда я нахожусь в пределах России. За границей она бессильна, и возможно, на Эдварда она будет действовать избирательно, учитывая то, что он не является сыном этой земли, и не обладает тем набором качеств, которые характерны для местных жителей. Если я прав, то нужно это взять на заметку и при необходимости применить на практике. Подождав, пока шум утих, и облава удалилась на достаточно безопасное расстояние, я подал знак своему компаньону о том, что пора выбираться отсюда.

Нам было очень жаль расставаться со смышленным мальчуганом, но взять его с собой мы не могли. На прощанье я дал ему сто рублей, и мы с Эдвардом тем же путем вылезли во двор. Прислушавшись к тишине, которая воцарилась вокруг, мы пошли в сторону железнодорожных путей, указанную мальчиком. Побродив по темным улицам минут двадцать, мы вышли на железнодорожную стрелку недалеко от вокзала. Навстречу нам попался путевой обходчик, проверявший исправность железнодорожного пути. Он нам сообщил, что состав на Харьков уже как минут двадцать стоит на четвертом пути, ждет паровоз, который заправляется водой. Не теряя времени, мы бегом бросились туда. Вагоны уже были забиты людьми до отказа. Неоднократные попытки сесть в вагон не увенчались успехом. Пассажиры прочно держали оборону, пресекая всякие поползновения на их место, сопротивляясь и матом и кулаком. Увидев усатого

кондуктора в форменной фуражке, с грозным видом стоящего на подножке одного из вагонов, я обратил внимание, что он продолжал посадку, выборочно пропуская пассажиров вовнутрь. Подмигнув Эдварду, я подошел к нему, заранее приготовив в кармане денежный билет. Увидев меня, он напыжился и, выдвинув грудь колесом, закрыл дверь в вагон.

— У вас пропускают по билетам? — спросил я.

— Каким билетам? — недоуменно переспросил он, очевидно, пытаясь вспомнить, что они собой представляют, так как железнодорожные билеты давно отошли в прошлое и народ ездил за деньги или за продукты питания, или еще за что-нибудь другое.

— А такие, — ответил я и сунул ему в руку денежный билет достоинством в двадцать рублей.

Увидев деньги, он расплылся в улыбке.

— Оно, конечно, такие билеты всегда принимают, — и спустился по ступенькам вниз, давая нам возможность подняться в вагон. Он был почти забит пассажирами, порою находившимися в самых невероятных позах. Все настороженно следили за нами, очевидно, боясь за свое место. Медленно продвигаясь по вагону, мы искали место для себя. На одной из лавок сидела дородная тетка в цветастом платке, окружившая себя узлами и корзинками, не давая никому из пассажиров освободить рядом с собой хоть немножко места. Мы как раз подходили к ней в тот момент, когда внезапно поезд дернулся. Очевидно, прицепили паровоз. От толчка

узлы, находившиеся рядом с теткой, рассыпались и покатались по вагону. Она живо подхватила с места и кинулась их собирать. Я подмигнул Эдварду, и мы быстро составили оставшиеся узлы и корзины на пол, уселись на лавку, оставив место и для женщины. Вернувшись на свое место, с собранными узлами и увидев перестановку, она сначала оторопела, а затем, покрывшись красными пятнами, начала ругаться таким отборным матом, что весь вагон покотился со смеху. Это разрядило обстановку, и она, остыв, плюхнулась на полку и, громко отдуваясь, стала стирать платком пот с лица.

– Да, тяжелая это работа – такой красивой женщине так ругаться матом, – сказал я.

– А ты проживи с мое и попробуй, накорми мал мала меньше, а я посмотрю на тебя, – парировала она меня.

– А муж -то где? – спросила рядом сидящая тетка.

– Как где? На войне. Нонче все мужья на войне, то на этой, то на той. Кругом одна война, а мужей нету. Вот и маюсь уже который год. А что дальше – никто не знает, как жить, кто скажет? – и она обвела всех вопрошающим взглядом. Естественно, этот вопрос остался без ответа, потому что каждый думал об этом и каждый выживал, как мог. Тяжело вздохнув, женщина окончательно успокоилась и начала устраивать свою поклажу поудобнее. Это как бы послужило сигналом для состава. Паровоз рыкнул басом, и поезд, дернувшись, с лязгом начал свой плавный ход. В вагоне все вздохнули с облегчением и стали потихоньку заниматься своими

делами. И мы с Эдвардом, переглянувшись, решили вздремнуть, тем более, что прошедшая ночь выдалась не очень спокойной. По молчаливому согласию, наш сон мы разделили на период отдыха и бодрствования. Пока я спал, Эдвард находился в полудреме, автоматически фиксируя все происходящее вокруг, а потом я сменял его. Эта система вырабатывается с годами. Иногда, бывало, при полной усталости достаточно пятнадцати минут такого сна, чтобы полностью восстановить свои силы. Главное, уметь отключиться сразу от всего, словно нырнув под одеяло, и тогда на тебя мгновенно налетает пелена сна, которая уносит с собою, а настроенный внутренний будильник начинает звенеть в строго установленный тобою срок завершения отдыха. Поэтому перед сном следует четко представить его себе, и тогда у тебя все получится. Самое важное, сразу выбраться из-под мысленного одеяла, а не вылеживаться, как мы это делаем на самом деле. У нас с партнером это получилось сразу, и мы достаточно хорошо отдохнули, приведя свои мысли и чувства в относительный порядок. Поездка заняла весь световой день.

Встреча с немецкими колонистами

К вечеру мы прибыли в Харьков. Ситуация здесь складывалась такая же, как и в Екатеринославе. Власть делили между собой, то гайдамаки, то красные, то белые. Уже на подъезде к вокзалу была слышна перестрелка. В очередной раз кто-то пытался захватить власть в городе. Народ, уже привыкший к такой жизни, не очень сильно реагировал на это

и спокойно выгружался из вагонов. Мы с Эдвардом вместе с другими пассажирами тоже вышли из вагонов и прислушались к стрельбе. Выстрелы раздавались достаточно далеко, так что особой опасности пока не представляли. Однако для того, чтобы действовать дальше, нужно было выяснить ситуацию в городе. Чья здесь сейчас власть? Где можно переждать до утра, потому что, не зная города, нечего соваться в него ночью. Пока мы размышляли об этом, пришел еще один поезд и пассажиры, выплеснувшись на перрон, значительно увеличили массу находящегося здесь народа. Началась толкучка и неразбериха, так как каждый со своими узлами и котомками пытался как можно быстрее пробраться к выходу, настороженно прислушиваясь к приближающимся выстрелам. Напиравшая толпа выдавила нас в угол здания, где в относительном затишье стоял пожилой мужчина в железнодорожной тужурке и спокойно курил папиросу.

–Послушайте любезный, – обратился я к нему. – Что тут у вас происходит? Не подскажете ли, где тут поблизости можно переночевать?

Он смерил меня взглядом, спокойно докурил папиросу, аккуратно затушил ее, а затем произнес:

–Переночевать здесь можно недалече, в Новой Баварии, это от вокзала налево будет, а там спросите. А что касается стрельбы, то это всего лишь облава. Вчера власть тут установила Центральная Рада, так вот теперь они через облаву набирают народ в армию, ну а бывших офицеров, – и он мно-

гозначительно посмотрел на нас, – ловят и сортируют: кого налево, а кого направо.

– Не переживай, отец, – сказал Эдвард, – мы не офицеры, а такие же, как ты, железнодорожники-инженеры. Вот добираемся в Петроград, в Министерство путей сообщений, проектировать новые железные дороги.

– Да кому они сейчас нужны?! Тут и те, которые есть, довести до ума не можем. Угля почти нет, на дрова переходим. Зарплаты нет, народ бежит в деревню, а работать кто будет?

– Да, сейчас везде сложно, – подхватил я начатую тему. – Поэтому хотелось бы как можно быстрее добраться до Петрограда. Не подскажете ли?

– Да тут подсказывай не подсказывай, все равно никакого толку. Расписания ведь нет. Все на живую нитку. Правда, мне телеграфист Петров говорил, что пришла депеша о том, что около двух ночи сюда прибудет состав с синежупанниками. Так вот, его переформируют и вроде бы утром отправят, но не на Петроград, а на Москву. И я вам бы советовал, господа хорошие, не садиться в этот поезд здесь, а сесть в него возле Рашкиной дачи, там спуск и поезд сбрасывает скорость, поэтому есть все шансы сесть в него. Многие так и поступают. А здесь, неровен час, постоянно облавы, людей хватают и тащат в застенки. А с вами тем более не будут церемониться, больно вы ладные, хоть и одеты простенько.

– Так жизнь заставляет, отец, – ответил я. – Спасибо тебе на добром слове. А скажи, пожалуйста, что это такое – Раш-

кина дача?

– Да место такое, жил там немец Рашке, вот отсюда и название такое.

– А что, в Новой Баварии тоже немцы живут?

– Конечно, но есть и украинцы. Это в свое время, когда немцы приезжали сюда на заработки, они построили здесь пивной завод. Ну и стали селиться возле него. Пиво, скажу вам, достаточно приличное, – и он, крякнув, пригладил свои усы.

– И много там сейчас этих немцев?

– А кто их знает, я не считал, но достаточно. И живут они дружно и справно. Все у них есть, все по закону, друг другу всегда выручают.

– Да, – подумал я, – вот и здесь обнаружился след янтарной комнаты. И сюда добрались ее щупальца. Нет, нам нельзя идти туда, надо обходить это место стороной. Уж слишком оно может быть чувствительно по отношению к нам. Что же делать?

Мои мысли прервал женский визг и револьверный выстрел. На противоположном от нас конце перрона выстраивалась шеренга солдат, одетых в остроносые шапки с синим верхом, широкие шаровары, заправленные в сапоги, и украинские свитки, пошитые в виде шинелей. Взяв винтовки с примкнутыми штыками наперевес, они под руководством старшины стали теснить пассажиров в нашу сторону, которая заканчивалась высоким каменным забором, ограждав-

шим путевое хозяйство от пассажирского. С правой стороны был вокзал, из окон которого уже выглядывали солдаты, а с левой стороны – только что прибывший поезд. Среди народа возникла паника. Люди с криками, особенно женщины, стали метаться в разные стороны, натываясь друг на друга и шарахаясь от солдат. Бежать было некуда. Мы вопросительно уставились на железнодорожника. Он, повертев головой и оценив ситуацию, громким шепотом, волнуясь, произнес:

– Пид вагоны, пид вагоны и на ту сторону, а там до Баварии.

Мы развернулись, прикидывая, под какой вагон нырять, а он остался стоять на месте. Я обернулся к нему и спросил:

– А вы?

– А что я? Меня они знают, не первую облаву переживаю. Так что тикайте, господа хорошие, – и махнул рукой.

Изловчившись, мы с Эдвардом нырнули под поезд и очутились на подъездных путях. В какую сторону бежать? К счастью, нашему примеру последовало еще несколько человек. Раздались крики «Стой!», затем последовали выстрелы в воздух, но народ упорно лез под вагоны и выскакивал перед нами. Эти люди указали нам направление движения. Не обращая внимания на предупреждающие крики, мы бросились за ними, перескакивая через железнодорожные пути. Благо, уже было темно. Затем показался крутой склон, на который мы забрались в мгновение ока и очутились в небольшом перелеске, в конце которого мелькали какие-то огни. Посове-

щавшись, мы решили пойти в эту сторону в надежде узнать, где находится Рашкина дача. За лесом начинались небольшие кусты, поэтому решили не высовываться сразу на открытую местность, а присмотреться к обстановке. Присев в кустах, мы начали наблюдать. Мимо нас проносились беглецы и, забежав за кусты, останавливались, натываясь на растянутую цепь каких-то вооруженных людей с керосиновыми фонарями и факелами в руках. Они останавливали их, обыскивали, связывали руки и сажали на землю.

—Твою мать! — кто-то выругался сзади и плюхнулся за куст рядом с нами.

—Опять эти колонисты!

—А что такое? — спросил Эдвард.

—А вы что, не местные?

—Как видишь, нет, — ответил я.

—Да у этих немцев договор с властью. Они вот так ловят мешочников, шерстят их, баб и стариков потом отпускают, а молодых мужиков сдают властям, а те их в казармы и под ружье. И за каждого такого мужика они имеют хорошие деньги, — ответил незнакомец.

В этот момент сзади раздался щелчок взводимого курка ружья, и чей-то голос произнес:

—Вот и за вас неплохо получим. Тихо, не дергаться, руки вверх и встаем медленно.

Не то, чтобы я испугался, но ситуация была не из приятных. Занятые изучением того, что делается впереди, мы за-

были о тылах. И вот эти тылы сразу напомнили о себе. Предпринимать что – либо, не выяснив ситуацию, было глупо. И мы, переглянувшись с Эдвардом, стали медленно подниматься, держа руки над головами. Я встал чуть– чуть боком, чтобы рассмотреть, к кому мы попали в плен. Это был бородатый мужчина среднего роста с охотничьей двустволкой в руках, направленной на нас. Рядом с ним стоял высокий здоровый парень, держа такое же ружье под мышкой.

–Давай, Рихард, обыщи их, – сказал пожилой и кивнул на нас.

–Стойте, ребята, стойте, – воскликнул я и повернулся навстречу идущему ко мне парню.

–Мы и так вам отдадим деньги, а вы нас отпустите, хорошо? – спросил я у старшего.

–Вот здесь все что у нас есть,– и я, сняв картуз, стал протягивать его бородатому, постепенно подвигаясь к нему поближе.

–Здесь пять тысяч рублей «катеньками», – продолжал говорить я, игнорируя молодого, оставляя его Эдварду.

Он мгновенно понял мою игру и стал занимать удобную позицию возле парня, стоявшего в растерянности.

Очевидно, озвученная мною сумма пересилила осторожность бородатого, и он призывно махнул мне рукой, чтобы я отдал ему картуз. Я подошел к нему поближе и бросил картуз так неловко, что он попал ему в лицо. Бородач, естественно, отшатнулся, и этого оказалось мне достаточно, чтобы отве-

сти ружье в сторону, подсесть его ногой по голени и после того, как он согнулся, ударом правой руки по шее отключить его сознание. Он без крика медленно осел на землю. Развернувшись, я увидел, что Эдвард, не мудрствуя лукаво, классическим английским хуком справа послал бедного парня в нокаут. Ружья их выпали и валялись рядом.

–Быстро бежим, – негромко крикнул я Эдварду, бросив взгляд на оторопело стоящего рядом незнакомца. Им оказался молодой парень, одетый в черную куртку.

Эдвард и я подхватили свои мешки, собираясь броситься в боковую сторону, где темнела какая-то возвышенность, чтобы уйти от облавы по тропке, едва заметной среди густых кустов. Но путь нам преграждал стоявший истуканом молодой человек. Эдвард, войдя в его положение, шлепнул его легонько по лицу, чем вывел его из протрации. Глаза его приняли осмысленное состояние.

–Давай, смывайся отсюда, – сказал я и, отодвинув его в сторону, пошел вперед. Вслед за мной двинулся Эдвард. Парень засуетился и, поглядывая с опаской на лежащих перед ним без сознания конвоиров, наклонился и потянул с земли свой сидор. Тот, зацепившись за что-то, не поддавался. Тогда парень, видя, что мы ушли достаточно далеко вперед, рванул его, и в этот самый момент раздался выстрел. Как оказалось, лямка сидора зацепилась за курок упавшего ружья, и оно выстрелило в сторону облавы. На мгновение все замерли. Затем раздался шум, крики, и несколько человек бросились в нашу

сторону, стреляя на ходу. Пули и дробь защелкали по кустам, срезая ветки. Это отрезвляюще подействовало на парня, и он, петляя как заяц, рванул вперед. Мы бросились за ним. Парень вел нас в сторону горы, именно туда, куда и мы собирались идти. У самой горы мы его догнали. Но и погоня была уже почти рядом. Слышалось тяжелое дыхание преследователей и их переключка между собой. Только темнота спасала нас от того, чтобы быть обнаруженными в любой момент. Вскоре мы полезли наверх. Это сыграло с нами злую шутку. Гора оказалась совершенно без растительности, только камни были разбросаны вокруг. Взошедшая луна осветила все вокруг, и мы стали видны как на ладони. Сзади раздались крики «Стой!» и выстрелы. Это заставило нас действовать энергичнее, и мы на четвереньках взлетели наверх.

Сюрпризы подземелья

Парень, бежавший впереди, на мгновение выпрямился и, быстро осмотрев все вокруг, направился к дальнему камню, кособоко стоявшему на краю горы. Подбежав к нему, он уперся в него руками и попытался сдвинуть с места. Однако у него ничего не получилось. Тогда он сдавленно крикнул нам:

–Давайте быстрее, помогите мне сдвинуть его, здесь вход в подземелье.

Времени на раздумывание у нас не оставалось, так как преследовавшие нас колонисты уже вычислили наше местоположение и открыли огонь. Пули стали зарываться рядом с нами, отскакивать от камня и с противным воем разлетаться вокруг. У нас ничего не получалось, а преследователи приближались. Тогда парень, забежав с другой стороны, начал толкать камень в противоположную сторону. И, о чудо! Он шевельнулся в своем ложе. Соединив свои усилия, мы сдвинули его с места. Он развернулся, и нам открылась черная дыра.

–Прыгайте, – крикнул парень, – здесь не высоко.

Не раздумывая, я прыгнул первым, за мной Эдвард, а парень на вытянутых руках повис вниз и нажал какой-то рычаг, заставивший камень стать на место. Это было сделано вовремя, потому что уже в подземелье мы услышали топот

преследователей и их крики буквально над головой.

–Куда они делись? – кричали они. – Наверное, кубарем покатались вниз, вот мы их и не заметили, давайте дальше побегим за ними. Им далеко не уйти, там овраг.

И они бросились вниз, увлекая за собой кучу мелких камней.

Мы приземлились достаточно удачно, правда, Эдвард чуть не прыгнул мне на спину. Подождав пока парень переведет дыхание, я спросил его:

–Где мы?

–На Лысой горе, – ответил он.

–А почему Лысая?

–А кто его знает, видать, тут всякие темные дела творятся, что ни одно дерево не хочет расти. Вообще ночью народ старается обходить это место стороной. Мы как – то с ребятами были здесь, так до того страшно стало, что волосы поднялись дыбом. Мы еле ноги унесли. Потом как остановились и стояли как приклеенные, ни туда, ни сюда. Стоим и стоим. Ну, думаю, конец пришел. А тут еще тучи черные поползли по небу. Одним словом, жуть. Хорошо, что Колька чихнул, это нас и спасло. Мы словно проснулись и деру оттуда.

–А откуда про этот ход знаешь?

–А, это мы с ребятами лазили по подземелью, и нашли этот вход. У нас под городом много таких подземных ходов еще с давних времен понаделано, вот мы и смотрим, что тут есть интересного.

–Наверное, клады ищите,– заметил я.

–Ну не без этого,– ответил он и стал шарить рукой возле стены.

В подземелье стояла невообразимая темень, но воздух был свеж и прохладен. Очевидно, где-то была вентиляция. Рассмотреть что – либо было нельзя, хотя глаза уже привыкли к темноте. Парень, очевидно, найдя то, что искал, выпрямился и, сунув мне в руки какие-то палки, попросил подержать их. Как оказалось, это были факелы, пропитанные смолой. Чиркнула спичка, заставившая факел загореться и мерцать блеклым светом, который дал нам возможность осмотреться вокруг. Мы стояли на утрамбованном земляном полу, который окружали стены, выложенные красным кирпичом. Над нами было метра два свободного пространства, окруженного куполообразным сводом. Влево и вправо шел тоннель.

–Будем пользоваться одним факелом, – сказал парень, вручая Эдварду такой же, какой держал и я. – Мы с ребятами всегда оставляем их на всякий случай там, где мы ходили. Как видите, пригодилось. Сейчас пойдём налево. Я вас выведу в город, ну а там каждый по себе.

–Постой, – возразил я.– Нам не надо в город. Нам надо на Рашкину дачу, туда ближе к железной дороге.

Он секунду подумал и, очевидно, приняв решение, сказал:

–Хорошо, я отведу вас туда, там вроде бы есть выход. Идите, пожалуйста, за мной осторожно, так как тут постоянно

бывают обвалы. Стен желательно не касаться, так как могут быть ловушки. Тут этих ловушек и тупиков тьма. Пока мы разобрались, что к чему, много дров наломали. И метки ставили, и веревку протягивали, все равно, сложно было.

И он пошел вперед, высоко держа потрескивающий факел над головой. Ориентируясь по одному ему известным приметам, он уверенно вел нас вперед, минуя многочисленные ходы и ответвления, встречавшиеся на нашем пути. Мы с Эдвардом двигались за ним, ступая след в след и соблюдая положенную дистанцию.

– Я всего раз был на Рашкиной даче, – сказал наш проводник, обернувшись ко мне. – Вход расположен в парке, а ниже, чуть левее, находится железная дорога. Там получается такой изгиб со спуском, и поезд постоянно тормозит, пока не пройдет этот участок.

За следующим поворотом тоннеля мы уперлись в завал. Это, очевидно, произошло недавно, так как осыпавшаяся земля была еще совсем свежей.

– Вот те на! – воскликнул парень. – Придется идти в обход. И, развернувшись, минуя нас, пошел в обратную сторону. Пропустив его, мы снова двинулись за ним. Пройдя метров сто, он повернул налево и по боковому ответвлению мы двинулись вперед. Дорога пошла под уклон, поэтому пришлось идти немножко боком, чтобы удержать равновесие. В какой-то момент наш проводник потерял его и, чтобы удержаться, оперся на стенку. И в этот момент случилось нечто

непредвиденное.

Стена моментально исчезла, а пол, на котором мы стояли, приподнялся и выбросил нас в образовавшееся отверстие. Это произошло так неожиданно, что мы не успели даже среагировать и сразу полетели во тьму. Тело само сгруппировалось в полете, и это позволило удачно приземлиться. Болел бок, встретившийся с чем-то твердым, колени чувствовали себя не лучшим образом, да к тому же кружилась голова от жесткого приземления. Ощупав себя и не найдя больше никаких неприятных моментов на своем теле, я приподнялся и шепотом спросил:

–Эй, ребята, вы тут?

Первым откликнулся Эдвард, который отвел душу, вспомнив английские простонародные скороговорки на этот счет, заявив потом, что у него все в порядке. Затем мы начали искать нашего проводника, который не реагировал на наше к нему обращение. Двигаясь в темноте на ощупь, Эдвард обнаружил на полу потухший факел. Достав спички, мы зажгли его и стали осматриваться вокруг и обнаружили лежавшего без сознания нашего парня. Падая, он неловко приземлился и ударился головой в основание каменного свода. Эдвард приподнял его за плечи, прислонил к стене, и мы стали его приводить в чувство. Минут через пять он стал подавать признаки жизни, а затем открыл глаза. Недоуменно посмотрев на нас, он снова закрыл их, а затем, тяжело вздохнув, произнес:

—Ну, вот и влипли.

—Куда влипли? — недоуменно спросил я.

—Куда, куда,— устало передразнил он .— Конечно, в ловушку.

—Ну и что теперь? — снова спросил я.

—А ничего. Просто ловушки для того и ловушки, что из них нет выхода.

—Такого не может быть, выход обязательно есть. Просто его нужно найти. Вот что, Эдвард, давай зажжем второй факел и все здесь внимательно осмотрим.

Найдя второй факел, мы зажгли его и стали осматривать место нашего заточения. Это оказалась небольшая комната с высокими отвесными стенами, причем никаких следов окна, через которое мы ввалились сюда, видно не было. Внимательно осматривая стены по ходу движения, Эдвард обнаружил большое металлическое кольцо. Он попробовал его потянуть на себя, но оно не поддавалось. Я присоединился к нему, однако и вдвоем мы ничего не смогли сделать. В изнеможении мы присели возле стены, и чтобы не держать факел в руках, я решил его вставить в кольцо. Учитывая, что оно было широким для факела, я решил чуть его повернуть. К моему удивлению, кольцо повернулось влево, затем раздался щелчок, и нам открылся темный зев прохода, ведущий в неизвестность. Я крикнул нашего проводника, и мы, схватив разбросанные от падения котомки, полезли в открытое отверстие. Проход был довольно узким. Я полз впереди, за

мною слышалось сопение Эдварда. Вскоре впереди показался блеклый свет, и мы, наконец, выбрались из узкого лаза в какое-то помещение. Несмотря на темноту, здесь царил полумрак. Чтобы лучше рассмотреть, где мы очутились, пришлось снова зажечь факел, потухший во время нашего перехода.

Когда он разгорелся, нашему взору открылась просторная комната с высокими потолками, которые, казалось, уходили в поднебесье. Света факела не хватало, чтобы увидеть свод. По окружности комнаты стояли огромные каменные столбы, на которых виднелись какие-то знаки и письма. Они как бы ограждали находящуюся посередине каменную круглую платформу, по краям которой находились высеченные из камня кресла с длинными прямыми спинками. На этих спинках также были высечены какие-то знаки. В центре платформы стоял небольшой каменный стол, на котором лежал какой-то предмет. Все это выглядело достаточно интригующе. Интересным было и то, что в комнате не ощущалось никакой пыли, было свежо от тянувшегося откуда-то воздушного потока, который заставлял факел потрескивать и колебаться пламенем в разные стороны. Очнувшись от изумления, я решил подойти поближе и рассмотреть, что же там такое интересное лежит на столе. Поняв мое намерение, Эдвард сказал:

– Вольдемар, будь осторожен. У нас в Англии много этих всяких штук, и поверь мне, они порой бывают очень опас-

ны. Я встречался с этим. Бывает такое, что потом достаточно трудно прийти в себя. Некоторые после этого просто остаются там, в другом мире. Получается, вроде бы они здесь, и тем не менее их нет.

—Я осторожно, — ответил я и сделал шаг вперед.

Мое движение осталось не замеченным. Воздух, дувший в одном направлении, изменил свое движение и создал вихревой поток, вращаясь вокруг каменных столбов, возле которых стоял я. Факел внезапно потух, а полумрак стал наполняться волнообразным светом, который стал струиться неизвестно откуда. Постепенно комната наполнилась ярким светом, и ветер внезапно прекратился. Со свода ударил луч, который осветил столик, и я сразу увидел, что на нем лежала большая квадратная каменная книга в кованом переплете, скрепленная золотыми пружинами, которые поблескивали от струившегося света.

— «Книга Судеб», — громким шепотом произнес выбравшийся из лаза наш проводник.

—Какая «Книга Судеб»? — спросил я.

— Самая настоящая, — ответил он. — Я думал, что это сказки, а оказывается, вот она, существует на самом деле.

И он сделал шаг вперед, намереваясь подойти к столу.

—Стой, — остановил его я. — Лучше не делай этого. Иногда незнание значительно лучше, чем знание того, о чем потом ты будешь очень сильно жалеть. Поверь мне. В данном случае, чем меньше знаешь, тем лучше для тебя.

Он остановился, как бы раздумывая над моими словами. На лице его отразилось, с одной стороны, желание идти вперед, с другой – страх перед возможными последствиями, о которых я предупредил его. Мучимый сомнениями, он облокотился на стоящий рядом с ним ближайший столб, как бы обняв его. От прикосновения столб наполнился светом, и буквально через несколько секунд круглая платформа пришла в движение. Она тяжело со скрипом начала крутиться до тех пор, пока одно из кресел не остановилось возле столба и не наполнилось таким же мерцающим светом. Я обратил внимание, что и на столбе и на кресле были одни и те же знаки. После этого пришел в движение стоящий в центре стол. Он повернулся к креслу таким образом, что лежащая на нем книга стала своим основанием как раз против него. После этого кованые застежки сами собою раскрылись, и кто-то невидимый начал листать тяжелые каменные страницы, которые с громким стуком ложились одна на другую. Вскоре стук страниц прекратился. Очевидно, была найдена нужная. Через секунду она замигала призывным ярким светом, и на ней стали проявляться какие-то письмена.

Не в силах сдержать свой порыв парень бросился к столу, быстро уселся в кресло и, схватив книгу двумя руками, жадно принялся читать. По мере чтения лицо его менялось, и радостные восклицания сменились маской ужаса. А потом он вдруг застыл на месте, уставившись куда-то в пространство. На наши призывы он никак не реагировал, словно окаменел.

Переглянувшись с Эдвардом, мы медленно приблизились к нему и, стараясь не смотреть на книгу, попытались оттащить его назад. Это нам не удалось, он просто превратился в каменную глыбу и врос в кресло, а книга стала угрожающе мерцать разными световыми оттенками. Мы отошли назад. Посоветовавшись, мы решили поискать выход из этой комнаты, а затем попытаться освободить парня, если до этого он не придет в себя. Три раза мы с Эдвардом обошли этот достаточно большой зал, но никаких следов или намеков на выход не обнаружили. Интересным было то, что если провести рукой по стене, она начинала светиться не очень интенсивным светом и через время гасла. Учитывая это необычное явление, я предложил Эдварду прощупать все стены. Может быть, изменение света покажет нам выход или еще какие-нибудь намеки дадут возможность нам его обнаружить. И мы принялись за дело, потратив на это не меньше двух часов. В какой-то момент раздался призывный крик Эдварда. Я подбежал к нему и увидел, что он показывал на металлическую пластину, вмурованную в каменную стену. Он обнаружил ее, прощупывая левую сторону стены. Она отличалась от остальных камней, которыми были облицованы стены, только температурой – была более прохладной. Став на безопасное расстояние, я кивнул Эдварду, и он нажал на пластину, которая чуть поддалась назад. Однако ничего не произошло. Разочарованные, мы двинулись дальше. И в этот самый момент там, где только что мы стояли, раздался скрежет, и

сверху стала медленно спускаться металлическая лестница. Достигнув пола, она остановилась. Отодвинув бросившегося к ней напарника, я попробовал лестницу на прочность и полез наверх. Там я увидел круглый люк, вполне достаточный, чтобы в него мог свободно пролезть человек. Он выводил в коридор, по которому мы ранее шли.

Спустившись вниз, я рассказал об этом Эдварду, и мы решили попробовать освободить парня из западни. Медленно подойдя к нему с двух сторон, мы снова попытались снять его с кресла. Однако и на этот раз у нас ничего не получилось, более того, мерцание превратилось в огненные вспышки света, которые резко били в глаза. Тогда Эдвард вдруг резко ударил парня по шее, и, о чудо, парень обмяк, потеряв сознание, и мы мгновенно стащили его на землю. Свет сразу погас, и наступила темень. Парень лежал без сознания, как пустой мешок. Надо было что-то предпринимать.

Мы зажгли факел, и нашли наши вещи. Затем подтащили парня к лестнице. После этого стали думать, как его поднять наверх. Помогла смекалка. Покопавшись в мешках, мы нашли у парня кусок веревки. Взяв дополнительно пару своих рубашек, мы привязали парня к моей спине, и я с такой ношей первым полез наверх. Эдвард подстраховывал сзади. Не скажу, что это было легко, но кое-как, с передышками мы вытащили его наверх и вывалились в тоннель. Только мы присели на пол, как люк, по которому мы поднимались, закрылся. Необходимо было определить, куда двигаться даль-

ше. Осветив факелом поверхность тоннеля, я вспомнил, что мы шли вниз по наклону. Следовательно, нам надо было идти влево, куда шел наклон. Парень никак не хотел приходить в сознание, поэтому мы стали тащить его по очереди. Минут через двадцать он зашевелился и что-то пытался сказать. Мы остановились. Он привстал на ноги, но они у него подкашивались, и он сползал вниз. Тогда мы подхватили его под руки, и пошли дальше. Вскоре наклон закончился, и нам стало идти легче по относительно ровной поверхности. За изгибом тоннеля перед нами открылись три прохода. Куда идти, какой выбрать? Парень, очевидно, уже начав соображать, что-то промышчал и скосил глаза на правый вход. Следуя его указаниям, мы повернули туда. Вскоре почувствовалось дуновение ветра, которое начало колебать пламя нашего факела. Вероятно, где-то рядом был выход. Ориентируясь по колебанию факела, мы вышли на небольшую ровную площадку, с левой стороны которой находились каменные ступеньки. Осторожно поднявшись по ним, мы оказались перед деревянной дверью, которая была закрыта с обратной стороны. Отодвинув меня в сторону, Эдвард осмотрел ее, а затем, вынув нож, осторожно просунул его в дверную щель и тихонечко поддел вверх.

Дверь дернулась и со скрипом отворилась. Мы оказались в каком-то сарае, пристроенном к углу дома, выходящего на Сумскую улицу. Во дворе не видно было ни души. И в доме не горел свет. Это дало нам возможность быстро выскольз-

нуть на улицу. Чуть наискось стоял двухэтажный дом, на котором висела вывеска «Азово-Донской банк». Мы не имели понятия, куда двигаться дальше. И кроме этого, нам надо было куда-то пристроить нашего проводника. Мы начали тормошить его и спрашивать, где он живет. Парень открыл глаза и просипел «Захарьков». Как оказалось, это было название района за мостом, то есть за Харьковом. Ничего не поняв, мы постарались, оставаясь в тени зданий, выйти с центральной улицы, чтобы двигаться дальше. Поравнявшись с банком, мы собирались свернуть в переулок, как вдруг оттуда медленно выехала пролетка, которой правил кучер, очевидно, ехавший с дружеской попойки. Он был в полудреме, напевая себе под нос какую-то мелодию. Оценив момент, я прыгнул на подножку и схватил кучера за плечо. От неожиданности он подпрыгнул на сиденье и автоматически натянул вожжи на себя. Лошадь взвилась на дыбы и остановилась.

– Чур тебя! – крикнул возница, усиленно крестясь.

Хмель сразу слетел с него и он, отодвигаясь от меня в сторону, стал шарить у себя под сиденьем, где наверняка у него находилось какое-то оружие.

– Остынь, дядя, – произнес сзади Эдвард, уже успевший сесть в пролетку и посадить туда нашего парня. – Мы к тебе с добром.

– Видишь, другу нашему плохо, а кругом ни души. Выручи, отвези нас, – и я посмотрел на Эдварда. – Захарьков, – подсказал он.

– А мы тебе за труды сотенную!– и я вытащил из кармана сто рублей.

Увидев, что ему ничего не угрожает, мужик перестал шарить по пролётке, расправил усы и, окинув нас взглядом, махнул рукой.

–Ладно, уж, но деньги вперед. А то знаю я вас.

–Хорошо,– ответил я и протянул ему сто рублей.

Он взял их в руки, посмотрел на свет, затем расправил и только после этого опустил в карман.

–Ну а ежели патруль встретит нас, то вы уж, ребята, сами по себе.

– А ты, дядя, скажи, что мы твои родственники, и тебе тогда за родство мы еще полтинник накинём.

Он ничего не ответил, только крякнул и, причмокнув губами, пустил лошадь вскачь. Или время было такое, почти утро, или нам просто повезло, но патруль по пути мы не встретили ни разу. Единственное, когда уже съезжали с моста, где-то вдалеке мелькнули солдаты, которые не обратили на нас никакого внимания. Наш парень от прохладного ночного воздуха стал чувствовать себя лучше и смог указать дорогу. Вскоре мы остановились у небольшого домика, крытого черепицей. Выгрузившись из пролетки и поддерживая парня, мы двинулись к калитке. Однако наш возница не собирался уезжать. Он кряхтел, поправлял вожжи, но с места не двигался. Наконец, собравшись с духом, он произнес:

–Это, господин хороший! А как насчет родственников?

–Каких родственников? – не понял я.

–Ну, это, полтинник за родство, ежели патруль нас того.

– Но, патруля– то не было, – возразил я.

–А ежели бы был, тогда как?

–Ну тогда так, как договаривались.

–Так это, я могу сейчас его кликнуть,– и хитро посмотрел на меня.

Чтобы с ним больше спорить и прекратить эту глупую попытку шантажа, я ответил:

–Ну ладно, уговорил, родственничек, – и отдал ему пятьдесят рублей.

Довольный выгодной сделкой, он лихо помчался в пред-
рассветную даль.

Мои товарищи уже вошли в дом и расположились на лавке. Вокруг парня бегала пожилая женщина, охая и ахая, делая ему примочки. А рядом сидел кряжистый дед и курил самокрутку. Поздоровавшись, я присел рядом. Он молча глянул на меня, выпустил густой дым из ноздрей и произнес:

–Так значит вы из самого подземелья сюда?

–Да, по – другому добраться сюда никак не получилось.

–А с Колькой что такое?

И мы оба посмотрели на парня, который вроде бы и выглядел нормально, но находился в какой-то прострации. Глаза у него были какие-то отсутствующие, словно он был где-то далеко отсюда, и на вопросы отвечал с длинной паузой, порой невпопад. Понимая, что скрывать от деда нечего, я

изложил ему всю историю нашего путешествия. Дед только крякнул и произнес:

– Да, дела!

– Слышь, Матвеевна, – обратился он к женщине, – надо срочно к Ивановне идти, пока не поздно. Только она может что-то подсказать.

– А кто это Ивановна? – спросил я.

– Да ворожка наша, всех лечит, у кого душа там или еще чего не так, так все к ней и идут. Ты сходи, а мы тут поговорим малость с господами хорошими.

Женщина уложила парня в кровать в соседней комнате, а затем, накинув на плечи платок, выскочила на улицу. Проводив ее взглядом, дед спросил:

– Ну, а что дальше делать думаете?

– Да нам в Петроград надо или хотя бы до Москвы добраться. Вот хотели на поезд сесть, который сегодня должен идти туда. Нам советовали сделать это возле Рашкиной дачи. Мы попробовали туда добраться, да вот видите, что получилось, – и я кивнул в сторону соседней комнаты. – А там нарвались на этих немецких колонистов, одним словом, попали как кур во щи.

– Да это вам еще повезло, – сказал дед. – Неизвестно, что было бы с вами, если бы попали к ним в руки. Это очень строгий народ. Они полностью зависят от своих старост. Без их разрешения никто не имеет права покидать колонию и даже жениться. Ну а ежели муж плохо выполняет свои обя-

занности, то жена может на него пожаловаться в правление и, представьте себе, его наказывают. За все они берут штраф. Ну, например, дал в морду кому-то – изволь штраф 50 копеек, да еще и прилюдно принеси извинения. За ослушание приказа, будьте добры, выложите два целковых и так далее. Так что дисциплина у них железная, и все расписано до мелочей.

– Да, интересный народ. А все-таки, как нам добраться до этой дачи? Подскажите!

– Чего же не подсказать, подскажу. Только тут такая история: они теперь солдат выставляют и в вагоны, и в паровоз подсаживают. Ну и на вокзале, само собой, проверяют всех, кто уезжает, особенно в Москву.

– Так что делать? – спросил я.

– Я вот что думаю, – сказал дед и, поплевав в ладонь, затушил там самокрутку. Я должен ехать этим составом на паровозе, но у меня заболел помощник, кочегар, который бросает уголь в топку паровоза. И он хитро посмотрел на меня.

– Вообще-то кочегар обычно один, но ежели надо, то может быть два, тем более дорога дальняя.

Поняв его с полуслова, я, переглянувшись с Эдвардом, сразу выпалил:

– Мы согласны.

Оглядев нас критически, дед привстал:

– Только одежда у вас не подходящая, надо малость переодеться, – и двинулся в сторону комнаты, выходящей окнами

ми во двор. Пока он там копался, хлопнула входная дверь и в комнату вошла Матвеевна в сопровождении сухонькой немолодой женщины с пронзительными, острыми глазами. Поздоровавшись с нами, она перекрестилась на иконы и присела на лавку, внимательно осматривая нас, переводя взгляд с меня на Эдварда и обратно. Её взгляд был пронизывающим, словно она пыталась залезть глубоко в душу и узнать все тайны нашего бытия. Естественно, автоматически сработала защитная реакция, и на нее пошел ответный поток моей энергии, который заставил ее отшатнуться и с уважением посмотреть на меня. После обмена такими «визитными карточками» она расслабилась и попросила меня рассказать, что случилось с нами. Узнав нашу историю, она покачала головой.

—Значит, вы были там. И видели все это. Не каждому смертному дается такая возможность. А те, которые попадают туда, или не возвращаются, или возвращаются в таком состоянии, что их назвать людьми нельзя. Это очень сильное место, и на разных людей оно влияет по – разному. Я сейчас поговорю с Колей и посмотрю, что можно будет сделать.

Она подхватила со скамейки и пошла в комнату, где лежал Николай. Пока она возилась там с ним, пришел дед, держа в руках пропитанную специфическим воздухом железной дороги одежду. Положив ее перед нами, он произнес:

—Одевайтесь, должно подойти. Что надо, берите с собою в мешок, но не набирайте очень много.

Мы последовали его совету и переоделись. Естественно, одежда преобразила и мой внешний вид, и Эдварда. Только лица выдавали нас, как представителей другой профессии, но только не железнодорожной.

—Ничего, — сказал дед. — Наденете картузы пониже, вымажете лицо сажей, и никто вас не узнает. Мать, собери нам поесть,— крикнул он в комнату, где две женщины кудахтали над парнем.

Я сел с краю на лавке и стал осматривать комнату. Случайно мой взгляд остановился на зеркале рукомо́йника, в котором отражалось все то, что делала Ивановна в соседней комнате. Она сидела у изголовья Николая, держа его за левую руку, и что-то расспрашивала. Затем встала и с помощью Матвеевны установила на комодке два зеркала лицом друг к другу, а посередине поставила зажженную свечку. Сначала цвет зеркал был блестящим, но потом по их поверхности пошли волны, она потемнела, и постепенно стали проявляться какие-то черты и образы. Нагнувшись поближе, я успел разглядеть знакомые очертания той овальной комнаты с книгой судьбы, в которой мы не так давно оказались. Затем промелькнули силуэты ребят, и зеркала сфокусировались на Николае, который сидел на каменном кресле без признаков жизни. Картина вырисовывалась так, словно кто-то невидимый разворачивал зеркала таким образом, чтобы обеспечить лучший вид. Однако, как Ивановна ни старалась приблизиться к заветной странице «Книги судеб», которая

лежала раскрытой на столе, у нее ничего не получалось: или картинка уходила в сторону, или страница покрывалась рябью. Вскоре она закончила свои наблюдения, затушила свечу, а зеркала обрызгала водой из принесенной бутылочки и вытерла подолом своего платья.

Минут через пять после этого Матвеевна выскочила из комнаты, спустилась в погреб и поставила на стол крынку молока, вареную картошку, хлеб, соленые огурцы и кусок аппетитного сала. Дед первым сел за стол, пригласив нас садиться рядом, и, перекрестившись, начал завтракать. Мы последовали его примеру. Матвеевна, скромно сев в уголок, тихонечко сказала:

–Ничего не говорит, только что-то бредит непонятое.

–И ничего не скажет, – вступила в разговор вышедшая из комнаты Ивановна.

–То, что он прочел, предназначено только для него. Ведь это была книга судеб, а судьба у нас у каждого своя, и каждый несет свой крест, как может. Вот захотел знать свое – и получил свое. А какое оно «свое», теперь ведомо только ему. Он знает и чего-то боится. Страшно, конечно, жить, когда известно, что с тобой случится. И от этого становится еще страшней, потому что ты знаешь: несмотря ни на что это случится. И его нельзя ни отодвинуть, не перенести, ни оставить на потом. И это все постоянно ходит с тобой и за тобой. У любого тут будут нервы не в порядке. Но что-то придумаем, поможем парню. Поставим его на ноги. Это ему еще повез-

ло, что вы его вытащили оттуда, потому что многие остаются там навсегда. Это твоя энергия спасла его и всех вас, – и она кивнула на меня. – В тебе много силы, и тебя ведет сам Всевышний, который помогает тебе. Ты ведь не простой, я это чувствую. С таким я встречаюсь впервые. И дело ты делаешь большое, и препятствует тебе чудище огромное, не от мира сего, которое постоянно ищет тебя, потому что ты для него угроза. Но ты победишь, не сразу и не легко, но победа будет за тобою. И друг твой тебе поможет в этом, он тебе не просто так дан. Придет его время помогать тебе в полную силу. И те знания, которые он накопил в заморских странах, помогут вам обоим.

Выдав все это нам, она повернулась к деду.

–А ты, Матвеич, помоги им. Большое и доброе дело они делают, и грех не помочь им в этом.

Затем она, вскочив на ноги, перекрестилась перед иконами, поклонилась нам и, обратившись к Матвеевне, сказала:

–Пускай сегодня полежит, оклемается, а завтра на утренней зорьке и начнем его на ноги ставить. Кажись, все, – и, повернувшись, вышла во двор, сопровождаемая хозяйкой.

Матвеич молча посмотрел на нас, затем встал, вытер усы большим ситцевым платком и сказал:

–Пора и нам в дорожку, а то пока доберемся, глядишь, и время подойдет. И надев картуз, вышел во двор. Мы тоже вскочили и, посмотрев на себя в небольшое зеркальце, висевшее над умывальником, пошли за ним.

И снова в путь

Тайными тропками и закоулками Матвейч через час вывел нас на железнодорожную станцию. В депо мы зашли с обратной стороны. Здесь царил полумрак, пыхтели паровозы, слышался стук ремонтных бригад. Оставив нас в уголке, дед смотался куда-то, переговорил то с одним, то с другим рабочим и призывно махнул нам рукой, показывая на паровоз, стоящий на выезде из депо. Он первым залез в него, скинул тужурку и надел рабочую куртку.

–Так, ребятки, это паровоз. В ваши обязанности будет входить – и он подробно рассказал, чем мы будем заниматься, демонстрируя это наглядно. Затем мы повторили его приемы, и вроде бы у нас получилось. После этого он дал нам замасленные куртки, а мешки приказал закопать в уголь, насыпанный в тендере паровоза. Когда мы выполнили его указания, он самолично вымазал наши лица сажей, а затем, отодвинувшись, внимательно посмотрел на результаты своей работы.

–Ну, вроде бы и все.

С этими словами он дал короткий гудок и, взявшись за ручку реверса, дал ход паровозу. Мы выехали на товарную станцию, где нас прицепили к составу из десяти разнокалиберных вагонов и отправили к ожидавшим на перроне пассажирам. Пассажирская станция и перрон были оцеплены так называемой «вартою», состоящей из «сичевых стрельцов». В основном это были такие «кремезные» дядьки, с обяза-

тельными длинными усами, а некоторые и с достаточно серьезным довеском в виде живота. Понимая важность момента, они грозно осаживали толпу пассажиров, видевших прибывший состав и делавших попытку прорваться сквозь оцепление. Но это им не удавалось. Наконец прибыли какие-то люди в штатском и, переговорив с сотником, встали по бокам вагонов. После этого разрешили посадку, и люди устремились к заветной цели. У дверей началась давка, а люди в штатском внимательно рассматривали пассажиров и некоторых при помощи стрельцов вырывали из толпы, отводя на станцию. Минут через тридцать посадка была закончена. На подножки вагонов залезли стрельцы и встали у тамбуров. К нам в кабину паровоза залез молодой парень. Винтовка, казалось, была больше его. Ступив вовнутрь, он снял шапку и, обращаясь к Матвеичу, сказал:

–Здравствуйте, дядьку.

–И тебе не хворать, – ответил тот.

–Ты, стало быть, с нами?– спросил дед.

–Да, пан сотник приказали быть тут, – и он топнул ногой о железный пол.

–Ну, тогда располагайся, только не мешай работать, – сказал Матвеич и глянул в окно, ожидая команду на отправление.

Парень, посмотрев по сторонам, снял винтовку и прислонил ее в углу кабины, присев на сундучок деда, стоявший рядом. Наконец появился начальник станции, ударил в стан-

ционный колокол и поднял желтый флажок. Матвейч дернул за рычаг гудка и медленно отпустил ручку реверса. Поезд, чуть дернувшись, плавно пошел вперед.

–А ну поддайте жару, – сказал дед и открыл топку паровоза. Мы с Эдвардом двумя лопатами стали подбрасывать туда уголь. Огонь сразу загудел, требуя все новые порции, а стрелки манометра рванули вперед.

–Хватит, хватит, – крикнул Матвейч и закрыл крышку.

Так мы и ехали, перебрасываясь ничего не значащими фразами, до какого-то разъезда, который был условной границей. Здесь стрельцы сошли и пересели в поезд, идущий в Харьков, а мы, набрав в паровоз воды, двинулись дальше.

До самой Москвы никаких серьезных недоразумений не было. Ну, обстреляли два раза какие-то банды, да перед самой Москвой работники ЧК искали среди пассажиров переодетых офицеров.

Бедные российские офицеры! Везде их ловят и расстреливают, словно они виноваты в том, что происходит сегодня в стране. Да им памятники надо ставить за то, что боролись и борются, несмотря ни на что, за свою страну, за свою честь, за свое Отечество. И никакие они не предатели и изменники, а настоящие патриоты. А может, это целенаправленная кампания, чтобы извести цвет российской нации, пустить под корень голубую кровь? Ведь этих людей уже не переделаешь, значит остается один путь. И большевики, наверное, пошли этим путем. К чему он приведет, никто не знает. А кто за-

ставляет их поступать таким образом? В мозгах нормально-го человека не могут родиться подобные идеи. Или это опять негативные воздействия той непонятной сущности, которая таится в янтарной комнате, и она действует избирательно? Может быть, представители новой власти попали под ее влияние? Ведь не секрет, что они напрямую связаны с немцами. Я читал выводы российской контрразведки по этому вопросу, составленные для генерального штаба. Там указаны конкретные факты такого сотрудничества. А учитывая то, что многие руководители подолгу жили в Германии и имели тесную связь не только с политиками, но и представителями различных обществ, ставивших перед собой достаточно специфические цели, то вполне очевидно, что они попали под влияние последних, и теперь, сами не сознавая того, стали просто марионетками. Вполне возможно, их действиями руководит то, что так упорно прячется в янтарной комнате. И оно руководит ими со злом и целенаправленно, разрушая и уничтожая их руками все, что было создано упорным трудом многих поколений. Все это выглядит так, будто расчищается путь для чего – то нового, непонятного и необъяснимого. А новые жертвы только добавляют силы и коварства этому невидимому существу. Пока мы с ротмистром были рядом с царской семьей, все было относительно нормально. Стоило нам только уйти чуть в сторону по различным причинам, как начались проблемы, угрожающие не только безопасности, но и самой жизни всей царской фамилии. Все действия, исходя-

щие из этой комнаты, были направлены именно на это. Она хочет расправиться с ними так же хитро, как расправилась с их венценосными предками. И моя задача заключается в том, чтобы попробовать помешать этому.

Так размышлял я, не зная, что на самом деле происходит в столице. А действительность оказалась ужаснее, чем я предполагал.

Москва златоглавая

В Москве, как и везде, нас встретила привычная картина: грязь, толпы куда-то спешащих людей и цепь солдат, стоящих на пути выхода с перрона. Проверjali всех пассажиров. Согласно декретам новой власти, они попадали под категорию «мешочники» и подвергались обязательной проверке. Изымали все и в первую очередь – продовольствие и драгоценности. Оставляли только немного на пропитание. В Москве начинался голод, и поэтому собранное продовольствие шло на склады и раздавалось на пайки; отнятые драгоценности частично оседали в карманах самих обыскивающих, а остатки шли новой власти. От нашего паровоза отцепили вагоны, и мы потихоньку двинулись в депо. Там, поблагодарив деда и приведя себя в порядок, откопали наши мешки в тамбуре паровоза и через дыру в заборе вышли в город. Здесь, в Москве, у меня тоже были тайные квартиры, которыми я решил воспользоваться. Одна из них находилась в Боголюбском переулке. Наняв извозчика, мы за двадцать минут добрались туда. Оставив Эдварда в скверике недалеко от дома, я решил сам проверить квартиру. Она располагалась в доходном доме купца Феоктистова на третьем этаже. Наверх вела кованная из металла ажурная лестница, а внизу всегда находился дежурный. Однако в этот раз дежурного на месте не оказалось, и парадная дверь была не заперта

на замок. Открыв ее и пройдя в вестибюль, я прислушался. Вроде бы все было тихо, никаких шорохов и подозрительных звуков. Потихоньку поднимаясь наверх, я на каждом пролете останавливался, замирая на секунду и прислушиваясь к тишине. На каждой площадке насчитывалось по три квартиры, запирающиеся двойными тяжелыми дубовыми дверями, на которых висели медные таблички с фамилиями жильцов. Так постепенно я добрался до своей квартиры. На ней висела табличка, на которой славянской вязью было написано «Коллежский ассессор Стригунов П.Б.». Естественно, все это было вымышленное, но документы на квартиру были оформлены, как полагается. Остановившись перед дверью, я перевел дыхание и, замерев на минутку, включил свое внутреннее зрение. Обследовав квартиру и не найдя ничего необычного, я вернулся обратно. Затем я внимательно осмотрел дверь. Все метки были на месте, что свидетельствовало о том, что сюда никто не пытался пробраться. После этого, отсчитав на кафельном полу перед дверью пятую плитку слева, я нажал ее соответствующим образом. Она провернулась, открыв тайник, в котором лежали ключи. Я быстро достал их и положил в карман. Теперь надо было забрать Эдварда. Выскочив на улицу, я подал ему условный сигнал, и мы вместе поднялись в квартиру. Я быстро задернул шторы и включил свет. Эдвард с интересом стал осматривать квартиру. Она состояла из четырех комнат с огромными потолками, помещения для прислуги и кухни с большой плитой. Кроме этого была еще

и немецкая электрическая печка фирмы «Сименс».

Первым делом мы набрали воды, нагрели ее и приняли ванну, приведя в гармонию тело и душу. Пока Эдвард наслаждался в ванной, я в кладовке стал искать съестные припасы. Кроме водки и коньяка были галетное печенье и шоколад в больших золоченых плитках. В отдельном вощенном пакете лежали ржаные сухари, приготовленные специальным образом. Я всегда держу такой набор в каждой из квартир. Он хорошо подкрепляет и дает возможность не только восстановить силы, но и в случае необходимости продержаться довольно долго без основных продуктов питания. Все это я выставил на стол. Посвежевший и помолодевший Эдвард был удивлен моими гастрономическими изысками и пришел в восторг. После того как я последовал его примеру и привел себя в порядок, мы уселись за импровизированный стол. Посоветовавшись, решили, что, учитывая деликатность закуски, лучше пить коньяк, так как водка в данном случае будет для нас тяжеловата. В итоге мы подняли настроение двумя бутылками французского коньяка, закусив все это пачкой галетного печенья и двумя плитками шоколада. В конце, пресытившись сладким, Эдвард решил попробовать сухари. Надломив один из них, он сунул небольшой кусок себе в рот. По мере того, как он жевал, выражение лица его менялось от удивления к восторгу. Соленый, терпкий хлебный вкус сухаря покорила его, хотя по мне это был обыкновенный солдатский сухарь, приготовленный так, чтобы его можно было

хранить в течение года. После этого в приподнятом настроении мы завалились спать.

Утро началось со свежесваренного кофе, который Эдвард нашел на кухне. После этого мы перебрали гардероб и нашли себе приемлемую одежду, исходя из обстановки. Военное обмундирование отбросили сразу, так как на улице останавливали всех, кто носил офицерскую форму, пусть и без погон. Поэтому мы подобрали неброскую штатскую одежду, в которой нас можно было принять за мелкую интеллигенцию. Наказав Эдварду сидеть дома, я тихонько выскользнул на улицу. Мне нужно было подать сигнал о встрече своему человеку и посетить Хитров рынок, который сегодня стал одним из основных источников не только продовольствия и мануфактуры, но и информации. Моросил мелкий противный дождик, и народ быстро пробежал по улицам, порой прячась в подворотнях. Это было мне на руку, и я старался как можно быстрее достичь нужного мне места. Вскоре я достиг его: это была триумфальная арка в честь победы в войне 1812 года. Памятник окружала небольшая чугунная ограда с изображениями различного военного снаряжения того времени. Подойдя к третьему слева чугунному пролету ограды, я повязал особым образом на стволе изображенной здесь пушки красную нитку, обозначавшую необходимость срочной встречи, сделав вид, что завязываю развязавшиеся шнурки на ботинках. Затем, оглянувшись на редких прохожих, двинулся в сторону Хитрова рынка. Пройдя

по Покровскому бульвару мимо казавшихся заброшенными домов Саввы Морозова, Хлебниковых, Расторгуевых и других миллионеров, я вышел на относительно небольшую площадь, окруженную со всех сторон обшарпанными домами. Это были знаменитые ночлежки.

Рынок работал практически круглосуточно, пропуская через себя массу товара и людей. Казалось, здесь собралась вся Москва, которая торговала всем, чем только можно. Гимназистки торговали своим телом, графиня меняла драгоценности на еду, какие-то темные личности предлагали марафет, бывшие офицеры – свое наградное оружие. Все двигались, торговались, перемещаясь по территории взад и вперед, расхваливая свой товар, или приценились, к понравившейся вещи. В основном господствовал натуральный обмен, но в ходу были и деньги. Особенно ценились денежные знаки Российской империи. На них можно было купить практически все.

Встреча с Ламакой

Мне нужно было найти Ламаку. Но как в этой тысячной толпе найти эту особу, которая скрывается неизвестно где и, наверное, еще имеет приличную охрану. Размышляя над этим, я краем глаза увидел, как сопливый беспризорник пытается незаметно залезть в мой карман. Поймав его руку и сразу заткнув ему рот, чтобы он не поднял истошный вой, как обычно это делает такая детвора, я тихонько прямо в его грязное ухо сказал:

–Сейчас я тебя отпущу и даю целый целковый, но ты должен будешь найти мне Ламаку. Ты все понял?

Он кивнул головой, и я медленно освободил его рот, а потом и руку. Он продолжал стоять, возле меня, хитро щурясь.

–Ну чего стоишь? – спросил я.

–А рубль? – и он протянул руку.

Вытащив из кармана руку, я протянул ему бумажный рубль. Схватив его, мальчуган сразу отскочил в сторону, чуть не сбив стоящую рядом женщину, и громко заорал:

–Ламаку не знаю, никакого Ламаку. Чего пристал к человеку? – и бросился в толпу, скрывшись из виду.

Народ, стоявший рядом, моментально отпрянул в сторону, и вокруг меня образовалось пустое пространство. Все подозрительно стали смотреть на меня. Чтобы как-то снять напряжение, я, повернувшись спиной к толпе, стал рассматри-

вать выложенный на ближайшем прилавке товар. Постепенно рынок снова вошел в рабочий ритм, и я двинулся дальше. Главное, я достиг того, чего хотел. Все беспризорники работают под руководством тех людей, которые следят за рынком с криминальной точки зрения. И то, что я ищу одного из них, не пройдет незамеченным, и каким-то образом они дадут знать о себе. Пройдя мимо группы людей, торговавших с деревянных разносов, я почувствовал, как кто-то меня дергает за рукав. Опустив глаза, я увидел того самого мальчишку, который только что сбежал от меня. Убедившись, что на него обратили внимание, он сказал:

– Пошли за мной, – и, повернувшись, двинулся сквозь толпу, показывая мне дорогу. Лавируя между потоками людей, минут через десять мы подошли к небольшому деревянному домику с вывеской над дверью. Это была харчевня, вокруг которой распространялся изумительный аромат свежеспеченного хлеба. Здесь меня уже ждали. Их было трое. Главный среди них, очевидно, был высокий парень, который крутил папиросу в зубах, перебрасывая ее слева направо и наоборот. В результате дым окутывал его голову со всех сторон, и казалось, что у него дымятся мозги. Осмотрев меня снизу доверху, он выплюнул папиросу, растер ее ногой и, сплюнув на землю, спросил:

– Это тебе что ль нужен Ламака?

– Мне, – ответил я.

– А чего ты хочешь, говори мне, я передам.

–По – моему, я ясно сказал, что мне нужен Ламака. А ты на него вроде бы не похож, – заявил ему я.

–Поговори мне! – взвился длинный и угрожающе сделал шаг вперед.

Я, не испугавшись его выходки, лишь сконцентрировал свое внимание на предмете возможного нападения и продолжил:

–Если нет Ламаки, значит, нет и разговора. Все, что я должен сказать, я скажу только ему. Поэтому давай решай быстрее: или мы идем, или я возвращаюсь обратно. Только потом ты сам будешь ему рассказывать, почему ты помешал нашей встрече, а он с тебя спросит по полной.

Очевидно, мое красноречие подействовало на длинного, особенно последняя фраза, и он, поколебавшись, кивнул головой своим напарникам и двинулся вперед. Я пошел за ним, а сзади, замыкая нашу группу, шли его помощники, настороженно поглядывая по сторонам, держа правую руку в кармане. Пройдя хлебные ряды, мы свернули направо, пролезли через замаскированную дырку в заборе, немного прошли по улице, идущей вдоль рынка и, свернув в узкий переулок, остановились возле зеленых ворот. Длинный тихо свистнул, и ворота приоткрылись. Оттуда выглянула рыжая физиономия, которая осмотрела нашу компанию и, узнав знакомые лица, открыла шире ворота, пропуская нас во двор. Подойдя к крыльцу, главный стянул картуз с головы, плюнул на свою пятерню и, пригладив волосы, буркнул мне:

–Погодь.

Затем, вытерев ноги о крыльцо, решительно открыл дверь и скрылся в доме. Отсутствовал он минут пятнадцать. За это время я успел осмотреть двор, моих сопровождающих и прикинуть возможные пути отхода, если что пойдет не так. Вскоре дверь снова открылась. Оттуда высунулась голова длинного, и он крикнул мне:

–Заходь.

Воспользовавшись приглашением, я быстренько проскользнул вовнутрь и очутился в небольшой прокуренной комнате. В центре нее стоял круглый стол, за которым сидел пожилой кряжистый мужчина, по бокам еще двое, дымившие папиросами, как паровозы. Взгляд у мужчины был тяжелый. Очевидно, он привык таким взглядом ломать людей. Кроме того, он обладал большой физической силой, что было видно по его покатым плечам и длинным жилистым рукам. Взглядом он попытался взять инициативу в свои руки, направив на меня свои пронзительные глаза и пытаясь поймать мои глаза своими. Зная это, я, взглянув на него, начал рассматривать его руки, затем одежду, давая ему возможность следить за мной и направляя его туда, куда я хотел. Измотав незнакомца, таким образом, я внезапно глянул в его глаза и, поймав их, уже не отпускал, внушая ему, что я пришел как гость. Теперь с ним можно было делать все что угодно, но это не входило в мои планы, и я медленно отпустил его. Он вздрогнул, опустил глаза вниз и, придя в себя,

спросил:

–Что привело тебя сюда, господин хороший? Дело какое есть али так просто? Ты случаем не из ЧК? А то последнее время только и сталкиваемся с ЧК: то облавы здесь устроят, то подошлют кого–нибудь, чтобы нас извести. А тебе чего надо?

–Да в принципе не так уж много, – ответил я. – Ну, во-первых, передать тебе привет из Одессы от Мишки Япончика.

–Ну и что из этого? – ответил он. – Таких Мишек в Одессе много. И где правда о том, что ты действительно знаешь его? Может, тебя специально подослали выпытать чего-нибудь о нас. Мы с таким, как ты, знаешь, как расправляемся?

И он, взяв лежащий на столе пятак, согнул его пополам двумя пальцами. Затем бросил на стол и многозначительно посмотрел на меня.

–Впечатляет, – сказал я. – Теперь мне понятно, почему вас прозвали Ламакой, но это к делу не относится. Он просил передать, что у вас были общие дела по отношению к Валету, и в честь этого он просит вас помочь мне кое в чем.

–Валет, – он наморщил лоб, словно припоминая. – Ах, Валет! – И он громко расхохотался. – Да, катанули мы одного фраера, и если бы не Мишка Япончик, неизвестно, как бы все закончилось.

–Ну, садись, – сказал он расслабленно, подавая знак своим сотоварищам, которые сидели с напряженными лицами, что

все в порядке.

—Что за нужда такая тебя привела?

—Если можно, я бы хотел переговорить об этом наедине, — и многозначительно посмотрел на собеседников.

Он правильно понял меня и, глянув на своих помощников, сказал:

—Вот что, ребята, пойдите покурите на улице, а то тут дышать нечем.

Те молча поднялись и быстро выскользнули из комнаты. Мы остались вдвоем.

—Ну, у меня необычная просьба, которая состоит из двух частей. Первая: если у вас есть знакомый в Петрограде, то я хотел бы с ним там встретиться и, в случае необходимости, обсудить одно дело. Ну а вторая касается того самого ЧК, о котором только что шла речь. Может быть, у вас случайно есть там свой человек, с которым можно обговорить ряд моментов.

И я вопросительно посмотрел на него.

—Интересный ты человек, — сказал Ломака. — Вот так сразу и положи ему то, что добывалось с таким трудом. А вдруг ты не тот, за кого себя выдаешь? И что тогда?

—А это уж вам решать, что и как. Кроме того, что я сказал, мне больше добавить нечего. Если это ваше последнее слово, тогда разрешите откланяться, — и я встал, намереваясь выйти.

—Погодь, погодь, чего ерепенишься? — спокойно отреаги-

ровал Ламака .-Это дело сурьезное и такими знакомствами так просто не разбрасываются. Он на секунду задумался, затем, очевидно, приняв решение, сказал:

–Ладно, я должен Мишке Япончику, а долги у нас всегда отдают. Завтра в семь вечера пойдешь в ресторан «Савой», сядешь за второй столик у окна, его будут держать для тебя. Положишь перед собой эту монету, – и он протянул мне согнутый пятак, – по ней тебя узнают. К тебе подойдет, ну а дальше твоя забота.

–Премного благодарен, – ответил я. – Ну а как насчет Петрограда?

–Ну, это проще. Когда приедешь туда, то пойдешь по адресу, – и он назвал его. – Там покажешь эту монету, и тогда с тобой будут иметь дело.

С этими словами он вытащил из кармана несколько монет, выбрал среди них пятак и согнул его точно так, как первый, и бросил мне. В этот момент в комнату ворвался длинный.

–Ламака, – закричал он, – через полчаса будет облава, сюда по Старосадскому и Спасоглинищевскому переулкам идет милиция, огольцы увидели, – и выразительно глянул на меня.

Я только пожал плечами. Ламака крикнул и, схватив со стола папиросы, двинулся к комоду, который стоял возле стены. Взявшись за него двумя руками, он легко отодвинул его в сторону. В полу открылось небольшое отверстие. Многозначительно кивнув мне, он полез туда. Следом стал спус-

каться я, а за мной – парень, не забыв поставить на место комод. Там оказался длинный темный подземный ход. В конце его мы выбрались на полутемную деревянную лестницу какого-то здания. Здесь вовсю мотались грязные оборванцы, натывая друг на друга и что-то пряча в разных углах. Увидев Ламаку, они шарахались в сторону, почтительно пропуская нас вперед. Затем мы нырнули в какую-то щель и, боком между двух стен пройдя метров десять, выбрались через дровяной сарай в один из дворов на Покровском бульваре. Дворник, стоявший у ворот и прислушивавшийся к крику, свисткам и выстрелам, которые доносились со стороны Хитрова рынка, увидев нас, почтительно снял картуз и, приоткрыв ворота, выпустил на улицу.

– Ну что, господин хороший, – сказал Ламака. – Надеюсь, это не за тобой, – и кивнул в сторону рынка. – По плану этой облавы сегодня не должно быть.

– Все может быть, – ответил я. И теперь мне стало понятно, почему он так спокойно реагировал на это. Его люди, сидевшие в различных органах власти, своевременно предупреждали о таких мероприятиях. А сегодняшнее, которое, очевидно, проводилось в срочном порядке, наводило на размышления. Дойдя до ближайшего перекрестка, Ламака сказал:

– Ну, вот и все. Здесь наши пути – дорожки расходятся. Будь здоров.

И повернувшись, в сопровождении своего помощника,

двинулся вправо. Кивнув ему на прощание, я начал выбираться в сторону центра, спеша уйти от этого места как можно дальше.

Немного о «Красном терроре»

Добравшись без происшествий домой, я увидел, что Эдварда там нет. Пренебрегая моим советом, он почему-то посчитал нужным выйти на улицу. Это немного насторожило меня. Не ведет ли он двойную игру? И что, собственно говоря, я знаю о том, в чем заключается его задание? Может быть, он приставлен ко мне, чтобы контролировать мои действия, а может, чтобы помешать осуществить задуманное в поисках царской семьи. Откуда мне знать, что сидит не только в голове короля, но и его министров и начальников Эдварда Боунда? Ведь любой приказ, пока он дойдет до исполнителя, обрастает такими деталями и интересами всяких ведомств, которые задействованы в этом, что порой его основной смысл меняется на противоположный. Может быть, и здесь имеет место такая ситуация. Надо будет мне более внимательно присмотреться к нему. Анализируя, неожиданно пришедшие ко мне мысли, я сварил кофе и за неимением сахара сел пить его с шоколадом и галетным печеньем.

Вдруг со стороны прихожей раздался скрежет. Кто-то открывал дверь, осторожно проворачивая ключ в замке. Моментально вскочив из-за стола, я, по пути прихватив стоящую в углу трость, замер возле вешалки, стоящей у входа. Дверь осторожно открылась, но в нее никто не вошел. Я замер. Через время раздался шепот Эдварда:

—Вольдемар, это я.

А затем в коридор осторожно вошел он, держа в протянутой руке сверток.

—Извини, мне надо было выйти. Время дорого, поэтому я отправился в английскую миссию. А это продукты, ведь нам после всех наших испытаний надо хорошо покушать.

С этими словами он, положив сверток на стол, стал раздеваться. А я, выглянув на лестничную площадку, закрыл дверь на все замки и уселся в кресло, вопросительно посматривая на своего коллегу. Он, поняв, что я жду объяснений, уселся в кресло и, вытянув ноги, закрыл глаза.

—Не скажу, что это была прогулка для удовольствия. Кругом патрули, людей хватают, требуют документы, грузят в машины и увозят куда-то. Пока я без документов добирался до миссии, пришлось три раза убежать от солдат. Хорошо, что они бегать не умеют, поэтому догнать меня, особенно по местным дворам, им было тяжело. Тем более, что это был бег с препятствиями, так что пришлось попрыгать.

Затем он полез в карман и вытащил оттуда бумаги. Положив их на стол, он сказал:

—Это наши документы. Мы являемся представителями английской гуманитарной миссии для оказания помощи населению союзного государства. Имел беседу с главой миссии. Он напрямую встречается с Лениным и ведет с ним беседы о союзническом долге, о продолжении войны, о помощи и тому подобном. Большевики на сегодня не говорят ни да, ни

нет. Но относятся с очень большим уважением, несмотря на объявленный красный террор, понимая, с кем имеют дело. Что касается нашей с тобой задачи, то никакими сведениями они не располагают, очевидно, считая, что царь – уже сыгранная карта, и поэтому этот вопрос их как бы не интересует. Тем более, что миссия у нас с тобой частная и к государству не имеет никакого отношения. Что будет дальше с этой страной, я не знаю. То, что здесь происходит, не вписывается ни в какие рамки. Я был во многих странах, видел разные ситуации и попадал в них, но такое я встречаю впервые.

С этими словами он из левого кармана пиджака достал лист бумаги и положил на стол.

– Это сейчас распространяется в ЧК. Все сотрудники должны ознакомиться с бумагой и расписаться, подтверждая тем самым, что они поддерживают ту позицию, которая изложена здесь. К чему это приведет, один Бог знает.

Я взял бумагу и стал внимательно читать. По мере того, как до меня доходил смысл изложенной здесь позиции, волосы становились дыбом, и от дикости изложенного бросало в дрожь.

«КРАСНЫЙ МЕЧ»

Орган Политотдела Особого Корпуса войск В.У.Ч.К.

№1

Да здравствует красный террор!

В то время как наши красные республики окружены тесным кольцом иностранных негодяев, отечественная контр-

революция с каждым днем поднимает все выше и выше свою преступную голову. Чуть не каждую неделю Секретному отделу В.У.Ч.К. приходится раскрывать целую сеть преступных организаций. Наши враги решили бороться не на жизнь, а на смерть во имя уничтожения трудящихся масс. Контрреволюционеры поставили на карту все, что могли.

В такой момент, в момент сильной классовой схватки, все трудящиеся должны быть проникнуты одной лишь мыслью – уничтожить преступную гидру. Мы все, как один, должны, с одной стороны, вести широкую агитацию среди несознательных пролетариев, а с другой стороны, краснопролетарской косою выкосить негодную траву из Советских Республик. Венгрия должна нам послужить хорошим уроком, миндальничанию должен быть положен конец. Мы должны призвать всех сознательных пролетариев к борьбе с буржуазией, ибо необходимо помнить, что черное офицерство и буржуазия еще далеко не задавлены, а лишь притаились, чтобы в удобный для них момент нанести нам удар. Мы должны это предупредить во что бы то ни стало. Объявленный красный террор нужно провести по-пролетарски. За каждого расстрелянного нашего товарища в стане деникинщины мы должны ответить уничтожением наших классовых врагов.

Наша партия, партия большевиков-коммунистов, одна из первых выступила против смертной казни, и этот лозунг проводила в жизнь до тех пор, пока нам не был брошен вызов, который мы вынуждены были принять.

И в настоящее время мы должны уничтожить наших противников вовсе не потому, что хочется мести, а для того, чтобы окончательно их обезвредить, чтобы отбить у всех них охоту поднимать руку на рабоче-крестьянскую власть.

Всякий честный и искренний до конца коммунист должен иметь железное мужество и в такой тяжелый момент, который переживают Союзные Республики, не щадить крови врагов не только в бою, но и внутри страны, ибо наше неуместное «великодушие» иной раз для нас вреднее англо-французских штыков.

Это необходимо запомнить раз и навсегда нашим партийным товарищам, возбуждающим ходатайство об освобождении того или иного «интеллигента». Стоит лишь арестовать за вредную деятельность какого – либо профессора, военспеца, спекулянта, как со всех сторон сыплются десятки прошений с ходатайствами. И, удивительно, чем вреднее спекулянт, тем больше ходатайств и поручительств.

Нам твердят, что уничтожением этих элементов мы идем по пути регресса. Пусть так, пусть мы на время отстаем, но зато уверены, что элементов, становящихся угрозой самому существованию власти Трудового народа, нет. И что весь мусор чисто выметен пролетарской метлой.

Если для утверждения пролетарской диктатуры во всем мире нам необходимо уничтожить всех слуг царизма и капитализма, то мы перед этим не остановимся и с честью выполним задачу, возложенную на нас Революцией.

Если же среди наших товарищей есть люди, поддающиеся минутным впечатлениям, находящие какие-то смягчающие вину обстоятельства для хищников, строящих свое благополучие на крови и соках рабочего, – пусть уйдут в сторону, пусть не мешают другим выполнять святые обязанности перед Революцией.

Малодушные прочь с пути!

Побольше прямолинейности, энергии и бодрости в борьбе с проклятым, так упорно отстаивающим свои преступные интересы, врагом!

Да здравствует красный террор!

Да здравствует Чрезвычайная Комиссия-могильщица буржуазии и ее Красный Меч – Особый Корпус!

Лацис

Прочитав все это, я какое-то время сидел без движения. Это вообще было трудно осмыслить. Такой яростный призыв к уничтожению элиты страны и вообще своего народа трудно было себе представить. Но самое страшное было в том, что это уже претворялось в жизнь и потоки крови стали заливать страну от столицы до самых дальних окраин. В застенках ВЧК, на полях Мировой войны и начавшейся Гражданской гибели тысячи людей, удобряя своими телами уставшую от всего этого землю. И среди этого урагана, проносащегося над страной и только набирающего свою силу, в неизвестном месте, спрятанная от всех находилась семья последнего российского императора, которому была нужна наша помощь.

Поняв мое состояние, Эдвард успокаивающе похлопал меня по плечу и продолжил.

–Вы всегда чем-то удивляли европейцев. Вас очень тяжело понять, вот почему английское руководство осторожно относится ко всему, что происходит здесь. Сейчас они думают, на кого делать ставку: на большевиков, меньшевиков, Деникина, Корнилова, чтобы они продолжали войну и не покушались на английские интересы. Ты меня извини, но ради этого, как мне сказали конфиденциально, решили не поднимать вопрос о царской семье. А большевики хотят получить от Романовых все деньги, которые им принадлежат, поэтому так тяжело и шли переговоры.

–Что ты сказал? – я вскочил с кресла и бросился к нему.

–Не я сказал, а мне сказали, – повторил Эдвард, мягко отнимая мои руки от своего пиджака, в который я вцепился.

–Извини, – сказал я и молча сел в кресло.

–Сегодня вечером я встречаюсь с еще одним человеком, может быть, он прояснит ситуацию, – мягко произнес Эдвард и стал разворачивать сверток.

Чего там только не было: и свежий хлеб, и селедка, и копченое мясо, и давно забытая колбаса, и куча других деликатесов, которые завершила бутылка шотландского виски, торжественно водруженная на середину стола.

–Прошу, – сказал Эдвард, пододвигая поближе стулья.

Хотя после всего есть не сильно хотелось, перекусить всё же было необходимо, так как неизвестно, что нас дальше

ждёт. Однако после рюмки виски организм стабилизировался, и разложенные на столе деликатесы как раз пришлись кстати. Мы почти не говорили, только сопели и жевали, делая перерыв только для того, чтобы пропустить очередную рюмку. Необходимо было снять то нервное напряжение, в котором мы находились в последнее время. И нам это удалось.

Ближе к вечеру Эдвард пошел на встречу, о которой он мне говорил, а я, выждав еще около часа, направился в условленное место, где должен был ожидать меня мой человек.

Тайное свидание

Одевшись под мастерового, я вышел на улицу. Погода была достаточно обыденной. Светило солнце, которое порой перекрывали набегавшие тучки, но в целом она давала мне возможность нормально провести встречу. А она была назначена на Чистых Прудах, там, где обычно встречаются влюбленные парочки. Прикинув свое местоположение, я решил добраться туда пешком. Время мне позволяло сделать это. Я шел не торопясь, вдыхая прохладный воздух и размышляя над тем, что мне поведал Эдвард. С московских улиц исчезли разодетые барышни и всякая другая праздная публика. Встречавшиеся мне прохожие испуганно спешили по своим делам, вжимая голову в плечи и стараясь идти как можно быстрее. На углах собирались кучки народа, которых агитировали люди с красными бантами на груди, рассказы-

вая о прелестях мировой пролетарской революции и будущей сладкой жизни. А возле магазинов и лавок изможденные люди толпились в очередях за хлебным пайком, который был недавно введен большевиками. Как сказала при встрече моя визави, эти нормы были не для всех одинаковы. И здесь был соблюден принцип пролетарской целесообразности.

Но самое интересное, что народ, доведенный до отчаяния, в какой-то степени верил в возможность «светлого будущего» и хотел, чтобы оно наступило как можно скорее. Так размышляя, наблюдая и анализируя, я наконец добрался до нужного мне места. Несмотря на сложное время, вокруг пруда прогуливались влюбленные парочки, а некоторые из них откровенно целовались на скамейках. Нужного мне человека я определил сразу. Однако необходимо было предпринять определенные меры предосторожности, прежде чем подойти к нему. Поэтому я еще минут пятнадцать понаблюдал за окружающими, прежде чем решился на прямую встречу. Не заметив ничего подозрительного, я подошел к деревянному причалу, расположенному в конце пруда, и взял за рубль лодку для прогулки. Бородатый мужик, повертев в руках ассигнацию, сунул ее в карман и открыл висячий замок на цепи, удерживающей ее на причале. Затем он передал мне два весла и, подождав, пока я устроюсь в лодке, оттолкнул ее от деревянного настила. Лодка, плавно покачиваясь, поплыла на середину пруда. Поставив в ключины весла, я, лавируя среди плавающих по соседству лодок, выплыл на середи-

ну пруда и еще раз осмотрелся вокруг, фиксируя возможные подозрительные моменты. Однако пока было все спокойно, можно было начинать встречу.

Сделав несколько сильных гребков веслами, я подплыл к лавочке, на одном конце которой сидела, прижавшись друг к другу, влюбленная парочка, а на другом – молодая симпатичная девушка в пальто, лузгавшая семечки из бумажного кулька, изящно сплевывая шелуху во второй кулек. Причалив к берегу и игнорируя недоуменные взгляды парочки, я обратился к девушке:

–Эй, красавица! А как насчет того, чтобы покататься на лодке с симпатичным парнем?

Даже не взглянув в мою сторону, она, выплюнув очередную порцию шелухи, нисколько не жеманясь, ответила достаточно просто:

–Ищи других кататься на этом корыте. Я приличная девушка и с незнакомцами не знаюсь.

–Так не гоже, такой красивой девушке в одиночестве, в такой прекрасный день щелкать семечки, тем более, что они уже заканчиваются.

–А откуда ты знаешь? – удивленно ответила она и наконец-то подняла глаза на меня.

Вначале в них было равнодушие, но по мере того как она всматривалась, выражение ее лица менялось. Наконец она узнала меня, и глаза ее радостно блеснули.

– Ну, раз ты такой прыткий и всезнайка, тогда поехали

покупать новые.

И с этими словами она встала со скамейки и подошла к лодке. Я выскочил из нее и помог ей забраться внутрь и устроиться на скамейке. Затем, оттолкнувшись, поплыл на середину пруда, провожаемый многозначительными взглядами оставшейся парочки.

—Ну, здравствуй, Машенька,— сказал я, когда мы добрались до середины водной поверхности и оказались удаленными от других лодок.

Здравствуй, Володя, — ответила она, и лицо ее опечалилось.

—Ты чего такая расстроенная? — я сочувственно посмотрел на нее. — Да, знаю, тяжело, а кому сейчас легко? Вся страна в таком положении. А кто, как не мы, будет что-то делать, чтобы вернуть все в нормальное русло. Все, что было раньше, ушло и никогда больше не вернется. Нужно что-то делать, чтобы прекратить этот хаос и то истребление нации, которое идет сейчас. Страшно, что люди теряют человеческий облик, а нам с тобой его надо сохранить, во что бы то ни стало. Потому что люди ищут себе подобных, они чувствуют друг друга и тянутся тогда к тебе. Так, постепенно находя друг друга, объединяясь, мы сможем сделать многое для людей, для страны.

—Да, я все понимаю, — ответила она, украдкой вытирая навернувшиеся слезы, — страшно становится, когда слушаешь, что они планируют на своих заседаниях делать с народом и

страной.

Надо сказать, что Маша работала стенографисткой-секретаршей ни где – нибудь, а во ВЦИКе – высшем органе Советской власти – и постоянно стенографировала заседания в протоколах. А здесь принимались судьбоносные для страны решения. Попала она туда по воле случая, через знакомую, с которой когда-то училась стенографии на Бестужевских курсах. Была она очень начитанной и сообразительной девушкой, знала несколько иностранных языков и иногда в силу своего женского любопытства выполняла, по моей просьбе, отдельные поручения, связанные с моей службой.

–Что же тебя так сильно настораживает? – спросил я

–Да все! Сейчас они заикнулись на красном терроре и обсуждают, как это сделать наиболее эффективно.

А что слышно о царской семье?– перебил ее я.

Да ничего хорошего!– и она с сожалением посмотрела на меня. – Вот сейчас обсудили завещание царя Александра III, с которым знакомится каждый наследник престола, и оно произвело на них такое впечатление, что они решили искоренить весь род Романовых.

–Как так искоренить?– не понял я ее высказывания.

– Да так и искоренить! Вот, почитай!

Она, оглядевшись по сторонам, расстегнула пальто и, достав оттуда несколько листов бумаги, передала их мне. Раскрыв первый из них, я увидел надпись в правом углу листа «Завещание императора Александра III». Ниже шел текст,

написанный от руки:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я, как несли наши предки. Передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью отца ... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть.

В тот трагический день встал передо мной вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мои собственные убеждения, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь.

Либералы окрестили меня реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать.

Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь

ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего... Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести.

В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн.

В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

–Очень содержательное завещание, – сказал я, подняв глаза на собеседницу.

–Да, такое содержательное, что они уже почти приговорили к расстрелу всю семью императора Николая II в Екатеринбурге.

–Как так к расстрелу?!

От неожиданной вести я вскочил в лодке, и она, потеряв равновесие, стала раскачиваться, черпая бортом воду. Маша, ойкнув, зажала рот рукой, пытаясь сохранить равновесие и не выпасть за борт, а второй рукой вцепилась в меня. Проплывающие мимо отдыхающие в лодках стали подозрительно рассматривать нас, пытаясь понять, что произошло. Наконец, справившись со своими эмоциями, я медленно опустился в лодку и осипшим голосом спросил ее:

–Это правда? Нигде никаких прямых свидетельств нет, только телеграфная лента из Совнаркома пока ничего об

этом не говорить. А что с остальными членами семьи Романовых?

–Все арестованы. Кто в Петропавловской крепости, кто в Вологде, кто еще где. Все они вошли в список №1 заложников, и я не знаю, живы ли они. Большевики боятся, что если останется хоть один человек с фамилией Романов, то их идеям переустройства мира придет конец.

–Как они могли, как они посмели совершить такое преступление? А дети при чем здесь? Это же дети!

–Ну и что, хоть они и дети, но они Романовы! На этом строится их вся философия.

–И что, ни один из них не выступил против таких людоедских действий?

–Представь себе, нет! Поддержали все. Ленин крутил свои янтарные запонки, Сталин рассматривал свой янтарный мундштук. И вообще, почему-то все полюбили янтарные безделушки. У кого-то янтарная фигурка, у кого-то перстень с янтарем, а у третьего заколка на галстук или янтарные безделушки навешены на карманные часы. Ну, я понимаю женщины. Кстати, многие из работающих там, носят янтарные броши, или янтарные заколки на волосы, или большие булавки с янтарем. А самое непонятное, что некоторые из руководителей ЧК стали носить на гимнастерках золотые или серебряные черепа с янтарными костями. Мода пошла такая, что ли?

–Может быть, да, а может быть, и нет, – ответил я, не при-

дав ее словам определенного значения. Смысл их дошел до меня значительно позже, когда я начал выяснять, чего это вдруг в ЧК такая эмблема. Оказывается, в Пруссии и Брауншвейге уже с давних времен существовали кавалерийские и пехотные части с такими эмблемами на головных уборах. Впервые они с середины XVIII века стали носиться ударными гусарскими полками прусской армии Фридриха Великого – «Totenkopfhüsaren» – (гусары с мертвой головой). Эта эмблема и черная форма с серебряным черепом и костями должны были символизировать мистическое единство войны и смерти на поле боя. Позднее эта эмблема перекочевала в английскую и русскую армию. Мне после этого стало понятным, почему на отдельных аэропланах я видел на фюзеляжах стилизованную георгиевскую наградную планку, на которой были нарисованы золотые и серебряные черепа. Оказывается, золотые рисовались за десятки сбитых вражеских самолетов, а серебряные – за единицы. Причем летчиками они трактовались как символ смерти и воскрешения. Но здесь речь шла о врагах отечества, а что вкладывали в этот символ большевики? Выяснилось, что они трактовали этот символ как смерть «мировой буржуазии» и на лозунгах рядом с черепом писали призывы о ее гибели. Что касается ЧК, то под знаменем черепа с костями стал разворачиваться «красный террор». ЧК выдвинул лозунг «Смерть буржуазии и ее прихвостням, да здравствует красный террор!», при этом ставилась задача уничтожить «врагов трудового народа, контрреволюцио-

неров, прихвостней старого режима». Вот почему наиболее ярые приверженцы из ЧК носили нагрудные знаки в виде черепов. Открытым оставался вопрос, кто привнес эту эмблему в ЧК?

Находясь под впечатлением полученных сведений, я слушал свою собеседницу не очень внимательно. Ее слова как бы проходили мимо моего сознания, не цепляясь там за имеющиеся знания по тому или иному вопросу, а как бы проскакивая по касательной. Но это не значит, что они проходили просто так. Нет, тренированная память фиксировала их и откладывала на потом, чтобы в соответствующей ситуации выдать их на поверхность и придать им законченный вид, который мог потребовать того или иного решения. В итоге нашей беседы мне стало ясно, что с семьей императора могло случиться самое ужасное, именно то, чего я постоянно боялся. Несмотря на отсутствие достоверных сведений, фактически имеет место косвенное подтверждение возможности их физического устранения. Кроме того, что я узнал, многие газеты публиковали якобы требования рабочих о расстреле царской семьи. Это могла быть операция прикрытия того, что уже произошло, или подготовка соответствующего антуража, для того чтобы это совершить. Значит, следует самому все это проверить, а также подождать, что расскажет мне Эдвард после встречи со своим человеком. Кроме этого надо выяснить и у других знакомых мне людей, что они могут знать об этом. Хочешь – не хочешь, а надо встречаться

с тем работником московской ЧК, которого мне подсказали в Одессе.

Оторвавшись от мыслей, роем пролетавших в голове, я причалил к берегу и бережно помог Маше выйти из лодки. Парочки на скамейке не было. Приобняв девушку за плечи, я поцеловал ее в румяную щечку, от чего она вся зарделась.

– Машенька, – сказал я. – Я понимаю, тебе очень тяжело, береги себя и будь осторожна. Если можно, узнай побольше об интересующем меня вопросе. Да, меня не ищи. Если понадобится, я сам тебя найду. Или тебе передадут привет от меня. Ты все поняла?

– Да, – ответила она, не пытаясь освободиться от моих объятий.

– Ну, иди родная, – и я отпустил ее плечи.

Посмотрев тоскливо на меня, словно прощаясь со своей прежней жизнью, она развернулась и, молча наклонив голову, медленно пошла по аллее. Подождав, пока она не скроется из виду, я снова залез в лодку и погнал ее к причалу. Отдав ее лодочнику и внимательно оглядевшись, я направился в центр города. Внутреннее чувство мне подсказывало, что мне срочно необходимо именно сегодня встретиться с чекистом. Место, где его можно было найти, я знал. Как мне сказали, он постоянно по вечерам приходил в ресторан «Савой». Заскочив домой, и переодевшись, я направился туда.

Чекист

Несмотря на сложное время, ресторан процветал. Он был полон народу, который пил и гулял во всю широту своей души. Правда, посетители были одеты немножко беднее, чем в мирное время, уступая место гимнастеркам и кожаным тужуркам, которые в полной мере оккупировали зал. Найти нужного человека, не зная его в лицо, было достаточно сложно. Пройдя внутрь зала, мимо услужливо распахнувшего дверь официанта, я встал сбоку, выбирая позицию, с которой мне было бы удобнее рассмотреть посетителей. Она оказалась неподалеку в виде широко раскинувшего свои листья фикуса. Слившись с ним, я стал изучать открывшуюся передо мной картину. Перебирая по очереди посетителей, я мысленно подгонял их под те приметы, которые были мне известны.

Прощупав взглядом половину зала, я остановился на одном из столиков, за которым сидел кряжистый мужчина нагловатого вида в черной кожаной куртке в компании двух девиц. Девушки громко смеялись, закидывая голову назад, а он рассказывал им что-то смешное, уверенно обнимая их за талию. По тому, как он вел себя, периодически озираясь и втягивая голову, специфически жестикулируя руками, чувствовалось, что он знаком с каторжным миром. По моим сведениям, он при грабеже задушил старушку собственными ру-

ками, за что и попал на каторгу. Понаблюдав еще минут пять, за этой компанией и ее ближайшим окружением, я решил подойти к ним.

Лавируя между столиками и проносившимися мимо официантами, я подошел к нему с левой стороны. Поскольку абсолютное большинство людей предпочитает правую сторону, любая информация, которая идет к ним с левой стороны, воспринимается более замедленно. Это дает выигрыш во времени на принятие решения в случае какой-либо непрогнозируемой ситуации, то есть если я ошибся, то смогу быстро ретироваться, не оставаясь особо в памяти собеседника.

– Господин Косырев? – спросил я, наклонившись к нему.

– Господ мы всех рубим под корень, – ответил он, не поворачивая головы, для убедительности махнув рукою.

– Товарищ Косарев, – и он, повернувшись ко мне вполоборота, добавил, – а ты кто такой?

– Вам просил передать привет господин Ламака из Одессы. И бросил согнутый пятак на стол.

До него не сразу дошел смысл моих слов. Он продолжал тискать хихикающих девушек, не обращая никакого внимания на меня и сидевших за соседним столиком людей. Низменные инстинкты так и перли из него, продолжая направлять его руки, которые, не встречая сопротивления, лезли все дальше. Однако сказанное мною вскоре дошло до него, заставив бросить это занятие и повернуться ко мне всем корпусом.

—Ах, Ламака, так бы сразу и сказал. Чего надо?

—Хотелось бы об этом поговорить с глазу на глаз. Я вопро- сительно посмотрел на него, ожидая реакции на мое предло- жение.

Он все понял и, попросив девушек сходить погулять, при- двинул стул, пригласив меня присесть на него. При этом он передвинул в угол стола кожаный портфель, который рас- крылся, и из него выпало несколько листов. Я поднял неко- торые из них и был шокирован их содержанием. Это были акты об изъятии у буржуев ценностей, необходимых для по- беды мировой революции. В одном из актов было написано, что у гражданина Куликовича изъяли 45 ножей, 38 вилок, 69 ложек из серебра, 2 золотых портсигара, 21 золотую монету, 46 иных драгоценных вещей. Не повезло и гражданину Бру- силовскому: он лишился 119 ложек, 48 ножей, 48 вилок из серебра и других вещей. Согласно другим актам, были изъ- яты юбилейные медали и кресты, ордена и судейские цепоч- ки, запонки, лопатки для тортов, серебряные бумажники и так далее.

Забрав у меня поднятые акты, Косарев пробурчал тихо: «Завалили этим серебром, уже девать некуда». Поставив портфель на колени, он подозвал официанта и, покопавшись в нем, выудил золотую цепочку и серебряную стопочку с дву- главым орлом. Бросив все это на стол, он приказал офици- анту принести еще водки и закуски. Тот, молча, сгреб все это со стола и побежал исполнять заказ.

–Так что хочет Ламака? – спросил он, перестав копаться в портфеле.

–Чтобы вы помогли нам.

–Чем я могу помочь? И притом моя помощь кое-чего стоит.

–Естественно, не бесплатно, все имеет свою цену, и вы обижены не будете.

–А меня не так просто обидеть, – ответил он и сжал свой огромный кулак, многозначительно посмотрев в мою сторону.

Я пропустил эту реплику мимо ушей и продолжал гнуть свою линию.

–Ну, во-первых, я хотел бы узнать, что вы знаете о судьбе царя и его семьи?

Этот вопрос застал его врасплох, он даже поперхнулся сельтерской водой, расплескав ее по столу. Затем медленно поставил стакан на стол и, воровато оглядевшись, нагнулся ко мне и тихо прошептал: «Их всех расстреляют».

Я в принципе уже был готов к этой ужасной вести, поэтому внешне отреагировал спокойно, хотя внутри все мое существо превратилось в кровоточащую рану.

–Вы в этом уверены? – переспросил я.

– Куда, как уверен, – ответил он. – Все руководство об этом знает, и уже скоро объявят даже в газетах.

–А кто отдал приказ совершить это злодейство? – напирал я на него.

–Чего не знаю, того не знаю, но вроде бы все правительство обсуждало это, и никто не выступил против.

От такого кощунства меня начало трясти. Чтобы прийти в себя, я схватил стоящий на столе графинчик с водкой, налил его в стакан и трясущейся рукой влил себе в рот. Мои внутренности обожгло, как огнем. Постепенно я начал приходить в себя, и окружающий мир стал приобретать привычные очертания. Хорошо, что в это время пришел официант с заказом и стал расставлять все на столе, поэтому никто не обратил внимания на перемену моего состояния.

–Чего еще надо?– спросил чекист.

–Мне нужны мандаты работника ЧК.

–О, это сложная задача, – замахал он руками. – За это можно и загреметь!

Уже зная, что его нельзя сагитировать на это золотыми монетами, я решился на хитрый ход.

–Даю сто фунтов стерлингов, самой твердой денежной единицы в мире. И для убедительности показал ему красивую английскую ассигнацию.

Как ни странно, это подействовало. Он плотоядно посмотрел на нее и протянул руку, а я медленно убрал свою.

–Как будут готовы документы, так и получите свои фунты. В знак согласия он молча кивнул головой.

Вытащив из кармана листок бумаги, я медленно протянул его Косареву: «Это фамилии, на которые надо выписать мандат, а вот на эту фамилию нам нужен ордер московского

ВЧК, чтобы забрать этого человека в Петрограде, якобы для допроса в Москве.»

– Да вы что? Я такого не могу. Мандаты, это еще куда ни шло, а ордер – это не по моей части! – воскликнул он.

– Даю еще 100 фунтов.

– Нет, нет, нет! – запричитал он.

– Сто пятьдесят!

Он мгновенно прекратил отнекиваться, на секунду задумался, а потом кивнул в знак согласия головой.

– Когда будут готовы бумаги?

– Давайте завтра здесь в это же время, – ответил Косарев и потянулся к бутылке, но не взял ее, а воровато обернувшись, полусшепотом спросил у меня: – А не купишь ли ты российские рубли, почти как настоящие. Ребята в Одессе делали. Ведь тебе же надо?

Нет, спасибо, – ответил я. – А что, никто не хочет брать?

– Да как сказать. Ведь дело в чем. То большевики объявили, что денег не будет, а вот вчера узнаю, что запустили на полную катушку монетный двор и печатают ассигнации. Поэтому вроде как деньги не в ходу, а народ все равно ими пользуется. Вот и они втихомолку решили тоже заработать на этом. Печатают и отправляют в города.

– Значит, завтра вы принесете документы? – уточнил я у него.

– Да, – кивнул он головой.

– А если что случится, как нам связаться?

–Звоните в ЧК, добавочный 02. Этот телефон только у меня. Я надзираю за всеми экспроприированными ценностями.

«Так вот откуда у тебя эти драгоценности», – подумал я и, тихонько встав, медленно просочился за колонну, в то время как чекист потянулся навстречу своим барышням.

На улице был сильный ветер, но меня шатало не от него и не от выпитого спиртного. Нет, меня шатало от того, что императора и его семьи уже может не быть на этом свете, что я никогда не увижу его добродушную улыбку, не услышу звонкий смех царевича Алексея и не загляну в грустные глаза Анастасии. Как я ни торопился, но, возможно, я опоздал. Опоздал на самую малость, которая вот – вот может закончиться такой трагедией. Как жить дальше, что теперь делать?

Так, шатаясь, я шел по улице, натываясь на людей, и молча сносил все ругательства и крики, которые неслись мне вслед со стороны редких прохожих. Одна мысль настойчиво звучала в моей голове: «Что теперь делать? Что делать теперь?» Постепенно я заставил себя справиться с нервами и понял, что мне остается только одно: выяснить все основательно и попытаться что-то сделать. Так постепенно я добрал до дома. Подняв голову, я увидел свет в наших окнах.

–Значит, Эдвард уже пришел и принес какие-то новости.

Открыв дверь в квартиру своим ключом, я тихонечко зашел в прихожую. Она была в полумраке, а по коридору прямо в гостиной горел свет. Сняв куртку, я зашел туда, однако Эдварда там не оказалось. Заподозрив недоброе, я вытащил

из кармана небольшой браунинг и взвел курок, решив обследовать всю квартиру. Однако тревога оказалась ложной: из – за тяжелой портьеры медленно появилось лицо моего партнера, который, с тяжелым вздохом пряча пистолет в карман, буркнул мне вместо приветствия «Стучаться надо!»

–Извини,– ответил я. – Тут такие события происходят, что скоро забудешь, как тебя зовут.

–А что случилось? – вопрос Эдварда, как тяжелый кулак, повис в воздухе.

–Да так, ничего, кроме того, что всю царскую семью могут расстрелять.

–Но это же просто зверство какое-то, так цивилизованные люди не поступают!

–А где вы их видите? – спросил я. – Вы ведь ходили по городу и много там таких людей увидели?

–Да, к сожалению, их почти нет,– ответил он и полез в шкаф за виски. Затем он поставил на стол рюмки и наполнил их.

–Что ж, хотелось выпить по хорошему поводу, но, видно, не судьба. Давай выпьем за то, чтобы это оказались просто слухи.

Мы, молча, выпили стоя, а затем уселись возле стола.

–Ну, что у тебя нового? – спросил я. – Учитывая, что ты не очень удивился этой новости, ты уже знал об этом.

–Да, – подтвердил он мои догадки.

–Человек, с которым я встречался, сообщил мне об этом.

А у него прямой доступ наверх, к самым главным большевикам.

–Кто же это такой? – выразил я свое удивление.

–Работник ЧК Сидней Релинский, который имеет свободный пропуск в Кремль. Он же сотрудник уголовного розыска Константинов, негоциант Массино и прочая, прочая. Это наш человек, работает на английскую корону. Ему дано указание содействовать нашей миссии. Так вот, он имеет своих людей в аппарате ЦИКа, и поэтому обладает сведениями из первых рук. Было заседание всех руководителей этого главного органа советской власти, и они рассматривали вопрос, что делать с царской семьей. Велся протокол заседания, и кто-то из них, а в протоколе конкретно не указано кто, очевидно, из –за боязни огласки, сказал следующую фразу, что мол в новой России людям с фамилией Романовы нет места.

–Ну и что? И никто не пытался возразить?

–В том – то и дело, что нет. Все поддержали. Это и решило судьбу царской семьи.

–Погоди, погоди... – меня озарила внезапная догадка.

–Так может быть такое, что и все остальные члены царской семьи, великие князья, братья царя, дяди, то есть все, кто носит эту фамилию, могут быть расстреляны?

Эдвард только тяжело вздохнул и произнес всего лишь одну фразу:

– Не исключено.

Затем добавил:

– Мне наши представители шепнули на ушко, что шведский посланник обратился к Кайзеру с просьбой о содействии в сохранении семьи Романовых, на что тот ответил: «Мое вмешательство только ухудшит ситуацию». Короче говоря, отдал Романовых на растерзание большевикам.

–Я тебе расскажу еще более интересные вещи, – сказал он, встав из-за стола, и прислонился к буфету.

–Учитывая ситуацию, которая складывается в стране, руководство большевиков проводит массовую экспроприацию ценностей у населения якобы на благо мировой революции. Этим занимается ЧК, которая все эти драгоценности сдает в специальное хранилище. Ну, ты сам понимаешь, что часть этих вещей не доходит туда. Так вот, что интересно: специальные люди фильтруют эти ценности и наиболее значимые не вносят в опись, а тайно передают некой Свердловой-Новгородцевой, которая фактически является хранителем секретной кассы руководителей этого государства. На эти средства они намереваются прожить, если наступят тяжелые времена, а часть переправляется в банки за границу.

–Ну и что? – спросил я.

–А то, что эти драгоценности могут в скором времени всплыть где-то в Европе или в натуральном, или в растерзанном виде, и тогда можно будет предъявить счет большевикам.

–Это нам пока ничего не дает, – тяжело вздохнул я и налил виски в рюмки.

–Дальше будет еще интереснее, – ответил Эдвард и снова сел за стол.

–Видишь ли, Сидней имел конфиденциальную встречу с одним из главных большевиков. И тот намекнул ему, что он не свободен в своих действиях и постоянно ощущает какое-то давление с определенной стороны, которая не дает возможности их руководству действовать самостоятельно. Особенно это влияние усилилось с прибытием в Петроград немецкого посла Мирбаха, направленного почему-то в срочном порядке на эту должность. При этом, как сказал Рейли, его собеседник усиленно крутил янтарные запонки, которые начали наливать каким-то неестественным светом. Сидней ничего не понял, но ему настойчиво намекали, что вся проблема в этом. Он и раньше обращал внимание на то, что все те, с кем он встречался, обязательно имели при себе какую-нибудь янтарную безделушку. И когда он спросил одного из ответственных работников, что это у них за мода на янтарные изделия, то ему ответили, что когда эта безделушка с ним, он чувствует себя хорошо, а когда ее забывает где-то, то у него начинает сильно болеть голова.

«Странно, очень странно, – подумал я. – Что тут может быть общего между Мирбахом и этими янтарными безделушками?»

Кто вы господин Мирбах?

Какая-то еще не совсем ясная мысль стала формироваться в моей голове. Казалось, она уже вот-вот готова сорваться с языка и превратиться в истину – и в тот же момент сразу ускользала куда-то в глубь.

– Надо поближе узнать, кто такой этот Мирбах.

– А как ты думаешь? Я уже сделал это.

И Эдвард дал мне небольшой листок бумаги, на котором каллиграфическим почерком были изложены сведения о немецком после. Внимательно вчитываясь в написанное, я понял, что граф Вильгельм фон Мирбах-Харф являлся членом Верхней палаты Пруссии, имперским германским посланником, ротмистром резерва кирасирского Дрезденского полка Вестфалии №4, почетным кавалером суверенного Мальтийского ордена.

Мальтийский орден – это тоже ведь масонская ложа, куда в свое время входили и некоторые российские императоры. Но как связать личность посла с теми событиями, которые происходят, и тем влиянием, которое он имеет на правительство страны? И как это связать с янтарным кабинетом? Смутные догадки начали формироваться в моей голове. Но, чтобы убедиться в правильности этих предположений, необходимо было кое-что проверить.

Тем временем Эдвард продолжал.

–Так вот, Рейли сказал, что он кое-что придумал, и если его догадки правильны, то очень скоро многие проблемы решатся.

–А что он задумал? – спросил я, продолжая думать о своем.

–Не знаю, он ничего по этому поводу не говорил. Единственное, что он сказал на прощание, так это то, что мы скоро об этом услышим сами.

–Очень интересное заявление, – промолвил я и, поднявшись, стал мерить комнату шагами, обдумывая сложившуюся ситуацию.

Замолчавший Эдвард внимательно наблюдал, водя глазами за моими размеренными шагами. В моей голове теснились всякие мысли, касающиеся происходящих событий, и постепенно созрел план, который я попытался изложить своему коллеге.

–Знаешь, Эдвард, нам надо каким-то образом завтра утром попасть в посольство Германии, побеседовать с послом и осмотреть под любым предлогом его апартаменты.

–Ну, ты даешь, Вольдемар! Как мы туда попадем? Впрочем, это небольшая проблема, а вот насчет апартаментов – это ты загнул.

–Ничего я не загнул. Или ты уже не обладаешь теми качествами, которые использовал в Англии при нашем первом знакомстве? Да и я кое-что умею, вот и вместе, подстраховывая друг друга, постараемся пробраться туда. Если мои до-

гадки правильные, то мы там можем много чего интересного найти!

– Ну что ж, – ответил мой напарник, – давай попробуем, может что-то и получится.

– После посольства, в зависимости от результатов мы отправимся каждый по своим делам, и кроме этого мне нужно будет забрать наши мандаты, чтобы срочно выехать в Петроград.

На том и остановились. Пожелав друг другу спокойно ночи, мы отправились спать.

Утром, быстро позавтракав, мы решили провести рекогносцировку на местности, чтобы наметить конкретные наши действия по проникновению в здание посольства. Ни количество охранников, ни расположение комнат нам было неизвестно. Нужно было это определить хотя бы визуально. Одевшись и взяв оружие, мы вышли на улицу. Посольство Германии находилось в пятом доме по Денежному переулку. Мы решили подъехать туда на извозчике и пройтись по ближайшим улицам с тем, чтобы определить пути отхода. Извозчик нам попался молчаливый, и мы спокойно, без всяких словопрений добрались до места. Вышли мы на пересечении Денежного переулка и Пречистенской улицы. Чтобы не так заметно бросаться в глаза, мы разделились и пошли наверх к нужному нам зданию – один по левой, другой по правой стороне. Мы решили подстраховать друг друга: один, который пройдет рядом со зданием, будет рассматривать возможные

входы в него, а второй, с более дальней дистанции, взглядом охватит все то, что может не заметить первый. Таким образом, нам откроется полная картина, и мы сможем конкретизировать наши дальнейшие действия. Дом находился в аристократическом районе Москвы. Уже само название переулка— Денежный— говорило само за себя. Хотя было уже где-то около одиннадцати часов, прохожие попадались редко. В основном это была прислуга, спешившая по своим делам. Несмотря на бурные события, происходившие в стране и в городе, здесь все было по— старому: относительно спокойно и, казалось, совершенно безопасно в окружении добротных старинных особняков.

Вскоре показался нужный нам дом, достаточно большой двухэтажный особняк. В угловой части ограды этого здания, как в добрые старые времена, усердно орудовал бородатый дворник в переднике. Я не ожидал такой удачи— встретить знакомого человека, так как именно дворники знали все и про всех. Недаром они были опорой полиции и помогали поддерживать порядок. Поэтому я решил использовать этот шанс и расспросить его, не вдаваясь в подробности. Сделав условный знак Эдварду, я подошел к дворнику и, вытащив папиросы, попросил огонька. Он, наметанным глазом глянув на меня, коротко ответил:

—Это можно, — и, взяв предложенную мной папиросу, зажег спичку и дал мне прикурить.

—Чистота и порядок, — сказал я, показывая на его метлу, —

как вроде бы ничего и не изменилось.

– Да пока тут вроде, как и не изменилось. Но все равно хозяйева поубегли кто куда. Осталась одна прислуга, да и новая власть присылает новых жильцов сюды.

– Это куда сюды? – спросил я вроде с удивлением.

– Да вот хотя бы сюды, – он кивнул на нужный нам дом.

– Вот ранее этот дом принадлежал знатному роду Офросимовых, а затем была резиденция самого Патриарха Московского и всея Руси. А потом пришли большевики, всех отсюды выгнали и вселили этих нехристей ерманцев.

– А почему нехристей? – спросил я.

– Да как не нехристи, ежели они на вот той маковке поставили какую-то загогулину, которая вращается в разные стороны непонятным образом, а по ночам над ней и в кабинете посла бывает такой свет, что в жисть такого нигде не увидишь.

И он показал рукой на окна второго этажа над центральным входом, на крыше которого стояла церковная маковка. Только вместо креста над ней было непонятное металлическое сооружение в виде полусферы.

– Когда горит этот свет, она крутится во все стороны, иногда задерживаясь на время, и тот, кто проходит мимо, получает такой страх, что потом волосы долго стоят дыбом, а внутри дрожит каждая жилочка. Я такое испытал уже. – А что же сами немцы?

– А шут их знает. Их человек десять здесь. Ходят ничего

себе, вроде такие обходительные, даже дают на чай. А все равно душа к ним не лежит. Что-то в них есть такое, что сразу воротит тебя в сторону.

–Ну, спасибо за огонек, – сказал я, докуривая папиросу и бросая ее с молчаливого согласия дворника на кучу мусора.

–И вам здравствовать, ваше благородие, – сказал тот и принялся за свою работу.

Мы двинулись дальше. Проходя мимо посольства, я обратил внимание, что наружной охраны не было, а само здание имело второй вход, выходящий в переулок. Кроме этого в здании имелся сквозной коридор, соединяющий его концы в единое целое, а комната охраны находилась справа от центрального входа. Что касается кабинета посла, то он находился на втором этаже и своими окнами выходил на портик центрального входа, украшенного различными фигурами. Это было нам на руку, так как, в крайнем случае, мы могли его использовать при нашем отступлении. Закончив рекогносцировку, мы вышли на противоположную улицу около часу дня и смешались с толпой людей, сновавших в разные стороны. По булыжной мостовой проскакивали пролетки и грузовики, двигались отряды вооруженных людей и солдаты, спешившие по своим революционным делам в обстановке полного безразличия к окружающим. У нас оставалось около двух часов до намеченного времени, и мы решили пойти в ближайший трактир и перекусить. Мы с трудом разыскали работающий трактир на углу улицы Остроженки. Это был са-

мый большой трактир в Москве, который славился своей голубятней, расположенной на крыше дома. Правда, учитывая время, голубей почти не было видно, но их присутствие выдавали обгаженные птицами окна и мостовая. Войдя внутрь, мы попали в водоворот шума и гама. Было накурено и наплевано сидевшим за столами народом, который активно работал челюстями, перемалывая все, что попадало ему на стол. Меню было непрехотливое: пирожки с требухой и капустой, щи да каша. Выбирать не приходилось, и мы заказали всего по порции. Столик, за которым мы расположились, находился возле стены, и отсюда было удобно наблюдать за посетителями. В основном это был рабочий люд да всякие темные людишки. Одеты были, кто во что горазд, но попадались и прилично «упакованные» в костюмы личности, которые, судя по их поведению, чувствовали себя здесь как рыба в воде. Половой быстро принес наш заказ, и мы, стараясь не привлекать к себе особого внимания, быстро стали поглощать горячую пищу.

–Никогда бы не думал, что из кислой капусты можно приготовить такой суп, – сказал Эдвард.

–Не суп, а щи,– поправил его я.

–Какая разница, главное, что его в принципе можно кушать, – ответил он, глотая очередную порцию горячей жидкости.

–Вот приедешь домой и научишь свою жену делать такой суп, – подзадорил его я.

—А почему бы и нет? Добавить сюда порцию английского бекона, и получится отличная еда, — парировал он.

Затем мы принялись за гречневую кашу, запивая ее крепким чаем. Расплатившись, мы вышли на улицу и с удовольствием вдохнули свежего воздуха. На моих часах стрелки показывали десять минут третьего. Пора было выдвигаться к германскому посольству. Поймав извозчика, мы поехали по направлению к нужному нам дому. Это заняло минут тридцать. Пока мы ехали, я пытался анализировать те сведения, которые получил от дворника. Откуда в кабинете посла может быть такой свет, точно такой, какой исходил от янтарной комнаты, о котором писалось в рапортах и отчетах? Откуда в посольстве янтарь или янтарные панели? И как это связано с модой на янтарные безделушки, которой в настоящее время охвачено все новое руководство страны. Как связать эти сведения в единое целое? Возможно, ответ лежит на поверхности. Нужно только заглянуть в кабинет посла. Остановив коляску на углу нужной нам улицы, я высадил Эдварда, а сам проехал немного ниже здания посольства и там отпустил извозчика. Мы решили подойти к входу с двух сторон. Это даст нам возможность лишний раз осмотреться и привести свой организм в необходимое состояние, для того, чтобы впоследствии провести необходимые манипуляции с тем, чтобы проникнуть в здание.

Еще подъезжая к посольству, мы обратили внимание на то, что у здания стоит автомобиль «Паккард» черного цве-

та, но ни водителя, ни пассажиров в нем не было. В принципе ничего необычного в этом не было, но все равно эта деталь насторожила меня. Странно было то, что он стоял не у центрального входа, а чуть ниже, в сторону наклонного спуска. Обойдя его и еще раз убедившись, что там никого нет, мы подошли к центральному входу в посольство и остановились, чтобы собраться с силами и войти вовнутрь. Глубоко вздохнув, я кивнул Эдварду и, повернувшись ко входу, сделал попытку подняться по ступенькам к двери. В это время внутри здания послышался взрыв, и зазвучали выстрелы. Затем входная дверь разлетелась от толчка, и на улицу вывалилось двое людей с револьверами в руках. Увидев нас, они резко бросились налево и через внутренний дворик рванули к ограде, за которой стоял автомобиль. Вслед за ними выскочили несколько человек и стали прицельно стрелять в беглецов, громко ругаясь по – немецки. Те, отстреливаясь, пытались перелезть через ограду. Одному из них, более молодому это удалось сразу, а второй замешкался, перелезая через нее, и, громко вскрикнув, упал на землю за изгородью, схватившись за ногу. Молодой подбежал к раненому и, втолкнув его в автомобиль, отпустил тормоз, и он медленно, стреляя дымом, покатился вниз. Работники посольства продолжали палить в этих людей, но изгородь мешала им бить прицельно. Тогда они стали тоже перелезать через ограду и стрелять вслед автомобилю, пытаясь догнать его.

Тайна кабинета посла

Лучшего момента для нашей миссии ждать не приходилось. Быстро сориентировавшись, мы с Эдвардом неслышно просочились вовнутрь. Здесь царил полумрак, пахло порохом и пылью, которая сыпалась с покореженных взрывом и пулями стен. Везде валялась поломанная и перевернутая мебель. Дверь в приемную посла была распахнута настежь, и одна из половинок висела на одной петле. Мы осторожно заглянули внутрь и увидели ужасную картину. На полу, обливаясь кровью, лежал посол без признаков жизни. Я подбежал к нему с целью оказать посильную помощь. Но она не понадобилась, пульс не прощупывался. Долго оставаться нам здесь было нельзя, поэтому мы снова выбежали в коридор и бросились к лестнице, ведущей наверх к кабинету посла. В три прыжка мы оказались на втором этаже. Здесь мы обнаружили две двери. Одна из них была приоткрыта. Как оказалось, это был кабинет посла. Очевидно, идя на встречу с кем-то, он намеревался быстро вернуться назад, поэтому и не закрыл свой кабинет. Быстро войдя внутрь, мы прикрыли дверь и огляделись.

На фоне дубовых панелей, окаймлявших стены, стоял большой письменный стол со старинным бронзовым прибором, изображавшим маленьких эльфов. Возле этого стола находилось массивное рабочее кресло, на подлокотниках ко-

торого скалили пасть резные львы, со странно блестящими желтыми глазами и которое было повернуто в сторону книжного шкафа, находившегося сзади. В левом углу стола находилась настольная лампа под зеленым абажуром, которая почему-то была включена, озаряя своим светом кучу деловых бумаг и писем, аккуратно разложенных на ореховой подложке. Выглянув в окно, я сразу определил, что это та комната, над которой расположена странная башенка с металлической решеткой на крыше. Значит, в комнате должна быть потайная дверь. Поняв друг друга с полуслова, мы с Эдвардом разделились и стали аккуратно исследовать кабинет, простукивая панели – он справа, а я слева от входа. Ни под ковром, который покрывал пол кабинета, ни под панелями мы ничего не обнаружили. Глухой звук, доносившийся от них, говорил о том, что там нет никакой пустоты и даже малейшего намека на замаскированный вход.

Время неумолимо работало против нас. Крики погони и выстрелы затихли. Стало слышно, как запыхавшиеся работники посольства возвращаются в здание и начинают звонить в больницу и ЧК. Я быстренько подскочил к двери и запер ее изнутри. Это давало нам какой-то шанс во времени. Именно эти пять, десять минут могут стать решающими для нас. Эдвард подбежал к окну и приоткрыл его, готовя наш путь к отступлению: из окна мы выскакиваем на портик центрального входа и, если будем замечены, нам предстоит тот же путь, который проделали убийцы посла. Другого выбора у нас не

было. Люди, находясь в таком стрессовом состоянии, вряд ли оценят по достоинству те наши манипуляции, которые мы планировали провести в случае благоприятного для нас исхода дел. Поэтому мы видели только один путь – через окно. У нас оставалось еще немножко времени, чтобы попытаться что-то найти. Эдвард, отойдя от окна, направился к книжной полке, на которой аккуратно стояли тяжелые, в позолоте немецкие фолианты. Тщательно все осмотрев, он не нашел ничего, заслуживающего внимания, и, обернувшись ко мне, развел руками. Я тоже пожал плечами в ответ на его жест и вдруг услышал, что внизу кто-то начинает подниматься по лестнице. Я замер на месте, сделав Эдварду предупреждающий знак, и он в сердцах опустил в кресло, хлопнув ладонями по подлокотникам. Среагировав на это движение, лавы, оказавшиеся под его руками, выдвинулись вперед на несколько сантиметров, и попали в зону излучения зеленой настольной лампы. Их глаза налились кровавым светом, затем от них потянулись яркие лучи, которые уперлись в книги, стоящие на второй полке, и осветили позолоченные фолианты в четырех точках. От этого света на книгах проступило пятно в виде золотой медузы, которое, помигав, превратилось в отпечаток ладони правой руки. Пока происходили эти манипуляции, кто-то со стороны лестницы подошел к двери и попытался ее открыть. Судя по голосам, к нему на помощь поднимались и другие работники посольства. А мы с удивлением смотрели на открывшуюся нам картину, не в силах от-

вести взгляд от пятна в виде медузы, которое то появлялось, с извивающимися щупальцами, то уступало место отпечатку ладони. В дверь начали ломиться в полную силу. Это вывело нас из оцепенения, и я, бросившись к книжной полке, приложил свою правую руку к отпечатку ладони. Сначала ничего не произошло. Но затем в какой-то момент мигание прекратилось, и пятно налилось красным светом. Что-то щёлкнуло, и одна из книжных полок развернулась вокруг своей оси, освободив для нас вход вовнутрь. Дверь в кабинет уже открывалась, когда мы с Эдвардом буквально кувырком влетели туда. Полка сразу стала на место, и в это время, судя по топоту шагов, в кабинет вбежало сразу несколько человек. Мы с Эдвардом застыли на месте, затаив дыхание. Осмотрев кабинет, и никого не обнаружив, вошедшие закрыли окно, затем не спеша вышли из кабинета, громко хлопнув дверью. Теперь и нам можно было немножко расслабиться.

Я достал коробок со спичками и зажег одну из них, чтобы осмотреться. Мы находились в небольшом коридорчике, из которого шла деревянная лестница наверх. Справа на стене находился выключатель, который я щёлкнул в надежде на то, что из кабинета никто не увидит освещения, и мы с Эдвардом пошли вверх по винтообразной лестнице. В конце она упиралась в небольшую дверь, которая не была закрыта. Пройдя через нее, мы оказались в темном помещении. Пришлось снова зажечь спичку, чтобы определить, куда мы попали. Неожиданно для нас огонек спички отразил-

ся от стен и, колеблясь, обрисовал наши смутные фигуры, а затем внезапно потух. Пришлось зажечь вторую спичку. С ее помощью я определил, что со всех сторон в этой комнате нас окружают зеркала, которые и проецируют наши фигуры на свою поверхность. Третья спичка дала нам возможность выявить в центре комнаты какое-то сооружение, возле которого на небольшом столике стоял подсвечник, сделанный из янтаря и несущий на своей основе семь свечей, причем средняя из них была очень большой и на ее боках были выдавлены какие-то знаки. Чтобы лучше сориентироваться, я зажег шесть свечей, за исключением средней, решив не испытывать судьбу. Открывшаяся картина поразила нас. В середине комнаты стояла непонятного вида конструкция, по бокам которой находились какие-то ручки и рычаги. От этой конструкции вверх уходил длинный тонкий стержень, который терялся вверху в районе башенки, стоявшей на крыше здания. Перед конструкцией стояло крутящееся в разные стороны кресло, на сидении которого лежал шлем, весь покрытый диковинными янтарными фигурками и знаками. По бокам комнаты находилось пять зеркал, в которых очень четко отражались мы с Эдвардом не естественно, а в каком-то искаженном виде, причем в каждом зеркале по-своему. Мы с Эдвардом вопросительно посмотрели друг на друга. Что это за механизм, для чего он предназначен, и как им пользоваться? Кто ответит на эти вопросы? Тот, кто мог нам что-то разъяснить, уже ничего не скажет, так как лежит внизу, сраженный

пулей. Определить, для чего предназначено это сооружение, возможно теперь только опытным путем. Но это может быть очень опасно. Однако, раз уж мы добрались сюда, то стоит рискнуть. Я взглянул на Эдварда.

–Как ты считаешь?

–Да надо бы попробовать. А то столько сил потратили и что, впустую? Давай я сяду и поиграю на этой штуке.

–Нет уж, позвольте! У тебя нет ни опыта в этом деле, ни соответствующей подготовки, поэтому эту штуку попробую я. А ты внимательно следи за мною. Вдруг что – вытаскивай меня отсюда любым способом.

В ответ он только пожал плечами и стал внимательно рассматривать себя в одном из зеркал. Я, в свою очередь, обошел вокруг этой конструкции, осматривая ее со всех сторон и пытаюсь сообразить, как она взаимодействует с зеркалами. Затем подошел к креслу, взял шлем и начал рассматривать имеющиеся на нем янтарные фигурки. Впереди шлема находился обработанный до зеркальной поверхности кусок янтаря в виде полусферы. Сверху были нанесены семь концентрических янтарных кругов, охватывающих всю окружность шлема. Внутри этих кругов находились различные цифры, фантастические фигурки животных и какие-то руны. Все это было соединено между собой золотыми нитями. Шлем был достаточно тяжелым и сзади от него тянулся провод, который соединял в одно целое и шлем и конструкцию. Подержав его немного в руках, я почувствовал, как янтарные фигу-

ры начали нагреваться, наливаясь теплом. Немного удивленный, я сел в кресло и под внимательным взглядом Эдварда надел на голову шлем и замер, ожидая какой-то реакции. Однако ничего не произошло. Тогда я приблизился к металлической конструкции и стал внимательно рассматривать находящуюся сверху панель. На ней находились какие-то переключатели, а в правом верхнем углу – круглая красная кнопка. Очевидно, она включала всю систему. Переглянувшись с Эдвардом, я, глубоко вздохнув, нажал эту кнопку. Сразу что – то зажужжало, и зеркала пришли в движение, настраиваясь на определенный, только им известный лад, сначала все вместе, а потом каждое по отдельности подстраивалось под других. Эта процедура заняла несколько минут. Наконец жужжание закончилось, и центральное зеркало, которое не принимало в этом участия, вдруг выдвинулось вперед и оказалось в центре фокуса остальных зеркал.

«Ага, оказывается, оно здесь главное», – подумал я и стал ждать дальнейших действий.

Однако ничего нового не происходило. Тогда я стал по очереди щелкать рычажками на пульте. Как оказалось, они регулировали положение зеркал. Зеркала приходили в движение, но затем все равно принимали прежнюю позицию. Чего-то не хватало, чтобы запустить эту систему. Какой-то малости, но какой? Я стал внимательно все осматривать, но ничего необычного не увидел. Задумавшись, я поймал себя на мысли, что упорно смотрю на подсвечник. Очевидно, ин-

туитивно у меня возникло чувство, что вся загвоздка в нем. Включившись в реальность, я понял, что в подсвечнике горело всего шесть свечей, а седьмая – основная – не была зажжена.

Я сказал об этом Эдварду, и он быстро зажег ее. По мере того, как она разгоралась, согласовывая свою интенсивность с уже горевшими свечами, комната стала приходить в движение. Появился какой-то потусторонний свет, по зеркалам пошла рябь, а затем поплыли белые облака, порой перекрываемые тяжелыми темными тучами. Насмотревшись на игру света, я повернулся лицом к пульту, и мой шлем попал под свет подсвечника. В шлеме сразу что-то щелкнуло, и янтарная полусфера на нем налилась ярким светом и выбросила длинный огненный луч прямо в стоящее передо мною пятое сферическое зеркало. Оно как бы ожило, и на нем проявилось большое око, которое, поморгав, стало внимательно осматривать комнату. Шлем весь налился оранжевым светом, а в моей голове стали происходить непонятные вещи. Мало того, что она налилась свинцовой тяжестью, так еще передо мной стали проскакивать всевозможные картины и лица в разных ракурсах. Затем это око отразилось во всех зеркалах, и они синхронно стали моргать, то удаляясь, то приближаясь. Нам с Эдвардом даже негде было спрятаться от них. Мы, словно голые, стояли у них на обозрении и подвергались каким-то воздействиям, против которых вынужден был бурно протестовать весь наш организм. Постепен-

но преодолев оцепенение, я перевел взгляд с ока на стоящий передо мной пульт и увидел сбоку небольшое колесо, как у швейной машинки фирмы «Зингер». Схватив его правой рукой, я начал его крутить. вся система пришла в движение. Мое кресло вместе с пультом стало поворачиваться в сторону стоящего передо мной овального зеркала, из которого сверкало око. Поворот продолжался до тех пор, пока луч света из моего шлема не уперся в око. Оно заморгало, а затем, съежившись, пропало из поля зрения. По зеркалу разлился туман, а затем начали проявляться очертания чего-то знакомого. Постепенно из тумана стали проявляться панели янтарной комнаты – это было видно по их декору и гербам, расположенным посередине. Мне показалось, что волосы у меня стали дыбом и шлем парит над моей головой. Я ожидал многого, но такого я представить себе не мог. Оказывается, вот она, прямая связь с тем, что происходит вокруг! Вот откуда идут эти волны страха, неуверенности и ненависти! Вот кто управляет всем этим, и вот откуда все распространяется! Но это оказалось еще не все. По мере того, как все более четко проступали панели, они наливались ярким желтым светом, подобно тому, как мой луч, идущий из полусферы на шлеме, освещал их одну за другой. Когда комната налилась нестерпимо ярким светом, произошла вспышка, как от магниевой лампы, и какой-то комок грязи, оторвавшись от стен, шлепнулся на пол. Под воздействием луча он начал расти, раздуваться и вытягиваться в

разные стороны, своими щупальцами крепко прикрепляясь к янтарным панелям. Затем в середине этого комка открылся огромный глаз и уставился на меня, как бы изучая, что я представляю собой. Как оказалось, это существо подзарядилось от луча, который исходил из полусферы. Когда подзарядка закончилась, око дернулось и подняло свой взгляд вверх. Автоматически вверх повернулась и зеркальная полусфера, а за ней и все остальные зеркала стали перестраиваться так, чтобы направить свой фокус вверх, туда, куда развернулось око. Когда настройка закончилась, сущность приобрела огненно-красный цвет и вытолкнула энергию вверх, в купол здания, где стояло принимающее устройство, связанное с металлической конструкцией, расположенной на башне здания. Металлический стержень, соединяющий пульт с верхом, закрутился, и все вдруг залил белый яркий свет, который вырывался через купол, на верх здания и через металлическую конструкцию на нем разбрасывался в разные стороны. Сидевшие на деревьях галки с громким криком бросились прочь от здания, непрерывно что-то возмущенно треща, подгоняемые ярким светом. На зеркалах стали мелькать различные картинку московских улиц и чьи-то лица, среди которых были представители новой власти и другие известные люди. Когда их накрывала волна света, они останавливались, съеживались, а затем через время, распрямившись, шли вперед с каким-то новым выражением лица, словно получив какую-то команду или приказ к определенным дей-

ствиям. От всего, что происходило передо мной, я онемел. Голова моя раскалывалась и готова была вот-вот лопнуть. Шлем словно высасывал из меня все силы, и я был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой. Мое лицо покрыла бледность, по телу поползли мурашки, а по спине от напряжения струился холодный пот. Казалось, еще мгновение – и я упаду замертво. Однако спасибо Эдварду! Очевидно, догадавшись о моем состоянии, он, оторвавшись от увиденного, бросился ко мне и сорвал шлем с моей головы. Это сразу отразилось на поведении сущности из янтарной комнаты. Она, очевидно, только начала набирать свою негативную силу, как подпитка ее в моем лице была отключена благодаря Эдварду. Резко дернувшись, она недоуменно развернулась в нашу сторону, а затем, осознав происшедшее, широко раскрыла глаз и с немым криком выбросила в нашу сторону оставшуюся энергию. От удара я потерял сознание и рухнул на пол.

Когда я очнулся, в комнате было темно, так как свечи от удара погасли. Позвав Эдварда и не услышав ответа, я заставил себя встать. Голова гудела, и во всем теле ощущалась слабость, словно меня выжали, как лимон. Нашупав в кармане спички, я зажег свечу и стал рассматривать обстановку. Кресло было отброшено назад, разбито два зеркала, перекосив центральное и оборвав железный стержень, который тянулся вверх. Эдвард лежал без движения справа за пультом, по его подбородку текла кровь. Подойдя к нему, я попытался привести его в чувство. Только с третьей попытки это мне

удалось. Он, привстав, оглядел все вокруг и спросил:

–А что, собственно, произошло?

–Да ничего,– ответил я. – Только эта штука не хотела выпускать нас из своих объятий, а когда мы запротестовали, она просто плюнула в нас.

–Понятно,– ответил Эдвард, поднимаясь на ноги. – Что будем делать?

–Как что? Доломаем то, что ещё не сломано, и будем выбираться отсюда.

–Каким образом? Через кабинет путь заказан, только через крышу. Я где-то видел здесь небольшую лесенку, ведущую в башенку над нами, – ответил Эдвард и, взяв свечу, приподнял ее над головой, чтобы осмотреться.

–Да вот она, – и он указал на небольшую металлическую лестницу за овальным зеркалом, ведущую наверх.

–Ну, давай наведем порядок, – предложил я и, взяв кресло, стал громить оставшиеся зеркала, затем со всего размаха ударил по пульту, который прогнулся от удара так, что торчащие сверху рычажки заклинило.

Затем, ступая по хрустевшим осколкам, мы подошли к лестнице и полезли наверх. Она упиралась в небольшую дверь, закрытую на щеколду. Открыв ее, мы оказались на крыше над центральным входом. Внизу кто-то курил, были слышны голоса, и доносился запах дыма, который струйками поднимался вверх, растекаясь по крыше. Значит, туда нам не было хода, поэтому мы тихонько, чтобы не греметь, пошли

по крыше (благо, уже были сумерки) в надежде найти пожарную лестницу. Мы обнаружили ее с торцевой части здания, которая выходила в скверик. Осторожно спустившись, мы перемахнули через ограду и оказались в переулке. Отряхнувшись, и посмотрев друг на друга, я и Эдвард двинулись в сторону ближайшей улицы.

Часа через два мы без особых происшествий добрались домой.

—Ну и что все это значит? — спросил Эдвард.

—А вот это очень интересный вопрос, — ответил я. — Над этим стоит хорошо подумать! Кому выгодно убийство посла, причем все так бездарно сделано. И что это за зеркальная комната, какую она играет роль? Как она действует? И действует ведь очень целенаправленно, мы с тобой это ощутили на себе. Мне кажется, что на первый вопрос у меня есть ответ. Помнишь, ты говорил о своем разговоре с Рейли, который туманно намекнул на некие ближайшие события? По — моему, это есть как раз то, о чем он говорил. Очевидно, посол играл ведущую роль в тех событиях, которые происходили на наших глазах. И скорее всего, пытался управлять ими, судя по тому, что зеркальная комната находилась в его кабинете.

—Скорее всего, ты прав, — ответил Эдвард. — Но как он мог организовать это дело, и кто эти люди, которые совершили убийство?

—Я думаю, мы скоро узнаем об этом, так как на таком авто-

мобиле, который имеют убийцы, простые смертные не ездят. Надо теперь ждать реакции на происшедшее и большевиков, и германцев. Кстати, и мы сможем получить ответ на то, кому выгодно подобное. Если это какие-то бомбисты, то сразу будут приняты ответные меры, если это совершили власть предержащие, то тогда будет тишина и спокойствие. То есть, завтра все прояснится. Кроме этого, есть возможность вечером узнать кое-что, – сказал я, имея в виду встречу в ресторане.

Приведя себя в порядок, мы с Эдвардом разошлись каждый по своим делам.

Под флером агентов ЧК

Я направился в ресторан «Савой», где меня должен был ждать чекист Косарев. На этот раз он был какой-то подавленный: в одиночестве сидел за столиком и курил папиросу за папиросой, нервно оглядываясь по сторонам. Понаблюдав за ним издали, я выдвинулся к столику таким образом, чтобы он сразу увидел меня. Заметив мое отражение в зеркале напротив, он напрягся как струна и резко повернулся в мою сторону. Увидев, что я один, он облегченно вздохнул, и, схватив рюмку водки, выплеснул ее в горло одним махом. Затем, воровато обернувшись, указал мне на стул напротив себя.

– Вы волнуетесь, господин Косарев? – поинтересовался я, усаживаясь поудобнее. – Или что-то случилось?

– Что-то случилось, – передразнил он меня. – Еще какое что-то!

Затем, наклонившись к уху, прошептал:

– Убили немецкого посла Мирбаха. Все ЧК стоит на ушах, пошли аресты всех и вся.

– Кто же мог такое кощунство совершить?

– Да я подозреваю, что в этом замешан кое-кто из наших. Уж больно лютует начальство. Проверяют всех, кто где был. Поэтому давайте сразу решим вопросы, и я побегу на работу, а то, не дай Бог, очередь дойдет до меня, а я не там.

–Хорошо,– ответил я, – где наши бумаги?

Он полез в портфель, вытащил оттуда свернутую газету и протянул мне. Я положил ее на колени и осторожно расправил. Внутри лежали отпечатанные на серой бумаге два мандата сотрудников ЧК и ордер на выдачу штабс –капитана. Проверив фамилии и печати, я сунул документы в карман пиджака, а в газету положил фунты стерлингов и протянул ее Косареву. Тот, посмотрев содержимое, бросил все в портфель и в буквальном смысле слова рванул к выходу. Посидев еще немного, я положил на стол пять рублей и тоже вышел из ресторана. Часы показывали десять часов вечера.

На улице особого ажиотажа не наблюдалось. По дороге проносились авто с вооруженными людьми разных политических взглядов: анархистами, эсерами, матросами, солдатами и т.д. Отличить их можно было только по лозунгам, которые они выкрикивали на ходу, или песням, которые они горланили. Попадались также и красноармейские отряды из рабочих, которые шли степенно, как на смену. Прохожих почти не было. Все старались до наступления темноты добраться домой и спрятаться там в относительной безопасности от того безобразия, которое творилось на улицах. Как ни странно, возле ресторана дремало несколько извозчиков. Стогавшись с одним из них, я с комфортом доехал домой.

Здесь, уже всюю волновался Эдвард. Он ходил быстрыми шагами по комнате, словно меряя ее вдоль и поперек.

–Где ты так долго был, Вольдемар? – сразу бросился он ко

мне с вопросом. – Я уж думал, что-то с тобой случилось!

– Что-то я не пойму, – ответил я, – мы же договорились, что я иду на встречу в ресторан.

– Да-да, я совсем забыл. Тут такие события происходят!

– Какие? Может быть, я что-то не знаю, кроме того, что уже произошло?

– Конечно, не знаешь, арестовали Локкарта.

– Как?! Вашего английского представителя тоже забрали в ЧК?

– Да, забрали! Он находился в какой-то компании, а тут налетели чекисты и всех арестовали. Сейчас он сидит у них в камере. Меня очень просят помочь ему выйти оттуда. А если у нас очень просят, то ты сам понимаешь, что это значит.

– Понимаю, – ответил я. – Хорошо, что мы с тобой вовремя обзавелись необходимыми документами.

Я вытащил из кармана мандат, выписанный на имя Эдварда, и вручил его своему товарищу.

Тот взял его, повертел в руках, посмотрел на свет, затем по слогам прочел свою фамилию.

– Никогда бы в жизни не подумал, что стану чекистом. Слово-то какое – чекист, – произнес он, коверкая язык.

– Ты не переживай насчет своего акцента, – я дал совет ему, – будем говорить, что ты из прибалтийцев, они все так говорят.

– Хорошо, – ответил он. – Так что я теперь могу официально носить с собой наган.

– Не только наган или револьвер, но и кольт, и маузер, и все, что хочешь.

Все это хорошо, – заметил он. – Давай подумаем, как завтра с утра нам вытащить Локкарта.

– Завтра с утра может быть уже поздно. Такие вещи делаются в основном по ночам, поэтому нам надо спешить. Наверняка у них там сейчас много народу работает из разных организаций, и они не все знают друг друга. Вот мы этим и воспользуемся. Документы у нас есть, возьмем оружие и пару гранат, вдруг надо будет пробиваться.

– Хорошая мысль, – согласился Эдвард. – Давай еще захватим кое-какую одежду для него, а то, как мне кажется, его могли забрать прямо в смокинге. И если в таком виде мы будем выводить его, то ты сам понимаешь, что может случиться.

– А ты знаешь его размер одежды? – спросил я.

– Ну, такой примерно, как у меня, – ответил он, показывая на себя рукой.

Мы пошли в гардероб и выбрали для Локкарта галифе, солдатскую гимнастерку и фуражку. Сапоги или ботинки решили не брать, будет слишком подозрительно. Если на нем штиблеты, то мы прикроем их обмотками, и они сойдут за ботинки. Мы взяли с собой по револьверу и по небольшому браунингу, которые спрятали в карман. Кроме этого, в сверток с одеждой я завернул две лимонки. Действовать решили по обстановке, однако надо было обеспечить пути отхода.

Желательно, чтобы неподалеку нас ожидал автомобиль, на котором мы могли бы быстро скрыться. Я такими возможностями не располагал, и поэтому изложил все Эдварду, переложив на него решение этого вопроса.

Он задумался, немножко помялся, затем, связавшись по телефону с кем-то, минут десять вел эмоциональную беседу, после чего осторожно положил трубку на рычаг и утвердительно махнул головой.

— Будет авто, синий «Рено», в нем еще будет пулемет системы «Кольт», на всякий случай.

— Ну, ты просто кудесник, — сказал я. — Давай выдвигаться. С этими словами я взял сверток с вещами, и мы вышли на улицу.

Добрались мы до Лубянки где-то к двенадцати часам ночи. К главному входу то и дело подъезжали авто или пролетки, набитые арестованными. Их бесцеремонно сталкивали вниз и гнали в здание. Офицеры, чиновники, буржуа, женщины, попадая в этот конвейер, навсегда пропадали в его чреве. Возможно, многие из них в свое время оформляли здесь страховку, так как до революции это здание принадлежало страховому обществу «Якорь», но сегодня их страховой полис был недействителен, революция отменила его и, кажется, пыталась вычеркнуть из списка живых.

Понаблюдав издали и присмотревшись к обстановке, мы решили проникнуть в здание. Когда привезли очередную партию арестованных и под прицелом винтовок и наганов

повели в здание, мы быстро пристроились к охране, вытаскивая свои револьверы. В широком вестибюле стоял пожилой чекист и, окидывая взглядом арестованных, охрипшим голосом сортировал их по камерам, недавно оборудованным в подвале. Сортировка еще не закончилась, когда привезли очередную партию арестантов, и она стала напирать на нас. Распорядитель быстро махнул рукой, и все пришло в движение. Люди один за другим стали спускаться в подвал. Их подводили к дверям, открывали камеры и буквально запихивали вовнутрь, почти на головы стоящих там людей. Над всем этим витал смрад, состоящий из запаха потных тел и страха. Из других камер, наоборот, выводили людей и сопровождали их в конец коридора, где находилась железная дверь. Мы решили узнать, что там такое, и, подойдя к двери, открыли ее. Перед нами оказалась полутемная комната. Ее противоположная сторона была выщерблена дырками, штукатурка осыпалась, а пол был залит чем-то красным. У двери стояли два человека, поигрывая револьверами в руках и торопя двух пожилых мужчин, которые раздевались и аккуратно складывали одежду на кучу вещей в углу. Усатый чекист, стоящий ближе к двери, повернулся к нам и, увидев наши удивленные лица, расхохотался.

–Что, может быть, попробуете? – сказал он, протягивая нам револьвер и кивая на раздевшихся арестантов.

–Нет, благодарствуем, – сказал я, – мы просто решили прикрыть дверь поплотнее.

–Ну, как знаете, – ответил тот и отвернулся.

Закрывая дверь, мы услышали выстрелы, а сзади нас стояли уже следующие жертвы. Меня начал бить озноб от этого, а Эдвард стоял белый как снег. Увиденное здесь потрясло нас до глубины души. Необходимо было срочно искать Локкарта. Но где его искать, в какой камере он стоит и как его оттуда выволить, не привлекая внимания? Нужно было действовать. Времени на размышление не было.

Пока мы стояли, раздумывая, железная дверь проглотила очередную партию арестантов, а по коридору повели французского офицера и втолкнули его в камеру, находящуюся за расстрельной комнатой, возле которой дежурил молодой чекист. Переглянувшись с Эдвардом, мы решили проверить эту камеру.

Я поймал взгляд паренька, следившего за нами и, не отпуская его, стал приближаться к нему, одновременно внушая, чтобы он открыл дверь. Парень сначала попытался сопротивляться моему нажиму, но затем сдался и стал управляемым, тем более, что Эдвард, с другой стороны, стал подталкивать его мысленно на открытие двери. Он подчинился и, вытащив из кармана ключ, открыл дверь. Я кивнул партнеру, чтобы он осмотрел камеру, а сам не выпускал из поля зрения охранника. Камера была довольно большой, однако ее разделяли наспех перегороденные досками стены, создавая тем самым дополнительные помещения для находящихся там заключенных. Все они были иностранцами. Об-

следуя эти помещения, Эдвард в одном из них обнаружил Локкарта, лежащего на деревянном топчане во фраке, и призывно махнул мне рукой. Пока я медленно подходил к ним, он проинструктировал англичанина и тот безропотно стал быстро переодеваться в принесенную нами одежду. Когда он был готов, мы нахлобучили на его голову солдатскую фуражку, чтобы прикрыть козырьком его черные усики, которые не совсем подходили под гардероб. Пареньку мы внушили закрыть дверь и забыть все, что здесь произошло. Фрак Локкарта мы пристроили в соседнюю камеру, открывшуюся для приема очередной партии арестованных. Затем вместе с освободившейся охраной стали подниматься по лестнице вверх. В вестибюле все было по-старому: стояла куча арестованных, и распорядитель их сортировал. Мы потихоньку стали пробираться вдоль стены на выход и почти уже достигли середины вестибюля, как взгляд пожилого распорядителя поймал наше продвижение вперед. И надо же было Локкарту оказаться под бра, висевшей на стене. Ее свет отразился на глянцевом козырьке фуражки и попал на пожилого чекиста. Он удивленно посмотрел в нашу сторону, а потом уставился на англичанина. Постепенно его глаза стали расширяться. Он перевел взгляд с козырька на лицо и узнал Локкарта. Рука его автоматически потянулась к кобуре нагана, висевшей у него на поясе, и он стал судорожно пытаться открыть клапан. Однако в волнении ему это не удавалось. Тогда лицо его перекосилось от злости, и он, вытянув правую руку в нашу

сторону, стал хрипло кричать «Стой!». Охранники не сразу поняли, чего хотел их коллега, и стали удивленно переглядываться. Это дало нам несколько секунд. Я толкнул ближайшего солдата на кучу арестованных. От неожиданности он выстрелил вверх. Выстрел привел в движение всю остальную массу людей, которые кинулись врассыпную, давя друг друга. Мы получили ещё пару лишних секунд, так как чекисты были дезориентированы. Эдвард схватил Локкарта за руку и бросился к двери, а я бежал сзади, прикрывая их. Мы без осложнений выскочили на улицу, когда раздались выстрелы. В это время к входу подъехал очередной грузовик и стал разгружать арестованных. Мы на ходу проскочили мимо удивленной охраны и побежали дальше к стоящему на углу нашему автомобилю. Водитель уже завел двигатель и пристроил на заднем сиденье пулемет. Вслед нам летели кучи пуль, но пока особого вреда не причиняли. Вскочив в автомобиль, мы рванули вдоль по улице. А сзади за нами разворачивался грузовик, в который запрыгивали чекисты, намереваясь догнать нас, другие пытались попасть в нас, стреляя с колен. Пришлось дать по ним пулеметную очередь, что охладило их пыл. Одна из пуль попала в мотор грузовика, и он заглох. Это дало нам время домчаться до переулка, свернуть в него и убежать от погони. Когда стрельба затихла, мы переглянулись и облегченно вздохнули. Теперь перед нами стояла задача, куда спрятать Локкарта. Везти на нашу квартиру его было нельзя по разным соображениям. А куда тогда? Нужно

было выяснить обстоятельства его задержания, а затем уже думать, исходя из этого. Попросив шофера остановиться, я стал расспрашивать Локкарта, как все произошло. Оказывается, он приехал к своей знакомой, чтобы пойти с ней в ресторан, а документы забыл в костюме. Когда они выходили из дома, нагрянули чекисты, и его как не имеющего документов привезли на Лубянку.

—Вы говорили кому-нибудь, что вы английский дипломат?

—Как говорить, если нет документов, я просто молчал, думал, утром разберутся, — ответил он.

—Уже легче, тогда нечего крутить, едем в ваше представительство, и вы спокойно оставайтесь там. Только рекомендую переодеться и сбрить усы.

Развернувшись, мы поехали в другую сторону и, высадив Локкарта, направились в центр города, где отпустили авто, и окольными путями добрались домой.

Сбросив фуражку на вешалку в прихожей, Эдвард удобно растянулся в кресле и закрыл глаза.

—Что бы все это значило? Кто мне может ответить на этот вопрос? И что это за страна такая, когда ты не можешь ничего понять, а как заведенный бегаешь, согласно обстоятельствам, которые диктуют тебе условия твоего поведения? Где тут логика? И как дальше предугадать возможные действия? Что ты об этом думаешь? — обратился он ко мне.

—А тут и думать нечего. Все это звенья одной цепи. Новая власть боится потерять контроль над ситуацией, и по-

этому действует вот такими варварскими методами. В истории это происходит постоянно. И в вашей стране это было, и в нашей уже такое происходило не в столь отдаленное время. Ясно одно: обстановка накаляется, и нам надо быстро решать основные вопросы. Документы у нас есть, поэтому завтра едем в Петроград, а то неизвестно, что может случиться с ротмистром. После такого вот посещения московской ЧК я уже ничему не удивляюсь.

—Я тоже начинаю думать так же, — вступил в разговор Эдвард. — Я был во многих странах. Да, есть там свои особенности, но есть и какие-то общие правила. Здесь же одни особенности, а правил нет. Нет, есть одно — это право сильного. А в остальном..., — и он махнул рукой.

Затем нехотя встал, налил себе виски и выпил.

—Ну, а теперь спать.

И, пожелав мне через плечо спокойной ночи, отправился в свою кровать.

Я тоже последовал его примеру и, глотнув виски, растянулся на диване. Двигаться не хотелось. Сказывалось физическое и эмоциональное напряжение. Постепенно дремота окутала меня, и я заснул.

Даешь Петроград!

Разбудил меня солнечный зайчик, который пробился через неплотно закрытую оконную штору. Он, то ласково массируя мое лицо, то внезапно пропадал, словно испугавшись моей реакции, а затем прокрадывался на подушку и за-

мирал рядом. На душе становилось тепло и спокойно, словно ты снова в детстве и то, что творится вокруг, тебя не касается. Есть только ты, этот солнечный зайчик и детские теплые воспоминания.

Однако действительность настойчиво стучалась в мое сознание в виде звона чайной ложки и запаха крепко заваренного кофе.

–Сэр, пора вставать, кофе уже давно готов,– послышался голос Эдварда из гостиной.

А вставать и уходить из детства так не хотелось, и какой-то внутренний голос мне тихонечко шептал: «Не убегай, полежи, ведь у тебя еще столько хороших воспоминаний!» Внезапно этот голос замолчал. Его спугнул стук Эдварда в дверь

–Вольдемар, подъем, нас ждет неизвестность.

–Да, это уж точно вы подметили, сэр, – ехидно ответил я, вставая с дивана.– Ну не дадут расслабиться, а без расслабления нет умения.

–Это точно: кто-то с утра расслабляется виски, кто-то любит женщину, ну а у нас с тобой крепкий кофе, который заставляет работать мозг, – выдал он тираду, наливая мне из кофейника черного, как уголь, кофе.

Однако я сначала бросился в ванную, где, поплескавшись в холодной воде, довел себя до нужной кондиции, а затем приступил к общению с Эдвардом за чашкой кофе, который за это время достиг необходимой кондиции.

–Ну и какие наши действия? – спросил он, отправляя в

рот очередной бутерброд.

– Самые активные. Завтракаем, одеваемся и выдвигаемся на вокзал, где пытаемся сесть на поезд. Благо, теперь у нас с тобой есть соответствующие документы, так что, думаю, особых проблем не будет. Главное – выглядеть естественно, быть наглыми и совать всем под нос наши мандаты.

– Ну, это больше по твоей линии, – ехидно заметил Эдвард. – Если у тебя хватило наглости переправить в Англию багаж императора, то я думаю, ее хватит доставить нас и в Петроград. А я буду подыгрывать тебе, и корчить умные рожи.

– Вот и договорились, – сказал я ему и, закончив пить кофе, резко перевернул чашку на блюдце, чтобы прикинуть, что нас ожидает впереди.

Эдвард вопросительно посмотрел на меня, но не пророчил ни слова, ожидая, что будет дальше. Подождав, минут пять, я в полной тишине вернул чашку в прежнее положение и стал рассматривать осадок, покручивая ее из стороны в сторону. Мой коллега вскочил с места и, встав у меня за спиной, тоже стал смотреть на растекающиеся пятна черной жидкости. Остатки воды медленно, капля за каплей стекались на блюдце, а на стенках чашки все отчетливее проступали какие-то контуры. Постепенно они проявились, слившись воедино, и нашему взору предстала отвратительная фигура какого-то монстра, который одним глазом зло смотрел на меня, а вторым буравил Эдварда, словно пытаюсь понять, кто

это перед ним и в какую категорию его можно занести. Затем у него появились щупальца, которые удлинялись вместе с остатками воды, стекавшей вниз. Вот они достигли края чашки, затем, перебравшись через него, обвили матовую поверхность, выплеснулись на стол и стали вытягиваться в нашу сторону. Однако достичь нас им не удалось. На блюде упала последняя капля воды, и обезвоженная фигура сразу застыла без движения, дернувшись напоследок всем своим телом. Переведя дух, я осторожно поставил чашку и стал внимательно рассматривать блюдо. Вытекшая вода создала здесь очень интересный натюрморт. Я стал более пристально исследовать его, поворачивая так, чтобы солнце осветило рисунок в полную силу. Вскоре пришло узнавание отдельных элементов открывшейся конфигурации. Вот показались очертания знакомого здания с открытыми окнами, внутри одного из них четко обозначилась резная стена, как бы покрытая паутиной, на которой, покачиваясь, висел какой-то непонятный паук, отдаленно напоминающий фигуру, проступившую на чашке.

– Да это дворец в Царском Селе! – воскликнул я, – а это янтарная комната, где висит вот эта гадость, которая все время преследует нас, – кивнул я на застывшее изображение. – А открытые окна говорят о том, что царской семьи здесь нет, но, возможно, они успели оставить для нас какое-то сообщение. Так что нам надо поторопиться. Давай мой чашки, а я подготовлю соответствующую одежду, – предложил я Эд-

варду.

–Нет уж, с этой гадостью я не хочу иметь никакого дела, – ответил он, ошеломленно глядя на стоявшую на столе чашку. – Я такое вижу в первый раз. Много чего насмотрелся в разных странах, но эту жуть встречаю впервые. Какой-то непонятный монстр, пахнущий жутью и страхом. Из какой глубины он поднимается, чего он хочет от нас? По-моему, мы уже видели его в той комнате, у посла. Ну да, точно! Только здесь он какой-то немного другой.

–Конечно, другой, он все время видоизменяется в зависимости от цели, которую ставит перед собой, и поэтому принимает соответствующую конфигурацию, заряжаясь необходимой энергией. А от нас он хочет, чтоб мы не мешали его злодейским замыслам, поэтому постоянно следит за нами и при удобном случае избавится от нас.

–Но как он это делает?

–Я бы тоже хотел это знать. Дело в том, что каждый из нас представляет собой определенную структуру, которую мы получаем при рождении. Она фиксируется в пространстве и становится нашей визитной карточкой. Все дальнейшие наши действия там, наверху, исходят от нее. Вполне очевидно, что эта сущность умеет читать наши карточки и вычисляет нас так же, как мы пытаемся вычислить ее. Ну, плюс к этому каждый из нас обладает личностными качествами и особенностями, которые увеличивают шанс распознавания. Например, как в гороскопе: лев, рак, телец. И нужно обладать кон-

кретными навыками, чтобы спрятаться от нее, не дать ей застать тебя врасплох. Это подобно тому, как ты идешь по деревне, а навстречу тебе бежит огромная собака. У тебя есть выбор: или убежать – тогда она точно погонится за тобой, или собраться с духом и внутренне убедить себя, что ты ее не боишься, что ты ей друг. И поверь, это срабатывает. Собаки чувствуют такое состояние на очень высоком уровне.

–Ну, целую лекцию мне прочел, хотя, признаюсь, очень полезную, – и Эдвард, повернувшись, пошел в комнату готовиться к отъезду.

Я быстро встал, пошел на кухню и под проточной водой вымыл наши чашки, внимательно рассматривая, как засохший монстр смывается свежей водой и стекает в отверстие раковины, оставляя чистую поверхность.

–Вот так и нам надо справиться с этим чудом-юдом, чтобы оно не стояло на нашем пути и не строило козни.

Вытерев насухо чашки, я поставил их буфет и пошел переодеваться.

Минут через двадцать мы были готовы в дорогу, одевшись, как мастеровые. Утром специально не брились, это сразу могло бы выдать нас. С собой взяли оружие, деньги и холщовую сумку с простым набором продуктов (чтобы не привлекать внимание), которую Эдвард перекинул через плечо. На вокзал поехали на извозчике, затем отпустили его заранее и дальше отправились пешком.

Здесь, как и везде, царила суматоха и давка, правда, она

проходила сегодня под бдительным оком московских чекистов. У нас даже пару раз проверили документы и подсказали, как найти дежурного по станции. Он находился в своем кабинете и отбивался от разъяренных матросов, которые немедленно требовали паровоз для своего отряда, отправлявшегося на Петроград.

—Я вам русским языком говорю, что паровоза у меня нет. Всеми паровозами заведует депо. А я всего лишь начальник станции, — увещевал он старшего этой команды. — Как будет возможность, мы сразу прицепим ваш вагон к поезду, и вы спокойно поедете.

—Ты чего мне мозг крутишь? — напирал на него старший. — Мы революцию едем защищать от контры, а ты нас тут держишь. Ты тоже вместе с ними? Да я тебя сейчас... — и он стал царапать рукой деревянную кобуру маузера, висевшего через плечо.

Казалось, трагедия неминуема, но в это время вдруг громко зазвонил телефон, и все сразу повернулись в его сторону. Начальник станции снял трубку и, послушав собеседника, с видом облегчения положил ее на рычаг.

—Ну вот, видите, — обернулся он к матросам, — все решилось очень хорошо. Сейчас подадут состав на Питер, и мы прицепим ваши два вагона.

И он отдал соответствующее указание по телефону. Довольные матросы затопали на выход, а я, подождав пока старший не поравнялся со мной, взял его за рукав:

–Послушай, братишка! Мы из чека, тоже направляемся в Питер, не мог бы ты прихватить нас с собой? Мы будем вести себя тихо-тихо,— и я показал ему горлышко бутылки водки, которая выпирала из сумки Эдварда.

Увидев ее, старший блаженно улыбнулся.

– Ну, разве что тихо, – и призывно махнул мне рукой, приглашая следовать за ним.

Пробиваясь сквозь толпу, мы подошли к двум вагонам, стоявшим на запасном пути. Оттуда неслась музыка, а подвыпившие матросы лихо отплясывали «яблочко» на перроне. Вслед за старшим мы полезли в вагон, который был забит матросами и прокурен махоркой по самую крышу.

–Эй, вы куда? – бросился к нам один из матросов, но, увидев успокаивающий жест старшего, вернулся к своим делам.

Наконец, подойдя к крайнему купе возле проводника, старший открыл дверь и впустил нас вовнутрь.

–Вот это ваши места, здесь будете спать, а я рядом, – он указал на соседнее купе.

Я молча раскрыл сумку и, вытащив бутылку казенной водки, отдал ее матросу. Тот, утробно крякнув, взял ее ласково в свои огромные руки и сунул себе за пазуху.

–Ну, устраивайтесь, – сказал он и быстро вышел из купе.

В коридоре послышался его хриплый голос:

– Николай, Никола, давай быстро ко мне!

В ответ послышались громкие шаги, и дверь в купе захлопнулась.

Не успели мы с Эдвардом присесть на полку, как поезд дернулся и послышался свисток паровоза. Это нас прицепили к основному составу. Через некоторое время гудок повторился, и поезд плавно тронулся с места. Началось наше путешествие в столицу бывшей Российской империи. Поезд потихоньку стал набирать скорость. Из купе доносился гул голосов, а не плотно закрытая дверь в тамбур начала громко хлопать, действуя на нервы.

—Я не прочь бы сейчас согреться тоже, —и Эдвард вопросительно посмотрел на меня, намекая на вторую бутылку, спокойно лежащую на дне его сумки.

Как ни странно, но водка стала в эти сложные дни тем волшебным ключом, которым отпирались любые двери. Поэтому я решил в самый последний момент взять пару бутылок водки на всякий случай. И сегодняшняя практика показала, что этот случай сработал. Я решил повременить и отклонил предложение моего коллеги. Он сокрушенно вздохнул и стал устраиваться спать. Я решил также последовать его примеру. Любезно уступив мне нижнюю полку, он полез наверх, говоря о том, что здесь обзор лучше, и он хочет насладиться белыми ночами, которые, как он читал, очаровывают всех. Я не стал его разубеждать и, поправив одежду, устроился на полке. Положив револьвер у изголовья, я вскоре уснул.

Проснулся я от какого-то тревожного предчувствия. Открыв глаза, я замер от удивления. Весь вагон был наполнен туманом, причем туман был настолько плотным, что, каза-

лось, поезд разрезает его, как нож яблочный пирог. Свет паровоза был почти не виден, поэтому состав еле тащился, подрагивая на стыках.

–Что это? – спросил удивленный Эдвард.

– Как что, туман, – ответил я.

–Туман-то туман, да какой-то липкий, – и он сбросил с полки кусок какого-то вещества, которое, медленно кружась, полетело на пол и там пропало из виду.

–Прикрой окно, не надо, чтобы эта гадость набивалась к нам в вагон, – посоветовал я, и он мгновенно прикрыл его.

–В принципе, это обычное явление в этих болотистых местах, – произнес я, пытаясь рассмотреть что-нибудь в окошке. Однако за окном ничего не было видно, лишь на поворотах колеи иногда тускло проступал свет паровозного прожектора.

–Вот только туман довольно необычный!

И правда, у меня появилось ощущение, что туман напоминает ловчую сетку, которую набрасывают на дичь во время охоты. Только этой дичью теперь стали мы. И весь состав, двигаясь потихоньку вперед, все дальше и дальше запутывался в этой ловчей сети, кряхтя всем своим нутром от натуги, словно пытаясь вырваться на свободу, прорвав эту липкую и крепко вцепившуюся в него туманную шаль.

В голове мелькнула мысль: «Ну, если есть сеть, значит должен появиться и охотник». И действительно, когда поезд съехал в небольшую лощину, в окне стали мелькать ка-

кие-то силуэты, появляющиеся из разрывов туманной пелены. Сначала были видны отдельные фрагменты, напоминающие разъяренные пасти, огромные ноги, немигающие глаза, сведенные уши, торчащие в разные стороны и резко поворачивающиеся на звук. По мере увеличения пространства, свободного от туманной мглы, стала вырисовываться общая картина. Вся лощина была забита этими дикими тварями, созданными из ничего, которые неслись на наш состав и по мере приближения впитывали в себя попадающуюся на их пути туманную мглу, разрастаясь в размерах и вытягивая свои щупальца в нашу сторону, пытаясь достать состав как можно быстрее и полакомиться его содержимым. Из соседнего вагона раздался стрекот пулемета, которому стали вторить винтовочные и револьверные выстрелы. Однако они никакого вреда прорывающимся к нам монстрам не причиняли. Казалось, еще мгновение – и вся эта армада снесет нас с колеи и растопчет в пух и прах. Но в самое последнее мгновение, перед, казалось бы, неминуемой катастрофой, раздался надрывной гудок паровоза, который привел в замешательство нападавших, а поезд, дернувшись изо всех сил, выскочил из лощины на свободное от тумана пространство и уверенно побежал вперед. С туманом пропало и видение, которое напугало всех пассажиров. Естественно, до столицы никто не спал, переваривая увиденное то ли во сне, то ли наяву и делясь впечатлениями о случившемся.

Эдвард, изумленный до глубины души, не мог найти слов

для выражения своих эмоций и только крутил головой и ругался на английском языке.

– Должен признать, что твои противники и твои проблемы достаточно серьезны и более могущественны, чем те, с которыми мне приходилось сталкиваться. Теперь я начинаю понимать тебя и восхищаюсь твоими знаниями и профессионализмом, которые ты демонстрируешь. Желательно было бы тоже поучиться там, где учился ты. У нас тоже есть всякие школы, одну из которых я окончил, но у вас, очевидно, что-то особенное, судя по твоей подготовке и реакции на те события, участниками которых мы являемся. Вот, например, сейчас, когда нас атаковали монстры, ты спокойно сидел и смотрел в окно, а я не находил себе места, представляя, что вот-вот они ворвутся сюда и сожрут нас в два счета.

– А ничего страшного не произошло бы, – ответил я. – Это была иллюзия атаки, которая рассчитана на наши нервы. А с другой стороны – своего рода предупреждение о том, что впереди у нас будут очень интересные встречи.

– Но как они нас нашли? – воскликнул Эдвард.

– Да очень просто, по этой вот штуке, – и я достал из кармана янтарную полусферу, которая была в свое время прикреплена к шлему, найденному нами в комнате посла. – Очевидно, она играет какую-то особенную роль, вот и хотят они ее забрать у нас.

– А зачем же ты взял с собой эту гадость? Теперь мы не скроемся от них нигде!

–Ты особо не переживай, они не так страшны, как кажутся. А что касается этой штуки, так насчет ее у меня есть определенные мысли. Я думаю, она нам очень поможет там, в Царском Селе.

Пассажиры вагона постепенно приходили в себя, запахло махоркой и едой. Наша дверь вдруг распахнулась настежь, и помятый после вчерашнего старшой извиняющимся голосом произнес: «Ребята, а похмелиться случайно нет? А то эти звери так накрутили хвоста ребятам, что у них руки дрожат до сих пор».

–Нет, братишка. Все, что было, мы уже отдали.

–Ну, лады, пойду еще у народа поспрошаю, – сказал он и закрыл дверь.

Мы успели осилить наш нехитрый завтрак, состоящий из картошки в мундирах и хлеба, как поезд, натужно пыхтя, втащил наш состав под крышу железнодорожного вокзала. Пассажиры стали быстро освобождать вагоны, чтобы избежать встречи с патрулями, проверяющими документы. Мы тоже последовали их примеру и под прикрытием отряда матросов вышли в город.

После пройденного тумана и морозящего местами дождика погода была отличной. Солнышко светило почти в полную силу, призывая нас воспользоваться обеденным перерывом, о чем напоминало периодическое бурчание в животе. Но чтобы приступить к обеду, надо было добраться домой, поэтому, поймав экипаж, мы отправились на мою квартиру.

Вокруг дома и в подъезде все было спокойно. Метки, приделанные на двери, тоже были в полном порядке. Открыв дверь, мы вошли в квартиру, которая встретила нас молчаливой настороженностью и запахом нежилого помещения. Быстро умывшись и переодевшись в солдатские гимнастерки и галифе, мы снова очутились на улице, намереваясь пообедать в трактире, который находился в соседнем переулке. Народу было не очень много. И несмотря на перебои с продуктами, здесь было что выбрать. Мы взяли пирожки с тrefухой и щи, которые сильно пахли прокисшей капустой. Посетители на нас не обращали внимания, каждый занимался своим делом, а именно насыщал свой желудок. Не заметив ничего подозрительного, мы тоже присоединились к ним. Сильно расслабляться, и наедаться нам было нельзя, так как впереди была очень важная работа.

Встреча старых друзей

Мне необходимо было связаться с моими помощниками, оставленными мною здесь, и выяснить обстановку. Из квартиры звонить было нельзя, поэтому мы пошли на главный почтамт. Здесь, продиктовав телефонный номер смазливой телефонистке, я связался с Андреем и назначил ему встречу на набережной у памятника Петру I. До встречи оставался еще один час, поэтому я решил показать Эдварду город. По сравнению с мрачным Лондоном, утонувшим в дождях, Петроград своим изяществом и монументальностью произвел на него неизгладимое впечатление. Особенно шокировало его то, что город стоит на болоте, которое благодаря искусству зодчих и мастеров держит такую громадину зданий. По мере продвижения к месту встречи Эдвард перещупал руками все встречавшиеся на нашем пути памятники и статуи, восхищенно щелкая языком. Вскоре мы вышли на площадь, где находился памятник. Открытое пространство было полупустынным и хорошо просматривалось. По набережной продвигался петроградский люд, спеша по своим революционным делам. Сновали пролетки, и никому не было дела до гранитного всадника, вознесшегося над Невой и устремленного вдаль. Что он там увидел? И видел ли он то, что сейчас происходит здесь, под его ногами, разламывая и разбрасывая то, что он собирал годами и положил на это все свои силы

и здоровье?

Встав на углу площади, мы осмотрелись, но Андрея я не увидел. Попросив Эдварда оставаться на месте и подстраховать меня, я двинулся вдоль набережной, зорко поглядывая по сторонам. Отсутствие моего помощника настораживало. Подойдя к гранитному парапету и облокотившись на него, я сделал вид, что рассматриваю свинцовые воды реки, плескавшиеся под воздействием ветра у моих ног. Стрелки часов убежали уже далеко за назначенное время. Пора было возвращаться. Ждать дольше было бы подозрительно. Словно налюбовавшись игрой волн, я медленно развернулся лицом к памятнику. В это время раздалось тарахтение мотора, и из-за угла здания выскочил грузовик, полный вооруженных людей. Он резко затормозил передо мной. Я затаил дыхание и правой рукой стал взводить курок револьвера в кармане, надеясь подороже продать свою жизнь. В это время хлопнула дверь в кабине водителя, и оттуда вылез Андрей, надевая на голову фуражку. Махнув рукой водителю и не обращая внимания на меня, он направился мимо памятника в сторону Эдварда. Грузовик, фыркнув, дернулся с места и покатил дальше. Выждав какое-то время, я двинулся вслед за ним. Пройдя дальше, он остановился у памятника и стал искать спички в кармане, чтобы прикурить папиросу. Я, подойдя сзади, помог ему сделать это. Он благодарно кивнул головой и, бросив фразу о встрече в Летнем саду, двинулся дальше. Позвав Эдварда, мы развернулись в сторону места нашей но-

вой встречи. Шли втроем цепочкой, один за другим, прикрывая, таким образом, свои тылы. Вскоре показалась ажурная решетка Летнего сада. Андрей прошел вовнутрь и устроился на скамейке под одной из скульптур таким образом, чтобы было видно окружающее пространство. Оставив Эварда у входа, я, осмотревшись, расположился рядом. Несмотря на происходящие в городе различные события народ гулял и отдыхал в саду. Бегали детишки, ходили с колясками мамыши и служанки.

–Ну здравствуй, Андрюша, – поприветствовал я его.

–Здравствуйте, господин поручик, – не поворачивая головы, ответил он.

–Как дела, где ребята, что тут произошло за время моего отсутствия? – спросил я его.

–Да много чего, – словно собираясь с мыслями, ответил он. – Я в ЧК, Степан работает механиком в автоколонне. Она обслуживает всех главных новой власти, Василий записался в писатели, крутится с новыми, и старыми, толкает зажигательные речи, а Порфирий возглавляет военный отряд, который вроде бы и дружит с властью, но никому не подчиняется. Вооружил и обучил его, что надо, навел жесткую дисциплину, ну и работает сам на себя. Ну и самое главное: царскую семью вывезли сначала в Тобольск, а затем в Екатеринбург и держат их в Ипатьевском доме. Указаний сопровождать их не было, поэтому мы остались здесь, как вы приказали. Подступиться к ним никак нельзя. Ребята там пытаются следить

за событиями, но очень сложно. Везде охрана, поставили пулеметов со всех сторон. Ни пройти, ни проехать и охрану меняют постоянно. У меня такое мнение, что они готовят что-то такое нехорошее и буквально в ближайшее время.

— Да, порадовал. Но и то хорошо, что пока все живы. У нас есть еще немного времени, чтобы решить одну задачу, которая связана как раз с твоим теперешним ведомством. Как у вас там осуществляется выдача арестованных?

— Ну как? Обычно. Приходят с ордером, забирают арестованного и расписываются в книге.

— Я тебя прошу, узнай как можно больше об этой процедуре и буквально по сантиметрам пройди эту цепочку, чтобы знать, как себя вести в случае чрезвычайных обстоятельств.

— А что случилось? — спросил он.

— Да пока ничего страшного. Нужно забрать от вас одного арестованного и вывести его оттуда. Не переживай, ордер на его изъятие от московской ЧК есть. Просто узнай, в какой камере он находится и как быстро можно его вывести оттуда, не привлекая особого внимания.

— Хорошо, — ответил он. — А кто это?

— Это ротмистр Каверин, — ответил я. — И еще: предупреди ребят, чтобы они были наготове, а от Степана понадобится авто, чтобы вывезти ротмистра. Связь держим по старой схеме. Ну, будь здоров, до встречи.

И я, поднявшись, медленно двинулся к выходу, где прогуливался Эдвард, и мы, стараясь не привлекать внимания,

пошли вдоль набережной на отдалении друг от друга. То, что сейчас происходило, было закономерным результатом тех хаотичных действий и событий, которые происходили в стране. Все чего-то хотели, мешали друг другу, агитировали друг друга, в конце концов, убеждали один одного, но только одни своим главным аргументом избрали силу и ломали хребет нации, чтобы стать у власти, подпитываемые энергией, исходившей непонятно откуда. Сила давления всегда порождает силу сопротивления, и, как результат, появилась кровавая вакханалия, где человеческая жизнь стала разменной монетой. Органы борьбы со своим народом стали своеобразной воронкой, которая вбирала в себя цвет нации, перемалывала его и выплевывала остатки под ноги шальной от вседозволенности толпе, не забывая реквизировать в свою пользу всевозможные ценности. Оставшиеся после ликвидации личные вещи распределялись в виде поощрения работникам органов власти и красноармейцам. Была даже организована распродажа личных вещей царя Николая II. На всеобщее обозрение были выставлены его сапоги, гимнастерки, шаровары, фуражки, причем многие из них уже ношенные. Однако желающих купить эти вещи не нашлось, и они, как и остальное, стали использоваться в качестве поощрительного фонда. Точно так же поступили и с остальными вещами членов семьи Романовых.

И в Москве, и в Петербурге маховик репрессий набирал силу. Нам надо было спешить, чтобы вытащить ротмистра

из заточения и срочно заняться вопросами царской семьи. У нас было от силы дня два. Нужно обследовать местность, организовать авто и пути отступления и, что самое главное, решить, куда потом деть моего начальника. В Петрограде ему оставаться было нельзя. Кроме этого, меня так и тянуло посетить Царское Село, чтобы выяснить, как ведет себя янтарная комната, потому что мне казалось, что и она играет какую-то роль во всех этих событиях. Интуиция мне подсказывала, что мне там оставлен какой-то знак, какое-то сообщение, очень важное, подсказывающее, как вести себя дальше, поэтому, пока я шел, в моей голове созрел план действий на это время. Завтра – изучение местности и подготовка освобождения ротмистра, затем – Царское Село, ну а потом – выезд в Екатеринбург.

Когда мы пришли домой, я изложил все это Эдварду и попросил его совета.

–Ну хорошо, мы забираем твоего офицера, спокойно выходим из здания, садимся в авто и вдруг нас останавливают. Какие наши действия? – спросил он.

–Прорываемся, – ответил я.

–Куда и как, если напротив здания стоят пулеметы, которые нас всех здесь и положат.

–Хорошо, тогда давай, и мы поставим пулемет вот в этом месте.

–Как ты его поставишь? Просто так, чтобы все видели?

Да, задачка, – ответил я. – Постой, а если здесь будет про-

гуливаться кто –то из наших, который в случае чего кинет пару гранат в окно. Ведь пулеметы стоят на первом этаже, и можно спокойно забросить туда лимонку.

–Ну что ж, как вариант, можно попробовать, – ответил Эдвард. – После этого он бежит в соседний проулок и уезжает на экипаже, а мы мчимся до Невского, там бросаем машину и пересаживаемся на фаэтон и спокойно едем дальше. Только вот куда?

–Как куда? Сначала к нам, здесь он сменит одежду, и мы перевозим его на другую квартиру.

–А есть куда?

–Есть, завтра проверю, – ответил я.

–Ну, а дальше что? – спросил Эдвард.

–Вот дальше-то и сложнее. Нам надо переправить его за границу. Такую личность, как он, они просто не отпустят, поднимут всех на ноги и будут искать везде, почему я и говорю, что у нас есть в запасе пару дней. Пока якобы мы доставим его в Москву, пока они позвонят, чтобы убедиться, прибыл арестованный или нет, пока будут выяснять, куда он делся, мы должны организовать его переправу за границу.

–Куда и как? – воскликнул англичанин.

–Надо подумать, – и мы замолчали, каждый думая о своем.

В это время на улице громко затарахтел двигатель автомобиля. Только что заведенный, он постепенно набирал обороты, кашляя и чихая, как двигатель самолета. И в моей голове

мелькнула какая-то еще не оформившаяся мысль. «Стоп», – подумал я.

– Самолет, ну да, конечно, самолет! Надо отправить ротмистра самолетом в Финляндию, а там он уже решит сам, в какую сторону ему пробиваться.

– Есть! – воскликнул я.

– Что есть? – спросил Эдвард.

– Есть идея отправить Каверина самолетом в Финляндию.

– Идея неплохая, а кто поведет самолет и где его взять?

– Есть кое-какие мысли на этот счет. Завтра я еду на аэродром в Гатчину и там все выясним на месте, – ответил я.

– А теперь давай прикинем, как мы будем осуществлять вывод ротмистра из здания.

И мы с Ричардом склонились над нарисованной схемой местности, где нам вскоре предстоит действовать. Споря и корректируя друг друга, мы в конце концов пришли к общему мнению, а затем отправились спать.

На следующее утро мы вдвоем два часа объезжали интересующую нас территорию, уточняя план действий, попутно меняя фаэтоны и экипаж, чтобы не вызвать подозрений. Где-то к обеду мы уже имели четкое представление о том, как будем действовать. Я оставил Эдварда решать организационные вопросы, а сам отправился в Гатчину, в летную школу, чтобы выяснить ситуацию и реальность моего плана перевозки самолетом ротмистра. Перед этим я созвонился с Андреем и назначил вечером общий сбор моей команды для

отработки возможных действий.

Гатчина встретила меня солнечной погодой и легким ласковым ветерком. Аэродром имел заброшенный вид, лишь кое-где стояли самолеты, прикрытые брезентом. Ни людей, ни каких-либо движений не наблюдалось. Только у здания стоял часовой красноармеец, опиравшийся на длинную винтовку и лениво смотрящий по сторонам. Подойдя к нему, я спросил, где можно найти начальника летной школы. Он, осмотрев меня с ног до головы, нехотя ответил:

– Да вон в своем кабинете на втором этаже, – и отвернулся в сторону.

Пройдя по скрипевшей деревянной лестнице, я поднялся на второй этаж и, найдя табличку начальника школы, постучал в дверь. В ответ раздалось громкое «Войдите». Открыв дверь, я увидел перед собой сидящего за столом пожилого прапорщика, который был мне совсем не знаком.

– Прошу прощения великодушно, – начал я. – Я ищу поручика Геншера, я его двоюродный брат, вот по случаю решил навестить.

Он подозрительно посмотрел на меня.

– Это военный объект, и посторонним мы никаких сведений не даем.

– Да, я понимаю, но все-таки столько не виделись, а сейчас, вы сами знаете, какое время, неизвестно, когда еще придется оказаться тут.

– Ну да ладно, – уже мягче произнес он. – А документы у

вас есть?

–Ну как не быть документам, конечно, есть, – и я протянул ему свой мандат.

Он степенно взял его, водрузил очки на нос и принялся читать, медленно шевеля губами.

–Ну так бы сразу и сказали, – произнес он, возвращая мне мой документ. –Сейчас, знаете ли, надо быть особенно бдительным, да вы сами понимаете.

–Конечно, конечно, – ответил я. – Так я могу увидеть своего родственника?

–Да, он в казарме для летчиков отдыхает. Вчера прилетел с фронта. Это третье здание от выхода направо, вторая комната.

–Степан,– крикнул он часовому. – Покажи товарищу казармы летчиков! – и протянул мне руку.

Пожав ее, я спустился вниз, где часовой, жестикулируя руками, рассказал, как добраться до казарм. Пройдя по летному полю, я минут через десять добрался до нужного мне дома. Войдя в него, отыскал дверь, за которой отдыхал летчик, и постучал.

–Да, входите, – раздался крик из-за двери.

Я распахнул ее и вошел в достаточно просторную комнату, где на кровати поверх одеяла лежал Геншер. Он внимательно посмотрел на меня, затем встал и, протягивая руку, произнес: «Ба, старый знакомый! Какими судьбами?»

–Да вот, нижайше прошу вашей помощи, – и я кратко рас-

сказал ему то, о чем хотел его попросить.

–Сложное дело, – сказал он задумчиво. – Здесь– то и нормальных самолетов нет. Тот, на котором я прилетел, отправили на ремонт. А это точно на пару недель. А те, что стоят на поле, только одна видимость. Там ни двигателя, ни пропеллера нет. Одно название.

И он стал медленно, прихрамывая ходить по комнате.

–Неужели ничего нельзя придумать? – спросил я. – Может быть, все-таки что-то есть?

–Кажется, есть. – Он замер на середине комнаты. – Да, есть. Это тот истребитель, на котором, как вы помните, стоит аппаратура, создающая эффект невидимости. Тогда нам не пришлось ее испытать. Может, сейчас подошло ее время? Мы тогда, как прилетели, так и не разбирали ничего, поэтому этот истребитель и не тронули, потому что не было кому разобрать аппаратуру. Вот так он и остался в целости и сохранности, даже, по-моему, заправлен. Правда, есть одна небольшая проблема. Во второй кабине, где стоит аппаратура, мало места для пассажира, придется ему лететь, полусидя на железках.

–Я думаю, это не страшно. Ведь перелет до Финляндии небольшой, выдержать можно.

–В принципе, да, – ответил летчик, садясь на стул.

–А что дальше? Ведь обратно мне хода нет, да и нет желания сидеть тут.

–Я думаю, вы останетесь там и поступите в распоряжение

того человека, которого повезете, он сделает все, как надо.

–Я согласен, – ответил Геншер и закурил папиросу.

Затем мы обсудили с ним детали полета. Он должен был подготовить самолет к перелету и обеспечить безопасную посадку пассажира. На нас ложилось обеспечение доставки его в аэропорт и страховка безопасного взлета, учитывая перегрузку машины. Сигналом к началу действий для летчика должно было служить телеграфное сообщение, которое приводило весь механизм в действие.

В Петроград я добрался как раз к назначенному для встречи с моей командой часу. Было прохладно, и моросил мелкий дождь. Мы договорились, что Эдвард закажет столик в ресторане «Вена», где собирается артистическая богема, которой пока не очень интересуются чекисты. Здесь можно будет замаскироваться под почитателей знаменитостей или под литераторов нового революционного направления, поэтому шумная компания за такими же шумными столиками не привлечет особого внимания и можно будет обсудить все наши вопросы. Конечно, такого блеска, как раньше, в ресторане не было, но, несмотря на революционные непредсказуемые события, посетителей хватало. Эдвард сидел за столиком в одиночестве и лениво листал карту меню. В ресторане пахло табачным дымом с хорошим привкусом махорки. Менялись посетители, менялись и вкусы.

Я подошел и сел рядом, вытянув уставшие ноги. Сразу подлетел официант и положил передо мной меню.

– Ну как тут обстановка? – спросил я своего коллегу.

– Да вроде все спокойно, – ответил он. – Заказывать будем сейчас или подождем?

– Давай подождем, у них у каждого свои вкусы, – ответил я.

– Как съездил, нормально? Удалось то, что планировал?

– Как ни странно, но пока все идет хорошо. Было бы неплохо, чтобы это «хорошо» действовало так и дальше. Есть пилот, которого я хорошо знаю, и есть самолет, на котором можно лететь. Так что теперь дело за малым – освободить ротмистра.

Пока мы обменивались впечатлениями о проделанной работе, начали подходить ребята. Первым нарисовался Андрей, затем появился Степан, минут через десять прибежал краснобай Василий, ну а появление Порфирия было обставлено с помпой. Сначала вошли двое вооруженных людей, осмотрели помещение, а затем появился Порфирий с огромным маузером на боку. Он подскочил к нашему столику, плюхнулся на стул и стал жать всем руки, внимательно поглядывая по сторонам.

– Ну, наконец, все в сборе, – сказал я. – Давайте приступим к трапезе.

И кивнув официанту, я первым стал делать заказ. За мной последовали остальные, называя вслух мудреные французские названия блюд. Официант только успевал записывать. Когда он принял заказ и удалился, я предложил начать наше

небольшое собрание.

–Итак, друзья, я надеюсь, что никто из вас не поменял взгляды на жизнь? –спросил я их в упор. – Если да, тогда давайте расстанемся, и каждый пойдет своей дорогой.

Я посмотрел на ребят, но ни один из них не ответил отказом.

–Я так и думал, недаром столько лет мы вместе. Нам с вами предстоит очень интересная и сложная работа, которая заключается в том, чтобы из подвалов ЧК освободить одного офицера, доставить его в Гатчину и погрузить на самолет. Приступим к этому делу послезавтра утром, а завтра потратим на подготовку и детали.

–Ты, Андрей, должен будешь попасть на утреннее дежурство в ЧК, встретить нас с Эдвардом и выдать нам арестованного. Кстати, ты узнал, где он?

–Да, третья камера во втором ярусе, допрашивают и пытаются каждый день, хотят узнать, куда царь спрятал деньги. Но он пока держится молодцом, очень хитро водит их за нос.

–Ты, Степан, должен будешь достать машину, на которой отвезешь нас на Невский проспект, где мы ее бросаем и садимся в фаэтон. Да, и фаэтон тоже за тобой. А машину нужно будет где-то угнать, чтобы по ней не могли вычислить тебя. Можно будет это сделать?

–Да, конечно, – ответил он. – Когда надо быть возле входа?

–Не возле входа, а ты подвезешь нас под здание и будешь

там ждать. Машина должна быть с плотной крышей, чтобы не видели, кто едет. Все понятно?

–Теперь все ясно, – ответил Степан.

–Ты, Василий, прогуливаешься перед окнами здания, напротив, где стоят у них пулеметы с сумкой, где будут лежать гранаты. В случае преследования ты гранатами взрываешь пулеметы и быстро убегаешь в ближайший двор.

–Ну а ты, Порфирий, держишь свою «гвардию» вот в этом переулке и в случае погони за нами перекрываешь дорогу встречным движением твоих конников, чтобы дать нам время уйти. В бой по возможности не вступай. Все это дело должно занять у нас минут тридцать.

–Какие есть вопросы? Всем понятны задачи? – спросил я моих ребят, молча сидевших за столом.

Вопросов не было.

–После того как все это произойдет, все, но каждый по отдельности выдвигаемся в Гатчинскую летную школу, на аэродром. Там ты, Порфирий, занимаешь круговую оборону и обеспечиваешь безопасную посадку в самолет пассажира. После взлета уходишь обратно и сидишь, неделю не показываясь никуда. Вдруг что-то, ты пьянствовал. Все остальные тоже по своим интересам. По мере необходимости я свяжусь с каждым из вас. Ну а теперь, если все понятно, давайте выпьем за встречу, – и налил каждому из нас по бокалу вина. Все, как по команде, встали и залпом выпили.

По мере продолжения застолья ребята становились теми

же, какими были до этих событий. Хоть их и потрепала судьба, но они не изменили своим идеалам и принципам и готовы были и дальше идти единой командой. Посидев с ними немного, мы с Эдвардом, тихонько попрощавшись, вышли на улицу. Было уже темно. Сев в стоящий рядом фаэтон, потряслись по булыжной мостовой к себе домой. На завтра мы наметили отдых и периодическое наблюдение за интересующим нас зданием.

Утром мы с моим компаньоном разделились. Первую половину дня дежурил он, вторую – я. Никаких заметных изменений не происходило. Все так же работал конвейер репрессий, привозили и сгружали арестованных, выбегали и грузились команды, выезжавшие на задержание. Самое интересное заключалось в том, что в здание входила уйма народа, и почти никто не выходил, кроме сотрудников. Было над чем задуматься. Вечером, обменявшись мнениями об увиденном, мы пораньше улеглись спать.

Понимая, что завтра тяжелый день, я пытался расслабиться. Но сон не приходил ко мне, а только периодически я впадал в какое-то забытие с кошмарами и липким потом. Ни одна из известных мне систем расслабления не срабатывала. Ворочаясь с боку на бок, я пытался все-таки заснуть. Однако меня преследовало ощущение, что кто-то постоянно следит за мной. Приподнявшись на подушке, я бросил взгляд в окно. Там серела мгла и какой-то белесый туман, причем он оказывал завораживающее зрелище, словно кто-то пытался

загипнотизировать меня. Сначала перестали слушаться ноги, затем это состояние распространилось на верхнюю часть тела и постепенно стало подбираться к голове, словно что-то хотело войти туда с определенной целью. Во мне постепенно стали срабатывать защитные механизмы, однако давление усиливалось, как будто что-то могучее подпитывало его извне. Глаза мои начали постепенно закрываться, как вдруг из рассеявшегося тумана выплыла страшная мерзкая рожа, с огромным поперечным ртом и кучей щупальцев вокруг головы, которые, извиваясь, хватали все, что попадало к ним, и тащили в рот. Эта рожа повернулась ко мне, и внизу ее лица открылся огромный глаз, в котором было два зрачка. Они стали смотреть на меня: один – снизу вверх, другой – сверху вниз, словно снимая размеры моего тела. Эти движения все ускорялись, пока не слились в одно пятно, которое подобно штопору просверлило отверстие в окне и стало приближаться ко мне, целенаправленно двигая своими щупальцами. Я смотрел, как замороженный, не в силах сдвинуться с места. Казалось, еще секунда – и я попаду в объятия к этому монстру. Но мне крупно повезло. По пути, уже вплотную приблизившись ко мне, одно из щупалец задело стакан с виски, который стоял возле моей кровати как средство от бессонницы. Он упал и разбился. Пары спирта, поднятые вверх, наполнили комнату и достигли монстра. Звук разбитого стакана вывел меня из оцепенения, а запах качественного шотландского виски заставил чудовище мгновенно остано-

ся. Оно сразу стало менять цвет от серого – к красному, от красного – к белому и обратно. Затем вращательные движения прекратились, и существо распалось на маленькие серые комочки тумана, которые, собравшись в небольшой шар, вылетели обратно в окно. Когда я окончательно пришел в себя, в комнате никого не было. Я подбежал к окну и стал его осматривать. Оно было целым и без единой царапины. За окном на улице ярко светила луна. Обернувшись, я увидел на прикроватном столике яркое свечение.

Подойдя поближе, я обнаружил лежащую там янтарную полусферу со шлема, которая горела пунцовым пламенем, испуская вокруг себя лучи, проникавшие во все концы комнатного пространства. Под этими лучами я стал чувствовать себя неуютно. Началась непонятная вибрация организма, стал подкрадываться страх. Необходимо было срочно куда-то деть эту полусферу, которую зажег пробравшийся сюда монстр. Я стал осматриваться, куда можно ее пристроить. Но ничего подходящего не было под рукой. Я вышел в гостиную и увидел на столе жестяную коробку с леденцами «Монпансье». Высыпав из нее леденцы, я, обжигая руки, вложил туда янтарную полусферу. Свечение и непонятное состояние организма сразу пропало. Взяв теплую коробку в руку, я снова вошел в спальню. Здесь пахло озоном, словно после обильного ливня с молнией и громом. Подойдя к окну, я открыл его во всю ширь, давая возможность свежему воздуху выветрить эту гадость. Живительный воздух наполнил комнату и

проветрил мои легкие. В голове сразу возникла куча вопросов.

—Как оно вычислило меня? Что это было — попытка завладеть янтарной полусферой или нападение с целью устранения меня? Скорее всего, их интересовала полусфера, но я вполне мог попасть и «под раздачу». И нашли они меня по этой полусфере, поэтому я правильно сделал, что спрятал ее в коробку. Теперь ей трудно будет выйти в пространство, а им — определить ее местонахождение. Получается, без этой полусферы система начала давать сбой. А как она будет завтра вести себя? Не помешает ли нам, когда пойдем освобождать ротмистра? Я не учитывал этого фактора, который теперь требует к себе особого внимания. Самое страшное заключалось в другом: особых инструментов противодействия этому влиянию у меня не было. Придется действовать по обстановке, поэтому ставить в известность о случившемся своих товарищей я посчитал преждевременным. Это могло помешать нашим отработанным действиям. С этими мыслями мне удалось немного поспать.

Освобождение

Утром меня разбудил бодрящий запах свежего кофе, который по негласной традиции всегда готовил Эдвард. После бессонной ночи все тело ломало, как на похмелье. Но, миндальничать самим с собой, не было времени. Заставив себя подняться, я буркнул Эдварду пожелание доброго утра и прошлепал в ванную. Струи горячей и холодной воды привели меня в нормальное состояние, и я готов был к активным действиям.

–Ну, так что, сегодня особый день, – сказал Эдвард, наливая мне кофе и пододвигая галеты.

–Даже больше, чем особенный, – ответил я, глотая обжигающий напиток.

–Никаких изменений?

–Пока никаких. Будем ориентироваться с тобой по ходу дела.

–Ну, тогда пошли, сказал он, – пряча в карман револьвер и круглую гранату.

Я поступил таким же образом, и мы вышли во двор, в конце которого стоял автомобиль. За рулем сидел в шоферской кожаной фуражке с большими очками Степан. Эдвард сел впереди, а я устроился на заднем сиденье. Погода вроде бы не предвещала неожиданностей. То же самое касалось и интуиции. По пути мы заехали на телеграф, и я отстучал

Геншеру условную фразу, служившую сигналом к началу нашей операции. По мере приближения к намеченной цели наше волнение нарастало. Наконец показалось нужное нам здание. У главного подъезда стоял часовой, который пропускал вовнутрь спешивших на свою кровавую работу сотрудников. На противоположной стороне здания, на углу была видна фигура Василия, который остановил какую-то девушку и что-то ей нашептывал, держа за талию. Их поведение не вызывало подозрения у часового.

–Ну, Василий! – подумал я с восхищением, – и здесь устроился с комфортом. Он, словно услышав меня, поднял голову и успокаивающе махнул рукой.

В этот момент мы подъехали к крыльцу, и автомобиль остановился. Часовой с любопытством смотрел в нашу сторону. Мы с Эдвардом вышли из автомобиля и представились часовому. Он махнул рукой и пропустил нас внутрь здания. Пока мы туда входили, Степан отогнал машину от входа и замер, не выключая мотора. За дверью сразу открывался большой зал, в углу которого стоял стол для дежурного, а по бокам стояли два охранника. За столом сидел Андрей. Увидев нас, он внутренне напрягся и с независимым видом спросил, кто мы такие и что нам надо. Мы представились ему по форме, предъявили наши мандаты и ордер на ротмистра. Он записал все в книгу и вызвал старшего дежурного. Тот также проверил наши бумаги и дал указание привести арестованного, а нас стал расспрашивать о жизни в Москве. Отделав-

шись общими фразами о погоде и делах на фронте, он попрощался и ушел к себе в кабинет. Мы с Эдвардом остались ждать в коридоре, когда к нам выведут ротмистра. Пока все было спокойно. Один охранник пошел к камерам с Андреем, а второй стоял рядом и с интересом посматривал на нас. Прошло минут двадцать, прежде чем мы услышали шаркающие шаги. По лестнице медленно поднимался ротмистр в сопровождении двух охранников. Он был бледен как мел, все лицо его было в синяках и ссадинах, под ногтями запекшаяся кровь, а свалывшиеся волосы торчали в разные стороны.

Его подвели к столу, а затем пригласили и нас. Расписавшись в журнале о приемке арестованного и забрав его документы, мы с Эдвардом повели его на выход. Надо отдать ротмистру должное. Он сразу узнал меня, но ни единым жестом или взглядом не выдал своих эмоций. На удивление, все пока проходило гладко. Увидев, что мы выходим из здания, Степан сдал машину назад, и я, впихнув ротмистра на заднее сидение, сел сам рядом. Степан рванул машину, а навстречу нам из переулка разворачивалась конница Порфирия. Пропустив автомобиль, она перекрыла улицу и медленно прошла возле удивленного часового, отвлекая его внимание от нас. Увидев проезжающее мимо него авто, Василий отпустил свою девушку и также бросился к ожидавшему его экипажу. Пока все шло так, как было запланировано. Но уж слишком складно все получалось. Вполне возможно, что где-то впереди нас могли ждать незапланированные события.

Выехав на Невский проспект, мы бросили автомобиль и, пересев в экипаж, двинулись в сторону Гатчины. Я, достав бутылку виски, дал выпить ротмистру, а затем, намочив носовой платок, стал приводить в порядок лицо моего начальника. Он дергался от боли и тихо ругался шепотом. В конце концов, я привел его в более менее нормальное состояние. Он взял у меня бутылку и приложился к ней от всей души. Выпив изрядную порцию, ротмистр крякнул и позволил себе расслабиться.

–Как вы себя чувствуете, господин ротмистр? – спросил я.

–Не дождутся! – ответил он. – И вообще, ну их, всякие сантименты. Вы мне скажите, поручик, какие наши дальнейшие действия?

–Сейчас мы едем в Гатчину, где нас ждет самолет, на котором вы полетите в Финляндию. Вот вам деньги на первое время, – и я протянул ему пакет с его документами и деньгами. – А там по обстоятельствам, так как вы решите сами. Счета в банке вы знаете. Кстати, летчик наш человек, и если вы не возражаете, останется с вами. Обратного он возвращаться не хочет.

–Хорошо, – ответил ротмистр. –А как ваша поездка, все решили?

– Все, как было запланировано. Однако не все сразу, поэтому пришлось задержаться. Вот в помощь дан господин Эдвард Боунд, специальный агент Его Королевского Величества Георга V.

–Очень приятно, – ответил ротмистр. – Ну и где наш государь? Что вы намерены делать?

–По последним данным, он с семьей находится в Екатеринбурге. Вот решим с вами вопрос, а потом поедем туда, и на месте будет видно, как поступить.

–Как бы не опоздать, – буркнул ротмистр и задремал. Очевидно, сказались пережитое волнение и виски.

Тяжелый перелет

Дорога была на редкость спокойной и утомительной. Вскоре нас обогнал отряд Порфирия, который пронесся галопом, оставляя за собой шлейф пыли. Эдвард, который сидел на козлах вместо кучера, выругался и погрозил Порфирию кулаком. Тот в ответ, смеясь, помахал рукой и поскакал дальше. Время шло к обеду, когда вдали показались строения Гатчинской летной школы. Погода была ясной, а значит, и никаких преград для полетов не было. Мы подъехали к главному зданию. Часового на месте не оказалось. Вместо него на крыльцо вышел Порфирий, лениво помахивая нагайкой.

–А где люди? – спросил я его, показывая на опустевшее поле.

–Все разоружены и заперты в комнате.

–А летчик где?

–Там же, – ответил Порфирий.

–Вот что, дорогой, давай летчика сюда. Ты мне за него головой отвечаешь.

Порфирий молча кивнул головой и побежал в здание выполнять приказание. Вскоре он появился вместе с Геншером.

–Ну у вас и орлы, – заметил он, – налетели, я и не успел глазом моргнуть, как спеленали и рядками всех положили.

–Приношу свои извинения, – ответил я. – Он не знал, что это его лихачество не распространяется на вас.

–Да ничего, я не в обиде, такая уж у нас жизнь.

–Как у нас обстоят дела с полетом? – спросил я летчика.

–Все готово, можем приступить к погрузке. Самолет стоит вон там, на взлетной полосе. Надо только прогреть двигатель – и в небо.

–Вот и славно, – ответил я. – А это ваш пассажир, – сказал я летчику, представляя ему проснувшегося и вылезшего из фаэтона ротмистра.

Геншер все понял сразу и с сочувствием пожал протянутую ротмистром руку.

–Ну что, тогда в путь. Порфирий, будь наготове, смотри в оба. Как ты считаешь, охрана аэродрома не успела вызвать помощь?

–Да вроде нет. Мы все сделали быстро.

–Тем не менее, проинструктируй людей. Ваша задача – стоять насмерть, пока самолет не взлетит.

–Все понял, – сказал Порфирий и побежал к своей гвардии, кучкой стоявшей возле здания.

А мы, забравшись в фаэтон, вместе с летчиком двинулись к самолету. Когда мы к нему подъехали, Геншер попросил отвести подальше лошадь, чтобы она не испугалась рева мотора и не понеслась прочь. Мы вышли, а Эдвард отвез фаэтон за взлетное поле и пошел пешком к нам. Летчик залез в кабину, нажал на какие-то рычаги и попросил меня прокру-

тить пропеллер. Ротмистр стоял, безучастно наблюдая за нами. Когда пропеллер дошел до нижней точки и замер, Геншер пригласил ротмистра во вторую кабину, где была приделана кожаная лямка для сидения. Я помог ему забраться туда, надеть летный шлем и привязаться ремнями. Затем слез с крыла и по команде летчика закрутил пропеллер. Двигатель фыркнул, но не завелся. Пришлось повторить попытку. Наконец с пятой попытки двигатель, чихнув, стал громко та-рахтеть, постепенно нагреваясь до нужной кондиции, необходимой для взлета. В этот момент со стороны главного здания раздались выстрелы, затем застучал пулемет. Очевидно, охрана всё-таки успела сообщить о нападении, и от Гатчины подошла помощь, с которой вступил в бой отряд Порфирия. Однако этим все не закончилось. Внезапно налетел сильный ветер, который пригнал неизвестно откуда взявшиеся свинцовые темные тучи, и пошел дождь. Вскоре дождь сменился градом, который застучал по самолету и заставил нас с Эдвардом спрятаться под его крыло. Так же внезапно град прекратился, и с неба стали сыпаться темные пятна какой-то субстанции, которые, достигая земли, растекались в лужи, из которых постепенно стали появляться различные чудища, строившиеся в шеренги и держащие направление на нас. Их были сотни, и они постепенно окружали самолет, грозя его растоптать вместе с пассажирами. Они постоянно трансформировались, набирая силу, которую давал им продолжавшийся дождь, и готовились к решительному штурму.

Я выхватил лежавшую в кармане гранату и бросил ее в ближайшую кучу. Она взорвалась, но особого эффекта на нападавших не произвела. Осколки прошли сквозь них, оставляя большие дыры, которые постепенно затягивались сами собой. Нужно было предпринимать что-то не стандартное. Хорошо, что в это время утих ветер, и я махнул летчику, чтобы он взлетал. Прибавив обороты газа на полную мощность, Геншер направил самолет на монстров и пошел на взлет. Пропеллер рвал их тела, накручивая на себя липкую субстанцию, и бросал самолет вперед. Наконец он оторвался от земли и, тяжело урча, пошел в небо, туда, где было свободное от туч пространство. Это вызвало беспокойство среди монстров, и они, подпрыгивая, забираясь один на одного, пытались достать самолет. А тучи, видя, что добыча уходит от них, начали плотно сливаться друг с другом, пытаясь заполнить свободное пространство. Однако самолет вдруг исчез из вида, очевидно, летчик включил устройство невидимого луча. Мерзкие твари в недоумении остановились, глядя растерянно, друг на друга. Затем, как по команде, развернулись и двинулись в нашу сторону.

Нам надо было как-то выбираться отсюда. Единственное направление, которое было относительно свободным, вело к фэнтону, стоящему сзади нас. Бедная лошадь пыталась убежать, но вожжи, прикрученные к металлическому стержню, не давали ей это сделать. Сориентировавшись, я крикнул Эдварду, и мы что есть духу, увертываясь от пытавшихся нас

поймать тварей, бросились к фаэтону. Добежав до него, Эдвард отвязал лошадь и вскочил на передок, а я бросился на место пассажира и наткнулся на что-то стеклянное, лежащее на сиденье. Схватив это в руку, я увидел бутылку виски, которую оставил ротмистр. И у меня сразу возникла идея.

–Закрой глаза! – крикнул я англичанину.

Он недоуменно взглянул на меня и вжал голову в плечи, а я, набрав полный рот спиртного, стал разбрызгивать его на себя, Эдварда, лошадей, фаэтон.

–А теперь гони! – крикнул я.

И Эдвард, взмахнув рукой, с криком бросил лошадей вскачь. К нам потянулись различные щупальца, когтистые лапы, клыкастые морды, но, почувствовав запах виски, они сразу отскакивали прочь. Я прилежно разбрызгивал на них этот благородный напиток, что приводило их в панику и заставляло реветь не своим голосом. Наконец, мы вырвались за пределы летного поля и сразу увидели, что их власть здесь не действует. Добежав до края поля, они останавливались и, постепенно съеживаясь, теряли форму.

Вскоре мы подлетели к зданию, где стоял Порфирий, а перед ним на коленях расположилось человек десять красноармейцев.

–Что случилось? – спросил я.

–Да вот. Приехали на автомобиле и, ничего не спросив, стали сразу стрелять. Хорошо, что никого не задели, а то бы я их всех тут и положил. А вы чего так долго?

–А ты что, ничего не видел?

–Нет, ничего. Гляжу – вы стоите, разговариваете, а потом самолет полетел, а вы чего-то побежали, и на поле начался дождь. Вот и все. Ну, мы и решили вас подождать здесь.

–Ладно, – сказал я. – Давайте собираться.

–А с этими что делать? – и он кивнул на пленных.

–Свяжите и заприте, только отдельно от тех, что наверху. А затем действуйте, как договаривались.

И Порфирий стал отдавать команды своим людям. Я повернулся и пошел к Эдварду, который залпом допивал оставшийся виски.

–Кто бы мне такое рассказал, я бы не поверил!– воскликнул он. – Одной бутылкой виски разогнать целую свору монстров! Где это видано? И откуда они вообще взялись? Да, действительно – Россия страна загадок. Чем больше ее узнаешь, тем больше удивляешься.

–Для этого и существует виски. Выпей и успокойся. Нам пора уже уезжать отсюда, а то стрельба была слышна очень далеко.

–Так чего же мы ждем? Прошу в фаэтон, – и он галантно передал мне бутылку с остатками напитка. Мы расселись по своим местам и тронулись в сторону Петрограда. Можно было немного расслабиться и отдохнуть, что мы добросовестно и исполнили, прибыв на место.

Утром мы с Эдвардом решили разведать обстановку после наших вчерашних приключений. Я связался с Андреем и вы-

яснил, что у него все в порядке. Точно так же чувствовал себя и Порфирий, предаваясь отдыху за бутылкой водки, с песнями и плясками и, соответственно, с женщинами, чтобы не вызвать подозрений. Степан занимался ремонтом вечно ломавшихся автомобилей, которые, в отсутствие запасных частей, ездили буквально на честном слове. А Василий был на высоте, в прямом и переносном смысле. Мотался по митингам и собраниям, выступая то с трибуны, то с балкона, то с броневика. Таким образом, обстановка была вполне приемлемая и не вызывала особого беспокойства. Что касается угона самолета, то это – частный случай, и его могли списать на бегущих из страны офицеров, которые силой заставили летчика подняться в воздух. Конечно, кое-где на митингах кипели страсти, но все это было в рамках тех правил, которые сегодня диктовала сама жизнь. На Невском проспекте стояла небольшая кучка народа, внимая худому студенту с длинными жирными волосами, который, приподнявшись на фонарный столб, завывающим голосом читал собственные стихи о любви:

Ты ушла в тугую даль распада,
На меня навеяла печаль,
От тебя мне ничего не надо,
Просто мне себя немножко жаль,

Жаль порой не сбывшихся мечтаний,
Пролетевших год за годом дней,

Жаркой ночью трепетных ласканий,
И на утро рану на судьбе.

Ты ушла, туда тебе дорога,
Значит, недостойна ты меня,
Иль иди быстрее, или побудь немного,
Иль ругайся с пеною у рта.

При этом он смотрел жадными глазами на такую же худую девушку, стоявшую напротив него и внимавшую каждому его слову. Это была нарождающаяся поросль молодых поэтов революции, смешавших устоявшиеся веками традиции со своим видением жизни и человеческих отношений. Закончив читать, поэт соскочил со столба и поклонился. Слушатели стали бурно аплодировать и кричать «Браво!». Послушав еще пару выступающих, я пошел дальше.

Эдварда дома не оказалось. Он еще путешествовал по своим делам, любуясь красотами города, которым непрерывно восхищался. Наскоро перекусив, я стал обдумывать наше дальнейшее продвижение в сторону Царского Села, которое было намечено на завтра. Однако нашу поездку пришлось отложить и ввязаться в авантюрное приключение, связанное с большой царской семьей.

Бриллиантовый тайник

Вечером в квартиру в буквальном смысле ворвался запыхавшийся Эдвард. Он сразу бросился в гостиную, налил из графина стакан воды и залпом выпил его. На мой немой вопрос он, отдышавшись, ответил.

– Как ты думаешь, кого я встретил недавно?

Я молча пожал плечами.

– Да ты должен знать его. Это курьер английского короля Георга V, который доставлял личную его корреспонденцию вашему царю Николаю II. Ну же, ну, вспоминай быстрее!

– Берти, что ли? – робко произнес я.

– Ну да, Альберт Стопфорд, потомственный английский аристократ собственной персоной. И очень хочет встретиться с нами и просит посодействовать в одном деле.

– У нас своих забот хватает, – ответил я, поглядывая на его покрасневшее от волнения лицо.

– Да ты не понимаешь! – воскликнул он. – Это касается семьи Романовых. То есть это наша с тобой прямая обязанность. Ведь мы с этой целью прибыли сюда!

– Ничего не понимаю, давай говори конкретно, что хотят от нас.

– Я и говорю, – ответил Эдвард. – Он прибыл сюда с поручением от княгини Марии Павловны, законной супруги великого князя Владимира Александровича, который являет-

ся третьим сыном, императора Александра II и приходится дядей императору Николаю II. Он встретил ее в Крыму, она отъезжала за границу и просила его помочь изъять и вынести из ее Владимирского дворца бриллианты и драгоценности, которые она оставила там. А в силу нынешних обстоятельств они оказались ей очень нужны. Так вот, зная о нашей миссии, Стопфорд просит нас оказать ему помощь в этом деле, так как один он просто не справится.

—И что он хочет от нас?

—Он хочет, если мы не возражаем, завтра встретиться с нами, чтобы обговорить все детали,— ответил Эдвард.

—Ну, раз так, то я не возражаю. Но давай где-то на стороне. Ну, хотя бы у него на квартире. Кстати, есть у него она?

—Сейчас узнаем, — ответил Эдвард и снял трубку телефона, чтобы связаться с Стопфордом.

Переговорив с ним, минут пять он бодрым голосом сообщил мне, что тот ждет нас завтра в девять часов у себя на квартире.

—Я хочу сказать тебе, Эдвард, что это непростая задачка. Там полно охраны, людей набито, как сельдей в бочке. Кроме этого, надо знать, где все спрятано и как это вынести, не вызывая подозрений.

—А я и не говорил, что это будет легко, — ответил тот. — Но мы вместе что-нибудь придумаем. А помочь-то ведь надо. Все банки закрыты, денег взять неоткуда, введена карточная система, которая, наоборот, привела к нехватке продоволь-

ствия. И потом, на что жить на чужбине?

–Ну, хорошо, – прервал я начавший набирать обороты наш диалог, – давай ложиться спать. Утро вечера мудренее.

Так как возражений не последовало, то я отправился в свою кровать, чтобы набраться сил к завтрашнему дню.

Утром ровно в девять, согласно английской традиции, мы входили в квартиру Альберта.

–Ба, Владимир, сколько лет, сколько зим, как говорят тут у вас! – выпалил он, встречая нас у двери.

–Проходите, пожалуйста. Чай или кофе, а может быть, виски с утра?

–Все шутишь, Альберт, – ответил я.

–А без шуток жизнь такая скучная. Тем более, ты ведь знаешь, что наша нация очень любит шутки, а шутить мы умеем, как никто в мире.

–Да, в этом вам отказать нельзя, – ответил я, усевшись в любезно предложенное хозяином кресло, обтянутое плюшем.

Эдвард никакого участия в разговоре не принимал и только молчал, наблюдая наш диалог.

–Так чем мы можем быть полезны уважаемому господину Стопфорду? – перешел я к сути дела.

–О, многим! – ответил он и, положив ногу на ногу, закурил.

–У меня очень деликатная просьба от княгини Марии Павловны, надеюсь, Эдвард ввел вас в курс дела?

– Да, частично, – ответил я.

– Так вот, я располагаю списком предметов, которые необходимо будет изъять из Владимирского дворца, и имею план тайника, который мне передала княгиня. Этих предметов 244 штуки, причем различной тяжести и размера. И когда я начал думать, как все это можно сделать, то пришел к выводу, что это сделать одному невозможно. Невозможно потому, что очень сложно пробраться незаметно во дворец; во-вторых, очень трудно открыть тайник без страховки и, в – третьих, проблематично за один раз вынести такое количество драгоценностей одному человеку. Я говорю прямо и откровенно, потому что знаю вас давно. Брать помощников, неизвестно откуда, опасно, нужны проверенные люди, ведь это огромные деньги. И вот, на мое счастье, я вчера случайно встретил Эдварда. И решил, что это знак свыше, поэтому нижайше прошу вас оказать мне помощь в этом вопросе.

– Интересная ситуация. Знаем что, знаем где, но не знаем как?

– Вот-вот, именно поэтому я и обратился к вам. Вы лучше меня знаете местную обстановку, и вам будет, наверное, легче найти способ решения этой непростой задачи.

– Ну что же, помочь царской семье – это наш долг, – и я посмотрел на Эдварда, который согласно кивнул головой.

– Сколько вы намерены пробыть в Петрограде?

– Да пока не решу, надеюсь, с вашей помощью, эту задачу.

– Тогда давайте договариваться так. Вы нам даете пару

дней, чтобы изучить обстановку и произвести разведку. А потом мы собираемся и обсуждаем наши дальнейшие действия. Кстати, а где находится тайник?

–Он расположен в будуаре княгини.

–Хорошо. И последний вопрос: если мы все это изыдем оттуда, как вы собираетесь это все переправить за границу?

–Я все-таки иностранец и дипломат, поэтому надеюсь на эти регалии, которые мне помогут без проблем выехать в сопредельную страну.

–Ну, вот и славно. Будем считать, что часть вопросов мы прояснили. Теперь самое главное – разведка. Надеюсь, и вы подключитесь к этому. Связь будем держать по телефону. Естественно, никаких прямых разговоров о предмете нашего интереса, думаю, вы все понимаете.

–О, да, можете не предупреждать.

На этом мы расстались, любезно проведенные хозяином до двери, которая захлопнулась за нами с громким стуком и эхом разнеслась по пустой лестничной клетке, полукругом спускавшейся вниз. Мы решили не откладывать все в долгий ящик и поехали в сторону Владимирского дворца, так как времени у нас было мало.

По большому счету, Владимирский дворец считался малым императорским двором. Здесь практически был центр петербургской светской жизни, устраивались шикарные балы и пиршества, посвященные различным историческим событиям. Располагался он в центре города на Дворцовой пло-

щади, 26. Отпустив извозчика перед площадью, мы пешком направились вдоль набережной, осматривая открывшуюся перед нами перспективу. Дворец находился на том же месте, что и раньше. Тот же вход с колоннами, уходящими высоко вверх, и окна, отражавшие блики солнца и колебания невиской волны. Возле колонн у двери стояли два солдата с винтовками и лениво покуривали махорку. Одежда у нас соответствовала той роли, которую мы играли, а именно роли отставных солдат. Поэтому я решил немножко прощупать ситуацию у этих часовых. То, что здесь народу не наблюдалось, было, с одной стороны хорошо: легче пробраться вовнутрь, а с другой – наоборот, плохо: очень сложно было маскироваться.

Подойдя поближе к солдатам и задрав голову наверх, я извиняющимся голосом спросил:

– Это что же за красота такая здесь?

Пожилой солдат, очевидно, в силу этого и более доброжелательный, затушив окурок о подошву сапога, в свою очередь спросил меня:

– А ты что, деревня, не знаешь?

– Ежели бы знал, не спрашивал, – резко ответил я. – А вы, дядя, если нет желания просветить, то тогда великодушно извиняйте, – и я слегка поклонился.

– Да ладно тебе, – ответил солдат. – И так видно, что дворец, и правда, не просто дворец, а дворец великого князя Владимира Александровича!

—А кто это такой?

—Кто, кто? Родственник самого императора Всероссийского, бывшего.

—А как, дяинька, хоть одним глазком посмотреть на эту красоту внутри? Там, наверное, много чего диковинного.

—Это уж точно, — вступил в разговор молодой. — Я давеча смотрел тут с края, так много чего увидел всякого. А туда нельзя, все под охраной, никого не велено пущать. Разве что только уборщицы приходят навести порядок, только им и можно.

—А че, внутри никого нет?

—Да говорят же тебе, что нет. Никого и ничего пока тут нет. Может, новая власть для кого-то и держит этот дворец, потому два раза в неделю и убирают.

—А когда еще придут? Может, можно будет с ними договориться, чтобы хоть одним глазком посмотреть?

—Придут— то они в пятницу. Ну а договориться — это, брат, не пройдет. На то мы тут и поставлены, чтобы таких, как ты, не пущать. А то набегут тут, заохают, заохают, а потом вещи пропадают. А тут каждая вещь тыщи стоит. И вообще, ребята, давайте отселе, не положено тут быть — и точка.

—Ну, и на этом спасибо, — ответил я, и, раскланявшись, мы двинулись дальше, любуясь дворцом. А он по мере того, как мы отдалялись от него, разворачивался в своем великолепии.

«Как теперь пробраться туда, не привлекая внимания?»

Как использовать эту уникальную возможность полного отсутствия здесь всяких учреждений и организаций, а соответственно, и возможных свидетелей, могущих обнаружить нас при вторжении сюда? Здесь надо работать тихо и вдохновенно. Кавалерийской атаки не получится, потому что это центр города и помощь охране может подойти в любую минуту. Да и зачем кому-то знать, что нам нужно в этом дворце? Чем меньше людей знает, тем в большей сохранности будут эти драгоценности. Значит, нам следует разрабатывать нестандартный вариант для проникновения во дворец, потому что о том, что мы хотим вынести оттуда, не знает никто. А поэтому нам не нужна паника и лишний шум».

Эти мысли одолевали меня, когда мы шли с Эдвардом по набережной в сторону своего дома.

На Невском проспекте внимание привлекали освещённые витрины магазинов и салонов. Некоторые были закрыты, а в отдельных еще кипела жизнь. Вот на углу доходного дома показалась витрина модистки с выставленными на манекенах дамскими платьями. Молоденькая девушка ползала на коленях у одного из них и пришивала длинную кружевную оборку на нижнюю юбку.

—Почти, как карман, — подумал я. — При желании туда можно спрятать даже бутылку, и никто не заметит.

И вдруг у меня в голове мелькнула озорная мысль, а что если... Но, подумав, я ее отбросил в сторону и решил выложить на обсуждение в самый последний момент.

Придя домой, мы наскоро перекусили и, заварив свежего кофе, сели решать, как нам пробраться во дворец. На экскурсию пробраться нереально, не то время. Подъехать конным эскадроном, связать и заменить охрану, тоже нельзя – вдруг что-то пойдет не так и, кроме этого, неизвестно, сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до тайника. Подкупить охрану тоже проблематично, обязательно кто-то проболтается. Влезть ночью во дворец вполне возможно. Но когда будешь искать тайник, нужно будет включать свет, а с улицы он будет очень заметен. Крутили, вертели и так, и сяк, все равно натыкались на преграды, которые, казалось, неодолимой стеной стояли на пути. От выпитого кофе у меня разболелась голова, и я пошел на кухню, чтобы выпить чистой холодной воды. В углу у раковины громоздилась небольшая куча мусора, куда мы сбрасывали все ненужные бумажные пакеты. Я пнул один из них, попавшийся мне под ноги, и подумал – или позвать уборщицу, или выбросить самому? И тут в моей голове словно что-то щелкнуло.

–Ну да, уборщица, – подумал я. – Именно уборщица является решением всей нашей проблемы. Надо найти нормальных уборщиц, заплатить им деньги, и они принесут нам то, что надо.

–Ну да, а как они это найдут? И где гарантия, что они принесут нам все, а потом не сдадут нас при выходе стоящей там охране? В принципе, идея хорошая, но невыполнимая, так как в этом деле нельзя доверять посторонним. Тут нужно

действовать самому. Именно самому. А что если...

И я, забыв о воде, бросился бегом в гостиную, где грустно сидел изрядно уставший Эдвард. Я подбежал к нему и принялся разглядывать его в упор, поворачиваясь то влево, то вправо. Он приподнял голову и в недоумении уставился на меня. А меня словно повело: я носился вокруг, меняя ракурсы осмотра, делал резкие развороты, пристально рассматривал глаза и брови англичанина. Это все больше начинало злить его. Не понимая, что случилось, он стал наливать краснотой и, казалось, сейчас вот-вот лопнет. Я понял, что пришла пора раскрыть карты. Упав рядом с ним на стул, я, отдышавшись, заверил его, что ничего страшного не произошло. А его внешний вид, цвет глаз и густота бровей интересуют меня постольку, поскольку это будет нам необходимо для решения поставленной перед нами задачи.

–Что-то я не понял, – возмутился Эдвард. – Как это густота моих бровей и цвет глаз помогут нам открыть тайник? Что, я буду бегать и все время подмигивать охране, а она начнёт гоняться за мной, чтобы посмотреть, какого цвета мои глаза? А вы в это время проникнете в тайник и заберете его содержимое?

–Ну, какой ты молодец! – воскликнул я и захлопал в ладоши. – Сразу обо всем догадался. А теперь сделай, пожалуйста, одолжение, встань и пройди по комнате.

Он удивленно посмотрел на меня, но подчинился, и, встав, вразвалку прошелся до окна и обратно.

– Немного не так, – мягко заметил я.

– Как не так? – вспыхнул он. – Всю жизнь хожу таким образом и вполне доволен.

– Это, конечно, хорошо, но не могли бы вы, коллега, пройтись здесь так, как ходят молоденькие девушки по своим женским делам. Поверь мне, это очень надо. После этого я тебе все расскажу. Надеюсь, ты проходил курс бальных танцев и имитации? Вот и включи все свое воображение.

Он посмотрел на меня, покрутил пальцем у виска, но затем, сосредоточившись, сделал шаг, а затем легко и изящно преодолел пространство от окна до моего места расположения.

– Ну а теперь садись и слушай, – сказал я, указывая ему на стул. – Мы с тобой просидели здесь почти весь день и ничего путного не придумали, так?

Он согласно кивнул головой.

– И вот ко мне пришла идея: а что если мы втроем, не привлекая никого из посторонних, постараемся добраться до тайника?

– Но как? – взревел Эдвард.

– А под видом уборщиц, которые приходят убирать дворец. Правда, нам придется переодеться в женское платье и подготовить его для переноса драгоценностей. Все-таки вес будет немалый.

Он на минуту задумался, а потом произнес:

– Идея, конечно, неплохая, но что скажет Стопфорд и где

мы возьмем пригодные для этого дела платья?

–Я думаю, он не будет особо возражать. Какая разница, как мы решим эту задачу. Вопрос в другом – примет ли он участие в этом спектакле?

–А что, давай завтра и спросим у него. Если да, то тогда нам надо быстро разработать план, – сказал Эдвард и впервые за это время улыбнулся.

–А я уж, было, подумал, что ты влюбился в меня, – и шутливо погрозил мне пальцем.

–Не дождешься,– ответил я. – Ты не в моем вкусе. Но шутки шутками, а без помощи специалистов женского дела нам не обойтись. Да и пару уроков грациозной походки следовало бы взять. Ну, я об этом позабочусь. Есть кое-какие мысли на этот счет.

И платья тоже нам к лицу

Утром мы изложили наши идеи Стопфорду. Немного подумав, он согласился, и мы начали разрабатывать наш новый план. Было определено, что он и Эдвард переодеваются в женские платья и под видом уборщиц пробираются вовнутрь. Я же в рабочей одежде тоже пытаюсь с ними пройти туда как помощник для переноса ведер с водой, мусора и так далее. Затем мы пробираемся в будуар, вскрываем тайник, достаем драгоценности и прячем их в карманах нижних юбок, а затем выносим. Если охранники вдруг вздумают обыскивать, то тогда я отвлекаю их на себя, а мои сообщники быстро ретируются до ближайшего проходного двора, затем выходят на другую улицу и уезжают домой к англичанину, где мы и должны будем встретиться.

Теперь встал вопрос: где взять нужные нам платья? Ведь для нижних юбок нужна была очень прочная ткань, поэтому пришли к единому мнению, что юбки заказываем в швейной мастерской, а все остальное подбираем там по размеру каждого. Но решить эту задачу без женского авторитетного взгляда было невозможно. Нужен был надежный консультант. И тут я вспомнил об артистке Мариинского театра Верочке Амбросимовой. Когда-то я ей оказал кое-какие услуги и думаю, что если она еще там, то в помощи мне не откажет.

Поэтому мы решили, что я еду сразу в театр, разыскиваю

ее, а затем мы встречаемся где-то в центре и идем заказывать необходимые нам вещи под ее руководством. Кроме этого, нам будет нужна помощь гримера. На этом мы расстались, и я уехал.

Через час я добрался до здания театра. Центральный вход был закрыт, поэтому я вошел в здание через проходную со стороны реки Невы. Дежурная ответила, что Верочка находится у себя в гримерке и что почти все артисты приходят сюда, хотя здесь пока нет спектаклей, а одни собрания, но дома им делать нечего. Гримерные, находились на втором этаже за сценой. Я уже бывал там не раз. Поэтому, поблагодарив словоохотливую дежурную, я напрямик направился туда. Мои шаги гулким эхом раздавались в безлюдном коридоре. Театр словно вымер. Ни один человек мне не встретился по пути. Поднявшись по небольшой лестнице, я попал в коридор, по бокам которого были расположены гримерные артистов. На дверях висели таблички с фамилиями, выполненные славянской вязью. Вскоре я оказался у нужной мне двери. Негромко постучав и получив разрешение, я вошел внутрь, и мои легкие сразу наполнились специфическим театральным запахом, который манил к себе и заставлял кружиться голову театралов.

Перед зеркалом, сложив руки, в тоскливой позе сидела моя пассия.

–Разрешите поприветствовать вас, мадам! – бодрым голосом воскликнул я, театрально наклонив голову и целуя ее

ручку.

–Владимир! Какими судьбами и в таком виде? – она была удивлена моей простой рабочей одеждой, ибо привыкла всегда видеть меня в элегантных костюмах.

–Обстоятельства, мадам, обстоятельства, – ответил я.

–Что привело вас сюда? – и она развела руками. – Спектаклей нет, зрителей нет, остались одни артисты. Правда, обещают выдать паек, чтобы мы не пропали с голоду. А так терпимо, серая жизнь, даже не жизнь, а существование. Нет того блеска, полета, шарма. Все ушло безвозвратно.

–Ну что вы, мадам! Все только начинается, впереди столько неизвестного и впечатляющего, вот увидите.

–Может быть, может быть. Только вопрос, а нужно ли нам это?

–Это решает каждый сам за себя, – ответил я.

–Что вас ко мне привело, Владимир?

–Ну, во-первых, узнать о вашем драгоценном здоровье, а во-вторых, попросить содействия в одном вопросе.

И не вдаваясь в детали, я рассказал ей все, что мы хотим от нее. Немного подумав, она согласилась, решив, что это для нее, как новая роль в спектакле, который дает ей жизнь. Затем она попросила меня подождать и, быстро собравшись, была готова действовать.

Мы вышли на улицу и, как ни странно, возле главного входа увидели несколько извозчиков. Договорившись с одним из них, мы отправились в путь. Верочка произвела неизгла-

димое впечатление на моих коллег. Они как-то подобрались, подтянулись, ловили каждый её жест и охотно выполняли все команды. Она крутила их в разные стороны, сделала замеры талии и груди, обуви, а затем заставила ходить по комнате, чтобы определить, что необходимо изменить в их походке. Так незаметно пробежало время. Наконец, попив чаю, мы все отправились к ее знакомой модистке. Первой в ателье забежала она. Пробыв там несколько минут, она вышла обратно и, подойдя ко мне, сказала:

–Ну все, можно идти. Я сказала ей, что мы хотим устроить маскарад, а для этого нам необходимы женские костюмы на этих джентльменов, – и она кивнула в нашу сторону.

–Ну, так пошли, – и, махнув рукой, пригласила следовать за собой своих спутников.

Мы зашли в ателье, где на столе уже стоял чай, приготовленный для нас, и разложены были женские модные журналы. Одновременно с нами из двери напротив, вышла хозяйка ателье и пригласила нас за стол. Когда мы чинно расположились, она поинтересовалась, что мы желаем сшить в ее ателье. Засмущавшись и переглянувшись, мы не знали, как начать разговор. В конце концов, набравшись смелости, я рассказал о наших пожеланиях. А они состояли в том, что в наше сложное время надо быть скромнее и не копировать жеманных дам из высшего общества, обвешанных кружевами и драгоценностями, их время прошло. А на сцену истории выходят простые женщины, которые своим трудом делают

свое будущее. Вот таких простых женщин мы хотели бы сыграть на маскараде. Послушав внимательно меня, она вопросительно посмотрела на Верочку. Та, зная наши пожелания, утвердительно кивнула головой.

— Хорошо, — сказала хозяйка, — тогда прошу вас сюда, — и указала рукой на ширму, стоящую в углу.

— Нам необходимо снять ваши размеры, — и взяв в руки сантиметр, висевший у нее на шее, направилась туда.

Первым на это решился Эдвард, а за ним скромно прошествовал Стопфорд. Пока они делали замеры, я высказал модистке свои пожелания в том, чтобы нижние юбки были из прочной ткани, это необходимо нам для кое-какого сюрприза. Мадам вежливо ответила, что у нее есть такое полотно, которое «и слона может выдержать». Такой ответ обрадовал меня, потому что весь наш расчет строился на этом. Когда очередь дошла до моих антропологических измерений, я вежливо отказался, сказав, что двух таких новых прелестных дам будет достаточно, а я буду выступать в другом качестве. Присев рядом с нами, хозяйка предложила прийти на примерку послезавтра. За это время она подберет по нашим размерам необходимые части женского туалета, а все остальное будут шить. На этом мы расстались, довольные друг другом.

Непосредственно в квартире Вера занялась внешним видом молодых людей. Заставила убрать усы и подбрить бакенбарды. Затем вытащила парики и надела их на головы Эдварда и Стопфорда. После этого она взяла пудру и крем и

занялась их внешним видом. Когда Верочка закончила накладывать грим, передо мной предстали две молодые прелестные девушки – брюнетка и шатенка, одетые в брюки и мужские штiblеты. Полюбовавшись на результаты своей работы, Вера достала из сумки две юбки и широкие блузки и заставила ребят все это надеть на себя. Когда они облачились в одежду и вдобавок надели женские ботинки без каблучков на шнурках, она заставила их ходить по комнате то быстрым, то медленным шагом, постоянно подправляя их походку. Так продолжалось до вечера, пока изможденные и вспотевшие ребята не попросили пощады. Как оказалось, это было только начало. На следующий день все повторилось снова, и они маршировали под ее команду, как заведенные, ругаясь про себя втихомолку и периодически бегая на кухню, чтобы испить холодной воды. Но до конца выдержали это «издевательство». Зато их походка приобрела грациозность и какую-то женственность. Юбка не цеплялась за туфли, а широко парила при ходьбе, что создавало определенный шарм.

–Ну, более менее, нормально,– заявила она, наконец, придиричиво поглядывая на уставших англичан.

–Теперь надо примерить то, в чем вы пойдете на маскарад, и тогда можно поставить точку.

Утром мы, собравшись, заехали в театр за артисткой и отправились в ателье. Здесь, в примерочной, в течение двух часов ребятам подгоняли платья, то укорачивая, то приподнимая подол. При этом мы особое внимание обратили на

нижние юбки. Как оказалось, они действительно были очень прочны, и их даже руками было порвать тяжело. Закончив примерку и прикупив большой кусок полотна, мы, рассчитавшись с модисткой, поехали домой. Здесь я, оставив ребят отдохнуть, отвез Верочку в театр, положил тихонько в знак благодарности сверток с продуктами, заявив, что чуть позднее мы обязательно встретимся. Она устало кивнула мне и представила руку для поцелуя. Прощаясь, мы понимали, что, возможно, не встретимся больше никогда.

Теперь наступала пора проведения основного этапа нашей операции. Мы стали изучать систему охраны дворца, смену караула и то, как осуществляется набор уборщиц. Оказалось, что этим занимается местный совет. Он набирает людей для работы на различных участках, выдавая за это продуктовые пайки.

Покрутившись там целый день, я нашел подходы к одному из сотрудников и за бутылку виски, и мясные консервы получил наряд на уборку дворца. В него были вписаны вымышленные фамилии, что не снижало его ценности, так как документы охрана не проверяла. Достаточно было этого куска бумаги, чтобы тебя пропустили во дворец.

Приехав на квартиру к Стопфорду, я торжественно положил на стол эту бумагу и во всеуслышание заявил, что теперь мы на один день официальные уборщики Владимирского дворца. Поэтому завтра, взяв с собой необходимый инвентарь, мы едем туда. А сейчас садимся, берем в руки по-

лотно, ножницы и нитки и делаем карманы на юбках. Кроме этого, пришиваем к ним широкие лямки в виде подтяжек, чтобы они под тяжестью не сползли вниз. Также к лифчикам делаем вставки, которые затем заполним различными драгоценными предметами. Эта работа продолжалась у нас до поздней ночи. Только около трех часов мы закончили наши приготовления и улеглись спать.

С ведром за бриллиантами

Ранним утром, забрав заранее приготовленные тряпки, ведра и веники и надев на себя платья, ребята были готовы к действиям. Я придиричиво осмотрел их, кое-где подправил парик, одернул кофты и пригласил их на выход. Проходя мимо меня, Эдвард ехидно усмехнулся:

– Не заигрывай, – и гордо прошествовал мимо.

Со стороны прохожий мог увидеть двух молодых скромно одетых симпатичных девушек, которые в сопровождении парня мастерового вида с шутками и прибаутками садились в пролетку. Мы специально выбрали экипаж скромнее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Подъехав ко дворцу, мы остановились и пешком пошли к солдатам, охранявшим вход. Там стояли два бравых усатых молодца, которые, взяв наш наряд, по слогам прочли его, и старший приказал открыть дверь. Младший, косясь на Эдварда, побежал выполнять приказание и, когда англичанин проходил мимо, попытался ущипнуть его за нижнюю часть тела. Эдвард от неожиданности подпрыгнул, выронил ведро и тонко пискнул. Затем, налившись краской, хотел врезать пощечину шутнику, но, увидев мой грозный взгляд, застыл с поднятой рукой. Оправившись от смущения, он поднял ведро, оттолкнул солдата и прошел мимо. Сзади раздавался хохот старшего, которого рассмешила эта сцена.

—Ну, Степан, ты даешь! —воскликнул он, вытирая выступившие от смеха слезы. — Прямо сразу в масть. Напужал девушку, теперь, пооди, заикаться будет. Да и вторая ничего, — сказал он, подкручивая усы. Ну да ладно, пушай народ работает, а ты давай закрывай дверь,— сказал он младшему, когда я уже зашел вовнутрь. Дверь захлопнулась за мной с тяжелым стуком, затем заскрипел ключ, и все затихло.

Мы очутились в прихожей, из которой наверх вела великолепная мраморная с золотой решеткой лестница. На ее пролетах стояли изумительные большие светильники, состоящие из пяти шарообразных ламп, а на стенах искрились зеркала с цветочным орнаментом. В конце лестницы располагалось огромное зеркало, покрывавшее почти всю стену. Получалось, что, когда человек поднимался вверх, он видел себя в разных ракурсах, отражавшихся на зеркальной поверхности, которые сопровождали его до тех пор, пока он не доходил до огромного зеркала и не вырисовывался там во весь рост.

Несмотря на утреннее время в холле было темновато, поэтому я, пока ребята медленно поднимались по лестнице, отошел в сторону в поисках выключателя. Он находился с левой стороны лестницы. Я подошел и включил его. Сначала ничего такого необычного не произошло. Лампы постепенно зажигались одна за другой, выбивая темноту из лестничных углов. Но когда свет загорелся ярко и ровно, произошло нечто непонятное. Из цветов, нарисованных на зерка-

лах итальянским мастером, с двух сторон вырвался рой желтых пчел, который, сердито жужжа, бросился на ребят, уже достигших верхней лестничной площадки. Причем этот рой приобретал очертания острого серпа, который поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно примериваясь, куда лучше ударить. Эта картина, отражаясь в зеркалах, приобретала жуткое зрелище, повторяясь во всех подробностях. Я крикнул им, чтобы они были осторожными, и, очевидно, сделал это вовремя, так как Эдвард, развернувшись на мой крик и увидев летящий на него острый серп, на уровне отработанных рефлексов выдвинул в качестве защиты ведро с тряпками. Наткнувшись на него, пчелиный серп разрезал ведро пополам и, запутавшись в тряпках, потерял свою силу, а затем с громким стуком осыпался рядом в виде желтоватых жемчужин. Стопфорд застыл в недоумении, поглядывая то на меня, то на изумленного Эдварда.

Понимая в душе, что на этом сюрпризы могут не закончиться, я осторожно ступил на лестницу. Вроде бы все было в порядке. Я сделал шаг, второй – все было спокойно. Тогда я стал медленно подниматься к ждущим меня наверху ребятам. Они испуганно смотрели в мою сторону, ожидая всего что угодно. Но пока все было нормально. Я уже одолел первый лестничный пролет и повернул ко второму, ведущему к большому зеркалу. Внезапно мой взгляд упал на зеркала, откуда вылетели пчелы и где до сих пор качались цветы, потревоженные их полетом. Я увидел одну, не понятную мне

особенность, которая заключалась в том, что, вместо того, чтобы повторять мои движения, зеркала, наоборот, отражали непонятно что, изображая какую-то фигуру, совершенно не похожую на меня. Она все делала в противоположность мне, причем ее лицо нельзя было рассмотреть: оно было подобно какой-то маске, то удлиняющейся, то расширяющейся. Я решил не обращать на это внимания, может, это была галлюцинация, и продолжал продвигаться вперед. Когда я одолел последний пролет и предстал перед зеркалом, оно затуманилось. Затем в нем начали происходить вихреобразные движения, которые превратились в воронку, начавшую затягивать в себя всех стоящих здесь. Вот полетели и исчезли остатки ведра Эдварда, затем, поднявшись вверх, исчезли желтые жемчужины. За ними последовала швабра. А воронка все набирала силу, грозя затянуть всех нас туда. Эдвард уже еле держался на ногах, схватившись руками за ближайшую лампу, стеклянные колпаки которой, не выдерживая давления, стали лопаться один за другим, обдавая его острыми осколками. Стопфорд упал на пол и катился назад в зев воронки, пытаясь зацепиться за все то, что попадало ему под руки. Это ему удавалось с трудом. Дальше всех от этого ужаса находился я, поэтому меня только начало тянуть к зеркалу, как вдруг непонятные фигуры выскочили из зазеркалья на стенах и стали вполне ощутимо толкать меня вперед. Это вывело меня из оцепенения, и я, приложившись пару раз по мерзким закрытым физиономиям, одним броском

бросился вниз и выключил свет.

Мгновенно все прекратилось. Фигуры, топтавшиеся сзади, исчезли. А воронка, потеряв свою силу, стала с ужасным ревом замедлять свое движение, выбрасывая обратно все то, что она успела затянуть вовнутрь. Стопфорд поднялся с пола и потирал ушибленные места, а Эдвард, отцепившись от лампы, с удивлением смотрел на жалобно плачущие остатки воронки. Постепенно гул затих, и в самый последний момент в зеркале мелькнуло чье-то лицо, бросившее мимолетный взгляд на нас, – и все пропало. На полу вперемешку лежали наши орудия труда. Самое интересное было то, что все мгновенно стало на свои места. Не было разбитых ламп и стекол. Но о происшедшем напоминали разрезанное пополам ведро Эдварда, удивленные лица моих товарищей, с недоумением смотревшие на зеркальную поверхность и боявшиеся сделать шаг, чтобы двигаться вперед.

–Так, ребята, вы что, пришли сюда рассиживаться, или решать конкретные вопросы? – вывел их я из оцепенения.

–Марш, быстро вперед. Все, что надо, уже произошло. Стопфорд, где схема комнат? Давай быстро ее сюда, – стал командовать я, выводя ребят из оцепенения и подходя к ним поближе.

Они сразу засуетились, собрали ведра и тряпки, и пошли вперед, поглядывая на схему, которую достал Стопфорд. Пройдя через анфиладу комнат, мы через Малиновую гостиную наконец-то попали в Мавританский будуар, где на-

ходилась тайник. Все стены его были украшены арабской вязью, которая, затейливо переплетаясь, охватывала всю площадь будуара. Именно в этой вязи и находились ключи от тайника, который еще надо было найти по схеме. Для того, чтобы в ней разобраться, мы уселись на диван под высокой нишей, сделанной в мавританском стиле. Рядом с нами оказался камин со старинными часами, стрелки которых показывали ровно двенадцать. Очевидно, их давно никто не заводил, и используя, весь свой прошлый завод, они остановились, словно гадая, куда двигаться дальше – вперед или назад. В углу возле окна находилась небольшая углубленная ниша с полочками, перед которой стоял резной арабский столик. Именно здесь, согласно схеме, и нужно искать тайник. Следуя записям, сделанным княгиней, Стопфорд встал напротив камина, сунул руку за часы и повернул механизм против часовой стрелки. Затем, посмотрев наверх на арабскую вязь, стал поворачивать стрелки часов, чередуя их положение в цифрах от двенадцати до семи. При этом, определив очередную цифру, он сдавливал механизм часов двумя руками. В ответ раздавались мелодичные щелчки, говорившие о том, что механизм, спрятанный в часах, находится в рабочем состоянии. Шифр был спрятан в каменных розетках, расположенных по всему ажурному потолку. После того как было набрано необходимое количество цифр, он подошел к нише, осмотрел ее со всех сторон и, подтянув стоящий рядом пуфик, залез на него. Окинув глазами раскрыв-

шийся перед ним вид, Стопфорд протянул руку к верхнему углублению одной из колонн и что-то вдавил там. Раздался щелчок, и ниша вышла из углубления. Внутри оказалась металлическая дверца, которую Стопфорд открыл имеющимся у него ключом. Там оказалась целая куча свертков из специальной ткани. Они были пронумерованы и опечатаны сургучом.

–Зачем такие сложности? – спросил Эдвард, – не проще ли было устроить тайник как-то по-другому.

–Да нет, мой дорогой. Не забывай, что дворец строили немцы, а они любят порядок и всякие штучки. А что касается этого, – и я кивнул на мешочки, – то не забывай, что княгиня тоже немка.

–Что вы там возитесь? – сердито прошипел Стопфорд.– Давайте быстрее все прятать!

И начался длительный процесс загрузки наших нижних юбок. Мы, исходя из размеров мешочков, пристраивали их, то в карманы юбок, то в бюстгальтер. Наконец Стопфорд, облегченно вздохнув, вытащил последний, достаточно большой и увесистый мешок. Когда мы начали пристраивать его, оказалось, что для таких размеров наши карманы не предусмотрены. Недолго думая, я обернул его мокрой тряпкой и бросил в ведро. При этом сказал Эдварду:

–Будут проверять, поднимешь тряпку и покажешь, что там больше нет ничего.

После этого мы поставили на место нишу, предваритель-

но закрыв сейф, и протерли все места, как бы делая влажную уборку. На все эти действия у нас ушло часа три. Затем вышли в Малиновую гостиную и стали делать там уборку. Надо признаться, это была очень сложная работа, тем более, что ребята постоянно ощущали на себе тяжесть спрятанных драгоценностей. Но я специально настоял на этом, чтобы они пообтерлись в новом для них качестве и немного подустали, приведя себя в рабочий вид. Когда начало темнеть, я предложил закончить работу и спуститься вниз, поскольку для выхода из дворца это было самое подходящее время: старая смена охранников уже устала стоять, а новая еще не пришла. Учитывая эту ситуацию, можно было попробовать пройти с наименьшими потерями и для девичьей чести, и для нашего секретного багажа. Спустившись вниз, мы привели себя в порядок и постучали в дверь. Позевывая, ее открыл все тот же молодой парень.

–Чего то вы седни задержались? – поинтересовался он.

–Так убирать сколько надо, тут и месяца мало, – ответил я.

–Оно, конечно, так, ну пошли к старшему.

И мы направились к пожилому солдату, который со смаком покуривал махорку.

–Все, отработали, подписывай бумагу, да мы пойдем, – предложил я ему.

–Счас, – ответил он, доставая из кармана наш наряд и слюнявя карандаш,

Подписав, он протянул мне бумагу, и его взгляд упал на

ведро, которое держал Эдвард.

–А что там в ведре вы прячете, а ну покаж! – и он медленно стал подходить к нему.

Не растерявшись, Эдвард выхватил из ведра тряпку и показал ему пустое дно.

–Ха-ха-ха, – засмеялся тот.– Это я вас попужать. Ну ладно, идите,– и махнул нам рукой.

Развернувшись, мы двинулись на площадь в надежде поймать извозчика. Когда Эдвард проходил мимо молодого солдата, у того дернулась рука с целью проверить его ягодицы, но, увидев колючий взгляд англичанина, он сразу отвернулся и стал чесать затылок. Мои партнеры пытались идти ровно, как на параде. Но это удавалось им с трудом. Тяжесть от спрятанных сокровищ так и норовила их согнуть. Поэтому, когда мы поймали ехавший мимо фаэтон, все вздохнули с облегчением. Самая тяжелая часть работы была позади.

Когда мы добрались до квартиры Стопфорда, ребята в изнеможении повалились в кресла, а затем в буквальном смысле с остервенением стали сбрасывать надоевшую женскую одежду и побежали в ванную смывать грим. Я только мог им посочувствовать. Пока они приводили себя в порядок, я достал бутылку виски и стаканы, налил их до половины. Напиток им понравился. Уютно устроившись в кресле и закрыв глаза, они стали наслаждаться его ароматом. Выждав, минут пять, я задал вопрос:

–Ну и что дальше?

—А дальше — завтра с утра бежать, чтобы как можно скорее все это вывезти за границу.

—И в какую сторону вы намерены обратить ваш взор?

—Я думаю, разумнее всего будет в Финляндию. Она рядом и не так сильно охраняется. Дипломатический паспорт у меня есть. Остается придумать сейчас, как спрятать драгоценности, и можно отправляться в путь. Надеюсь, вы меня подстрахуете? — заявил Стопфорд.

—Почему бы и нет. Начатое дело надо доводить до конца, — ответил я, лоя утвердительный взгляд Эдварда.

—Ну а теперь, джентльмены, пока вы еще в трезвом рас-судке, давайте подумаем, как спрятать драгоценности.

Стопфорд, допив виски и с сожалением поставив стакан, встал и отправился в соседнюю комнату. Минут через десять он вышел с кожаным чемоданом средних размеров.

—Вот в нем, я намерен разместить наш груз.

—Ну, давай открывай, посмотрим, как можно будет это сделать.

Чемодан состоял из двух отделений и различных карман-чиков с ремнями разной длины. Его днище было достато-чно прочным, а верх мягким, закрывающимся на замок. Мы стали рассматривать и прощупывать чемодан со всех сторон, думая о том, как рационально распределить драгоценности. В итоге Стопфорд выдвинул идею, с которой, за неимени-ем лучшей, мы согласились. Было решено сделать внизу че-модана потайное дно, а сверху забросать его вещами. Кро-

ме этого, по бокам внутреннего обода чемодана, на тканевую основу пришить вставки, в которых также разместить мешочки малых размеров.

Вскоре работа по перепланировке чемодана закипела, и он стал преображаться на глазах. Из другого чемодана выломали дно, а ткань пустили на окантовку. Устраивал все это и прошивал Эдвард. У него это получалось лучше всех. Когда все было готово, мы рассортировали мешочки по размерам и стали подавать их Эдварду, который пристраивал их в определенное место и прошивал. Затем плотно уложили дно чемодана и закрепили все это второй крышкой. Однако возникла проблема с самым большим мешком. То, что в нем лежало, представляло собой обруч, усеянный камнями, – это мы определили на ощупь. В тайник его пристроить было нельзя, не позволяли размеры. Тогда Эдвард взял большой лист бумаги, положил в него мешок, а сверху прикрыл нарезанными кусками хлеба, вареного мяса и сунул туда еще головку луковицы. На наши недоуменные взгляды он ответил:

–Если будут все-таки проверять, то это пища, которая так необходима человеку. И пусть этот сверток лежит сверху, забивая собой все остальные запахи.

Что ж, решение вопроса было очень интересным. Другого выхода у нас не было. Все это заняло у нас почти всю ночь. Немного вздремнув, мы поутру стали собираться в дорогу. Не буду много рассуждать об этом, скажу, что все закончи-

лось нормально. Большую роль здесь сыграл дипломатический паспорт Стопфорда и его талант импровизации. Мы наблюдали за всем этим издали, готовые вмешаться каждую минуту. Но все прошло гладко, его даже не проверяли. Перейдя границу, он повернулся и прощально махнул нам рукой.

–Надеюсь, он все доставит по назначению в целости и сохранности, – сказал я Эдварду.

Тот согласно кивнул головой, и мы отправились в обратный путь, чтобы подготовиться к поездке в Царское Село. Худо-бедно, но на решение вопроса с драгоценностями мы потратили полторы недели.

И снова Царское село

Утром мы поехали на железнодорожный вокзал, чтобы совершить запланированный вояж. Отпустив извозчика, вошли в здание вокзала. В это время из-за угла выскочил мальчишка, разносчик газет, и звонким голосом закричал последние новости: «Расстрел царской семьи в Екатеринбурге!». Я остановился, пораженный услышанным.

–Эй, малец, пойди сюда, – бросив ему мелочь, я взял газету. На первой полосе ее было напечатано решение Президиума ВЦИК, признавшего расстрел царя Николая II правильным.

–Какое кощунство! – подумал я. – Какие дикие нравы! Что же теперь делать?

Я не знал, как реагировать мне на это сообщение, единственное, что бросилось в глаза, – то, что семья царя перевезена в безопасное место, то есть жива. Значит, нужно срочно принимать какие-то меры для их спасения. После Царского Села необходимо искать возможность выезда в Екатеринбург. Очевидно, мои эмоции были написаны на моем лице, так как Эдвард, молча наблюдавший за мной, стиснул мою руку и повел в здание вокзала.

–Сочувствую тебе, – сказал он.

–Но мы должны выяснить, правда ли это или очередная утка, которую распространяют большевики. Поэтому давай

сначала выясним все в Царском Селе, а затем возьмем курс в Екатеринбург, – и потащил меня к поезду, отправлявшемуся по нашему направлению. Как ни странно, в поезде нашлись свободные места, на которых мы и расположились. Постепенно под действием монотонного стука колес большая часть пассажиров начала приходить в полусонное состояние, мерно покачивая головами. Не избежали этого и мы. Видно, сказало напряжение последних дней. Поезд шел медленно, с большими остановками, и только к вечеру мы оказались на месте. Это было к лучшему: меньше внимания будет вызывать наш визит во дворец. Желающих извозчиков туда ехать на ночь не нашлось, поэтому мы были рады старому деду, который на телеге не возражал нас подвезти как транзитных пассажиров. Договорившись о цене, мы с комфортом устроились в ароматно пахнущем сене, разбросанном там для удобства. Дед сел спереди, и мы тронулись в путь.

– А что вы там забыли, господа хорошие? – спросил он.

Вопрос застал нас врасплох, поэтому пришлось выкручиваться.

– Да в общем, ничего. Мы специалисты по каминам. Вот, говорят, там они испортились, и для того, чтобы их отремонтировать, послали нас.

– И то дело, – сказал дед. – А то последнее время, когда проезжаешь мимо дворца, особенно вечером, такое зарево стоит над ним, а порой и дым прет в небеса. Народ уже не

знал, что это. А оказывается, каминьы, то есть печи по – нашему.

Мы с Эдвардом переглянулись.

– Да, именно печи. Только их там много, и они, наверное, забились, поэтому нужно их прочистить, – ответил я деду, думая совсем о другом.

А мысли мои были совсем нерадостные. То, что сказал крестьянин, свидетельствовало о том, что активность янтарного кабинета была наивысшей, и именно это влияло самым прямым образом на те события, которые происходили.

– А как вы чувствуете себя, когда над дворцом стоит зарево?

– Да каждый по– своему. Голову начинает давить, как обручем, ломит в висках, и такая злость берет на себя и на весь мир, что готов прибить кого угодно.

– Ну и такое случается? – уточнил я.

– Слава Богу, пока такого не было! – и дед, щелкнув кнутом, быстрее погнал лошадь по дороге.

Вскоре показалась ограда дворца, тонкой нитью опоясывающая его со всех сторон. Охраны нигде не было видно. Мы вопросительно посмотрели на деда. Он, поняв наш вопрос, ответил:

– Идите вон туда, там калитка открыта, пройдете через нее – и вон к той дверке. Там они все и сидят.

– Кто они? – проявил я любопытство.

– Как кто? Солдатики, которые охраняют. Ну, прощай-

те, – и, получив причитающуюся плату, уехал.

Мы так и сделали. Постучавшись к караульным, мы представились и рассказали, что приехали чинить камин.

–А что на ночь? – спросил начальник караула.

–Дак, выехали-то утром, а приехали только сейчас. Или вам рассказать, как ходят поезда? – высказал я ему свое возмущение.

–Да ладно, и так знаю, что сейчас творится. Так что вы намерены делать? – спросил он.

–Да, если вы не против, начнем сейчас осмотр, чтобы не потерять времени, а завтра уедем.

–Да как хотите. Вон Степан отведет вас к основному камину, а дальше вы уж сами. А то и правда, хоть их сейчас и не топят, а зарево какое-то почти каждый день висит над дворцом. И ребят трясоти начинается, как в лихорадке. Следуя за Степаном, мы прошли в центральный зал, где находился основной камин. За окном было уже темно. Наш провожатый довел нас до камина, а затем оставил нас одних заниматься ремонтными делами. Проголодавшийся Эдвард открыл сумку и решил перекусить. Однако я воспрепятствовал этому. То, что нам предстояло сделать, лучше было проводить не на полный желудок, потому что моральные и физические перегрузки могли быть очень сильными и наш организм мог не выдержать и дать сбой в виде разных неожиданных действий. Я в двух словах обрисовал ему эту ситуацию, и он, мгновенно согласившись, убрал все съестное обратно. Прежде чем

приступить к путешествию в зазеркалье, где, собственно, на определенном уровне и обитает непонятная сущность янтарного кабинета, надо было проверить его состояние. В камине был спрятан механизм, который открывал единственное окно в янтарном кабинете, позволявшее рассмотреть его конструкцию изнутри. Зайдя в зев камина, я осторожно стал прощупывать его свод у себя над головой, пока не обнаружил выступ, являющийся основным пусковым рычагом этого механизма. Надавив его так, чтобы он вошел внутрь свода, я выбрался из камина и пригласил Эдварда следовать за мной. Пройдя через две комнаты, мы очутились у одной из задних стен янтарного кабинета. Здесь висела картина, изображавшая одно из морских сражений периода Петра Великого. Я приподнял ее и надавил рукой просто на стенку. Она подавалась вовнутрь, а затем отъехала в сторону.

Опасное путешествие по Зазеркалью

Перед нами открылась внутренняя часть янтарного кабинета в виде конструкций из серебра, на которых покоились янтарные панели, прикрепленные к стене коваными металлическими стержнями. Я зажег свечу и внимательно все осмотрел. Вроде все было в порядке, только в одном месте из-за неплотно подогнанных янтарных накладок пробивался свет, и тянулась струя воздуха, заставлявшая колебаться огонек свечи. Задние конструкции всех панелей были в полном порядке. Собранные в единое целое вот таким образом, они представляли собой специальную камеру, которая, включаясь, создавала определенные вибрации, действующие избирательно и целенаправленно, в зависимости от того, чего кто-то хотел добиться. Именно отсюда шел свет, излучаемый панелями: он поднимался в воздух и распространялся по всей площади, окружая дворец ярким свечением желто-белого света. И от его интенсивности зависела и степень выполнения заданной цели. Когда вихревые потоки начинали биться о стенки панелей, оттуда появлялась всякая нечисть, самых разных форм и начинала свой кошмарный танец, свидетелями чему мы были не так давно. Итак, вроде все нормально, никаких сюрпризов и неожиданностей не

предвещалось. Теперь можно было приступить к решению нашей основной задачи, а именно: если не прекратить, то, по крайней мере, хотя бы уменьшить интенсивность негативного воздействия этого кабинета. Поставив все на место и отпустив запорный механизм, я проинструктировал Эдварда, как себя вести в случае всяких неожиданностей. По мере того как я рисовал ему возможные ситуации, лицо его вытягивалось и приобретало испуганное выражение.

— Неужели все то, что ты мне рассказываешь, — это правда?

— Да, друг мой, это только то, что можно предвидеть, и с чем я уже сталкивался. А то, что еще может произойти и во что оно выльется, — этого никто не знает. Поэтому надо быть морально готовыми ко всему и быстро реагировать. Именно правильная реакция является нашим спасением. Так что соберись и готовься.

Я подошел к тайнику, расположенному слева от камина под декоративной тумбой, и достал оттуда необходимые инструменты для своей специфической работы. На Эдварда я надел уже не раз спасавший меня оберег в виде древнеславянской буквы **Ж**, означавшей здоровье и процветание. Затем мы поднялись на второй этаж и остановились перед зеркалом старинной работы, скрывающим вход в зазеркалье. Перед началом действий я попросил Эдварда надеть темные очки, которые не только закрывали глаза, но и имели темные стекла сбоку. Это являлось очень важным, потому что в тоннеле, в который мы собирались войти, порой изливался

такой яркий и злой свет, что его было видно даже через закрытые веки. Он сбивал с толку и вызывал дезориентацию. А нам необходимо было четко придерживаться своего маршрута. Конечно, путеводителя по зазеркалью не было, но меня всегда выручал мой волшебный перстень, который я надел. Его мерцание указывало нам необходимое направление и предупреждало об опасности.

Глубоко вздохнув и собравшись с духом, я зажег свечу и стал ею водить кругами, нащупывая точку входа. Спецификой перехода была сложность обнаружения точки входа, потому что она постоянно блуждала по зеркальной поверхности. Обнаружить ее и поймать требовало большого искусства и терпения. Постепенно я нащупал искомое место, и когда оно завибрировало, надавил рукой. Зеркальная поверхность отошла в сторону, открыв вход вовнутрь. Перед нами было отверстие с рваными краями, которое постоянно пульсировало, пытаясь восстановить первоначальную форму. Я крикнул Эдварду, чтобы он синхронно повторял мои движения, и мы буквально ввалились вовнутрь и покатались по наклонной поверхности куда-то вперед по слабо освещенному коридору. Вскоре поверхность выровнялась, и мы остановились, столкнувшись друг с другом. Поднявшись на ноги, я осмотрелся. Мы находились перед перекрестком, который имел в своей основе три направления. Казалось бы, чего проще: бери и иди по любому и смотри по сторонам. Если бы у нас была такая возможность, может быть, мы так и по-

ступили бы. Однако наше нахождение здесь лимитировалось горением той свечи, которую мы оставили у входа. Если мы не успеем вовремя, то вход закроется, и мы останемся здесь навсегда. Такая перспектива меня не устраивала, поэтому я выбрал очень большую свечу и по часам отметил время ее горения. Время у нас еще было. Второй проблемой было то, как ориентироваться здесь и не заблудиться. Учитывая то, что стенки тоннелей представляли собой живую субстанцию, делать мелом отметки на ней не было никакой возможности. Поэтому компасом в этом хаосе служил только мой перстень. Повернутый на руке в другую сторону, он четко указывал направление движения обратно. Но пока нам нужно было идти только вперед. Встал вопрос, куда идти: налево, направо или прямо? И никакой подсказки, никакого движения, которое дало бы возможность определить ориентиры.

Внезапно с левой стороны на центральную площадку прямо перед нами выкатился шар и закрутился на месте. Затем, остановившись, он стал раскачиваться из стороны в сторону, пока не замер. Потом из него показалась рука, которая махнула приглашающим жестом, и шар покатился по центральному коридору, призывая нас следовать за ним. Я глянул на перстень. До этого горевший тускло, он стал наполняться ярким светом и словно тянул вперед. Переглянувшись, мы с Эдвардом двинулись за шаром. Я шел впереди, периодически поглядывая на перстень, а англичанин прикрывал сзади. Пока было все нормально. Так мы шли минут пять. Вдруг

шар остановился, подпрыгнул на месте и лопнул в воздухе, пронзенный яркой молнией. Несмотря на очки, вспышка света ослепила нас, и когда мы обрели способность воспринимать действительность, то оказалось, что мы находимся не в коридоре, а в какой-то комнате и являемся свидетелями каких-то ужасных действий.

Вот два чудовища своими третьими руками тащили пятирукого собрата, который жалобно блеял и пытался своим длинным хвостом вытащить бутылку из груди одного из треруких. Тот жестко боролся за свое драгоценное имущество, пресекая все попытки пятирукого. Затем мимо проскакала голова на трех ногах, щелкая зубами налево и направо. А впереди, под потолком, головами вниз сидели три старушки и резались в карты, причем проигравшая должна была принять нормальную позу, то есть перевернуться наоборот, что ей удавалось с трудом. На нас никто не обращал внимания. Я посмотрел на перстень, он горел так же ярко. При повороте налево свечение его падало, при повороте направо происходило то же самое. Значит, нам надо было идти вперед. А куда? Везде мелькали всякие фигуры и предметы, которые, то проносились мимо, то сталкивались с огромным грохотом. Очевидно, это было то, что люди теряли в нормальном мире. Потом они попадали сюда и по инерции летели вперед, пока не находили себе какого-нибудь места. Некоторые пробивали стены и выпрыгивали наверх, пропадая из виду, очевидно, возвращаясь в свой мир. Вполне вероятно, слова

о том, что кто-то теряет, а кто-то находит, являлись сущей правдой. Именно эти вернувшиеся предметы и были находкой для многих людей, так же, как и потери. Без этого мир не мог бы существовать.

Переждав этот звездопад потерянных вещей, я двинулся вперед, маня за собой компаньона. Мы медленно прошли мимо играющих старушек, чуть ли не наступили на хвост прыгающей мышеловке и еле увернулись от пыхтящего монстра, с наслаждением поедающего резиновые шарики. Когда они лопались у него в животе, он заглатывал новые, с наслаждением прислушиваясь к очередному хлопку, одновременно открывая рот для выхода накопившегося воздуха. Недалеко от монстра начинался новый тоннель, непохожий на те, которые мы прошли. Он горел каким-то необычным светом, и по нему ходили разноцветные круги, то собираясь воедино, то разбегаясь в разные стороны. Когда мы подошли поближе, круги приобрели четкие очертания. Если вдалеке они были просто разноцветными огоньками, то приближаясь к выходу, они приобретали очертания кругов с остро заточенными концами, которые как бы охраняли это место от посторонних. Позвонев у входа пару мгновений, они опять уходили вдаль, превращаясь в игривые огоньки. Нам следовало выбрать позицию, чтобы в момент их ухода проскочить вовнутрь, тем более, что и перстень горел ровным интригующим светом. Примерившись, мы в одно мгновение прыгнули вслед за уходящими кольцами и оказались в этом таин-

ственном тоннеле. Над нами сразу стал кружиться рой разноцветных огоньков, словно приглашая поиграть с ними.

Не обращая на них внимания, мы двинулись дальше. По мере нашего продвижения тоннель стал вибрировать – сначала мелкой дрожью, а затем более существенно, заставляя сгибать ноги в коленях, чтобы удержать равновесие. От вибрации по его бокам появились окна, по мере приближения к которым нас встречали страшные рожи, корчившиеся из этих окон. Чего мы только не насмотрелись! Вибрация прекратилась, когда мы достигли золотой клетки, которая висела в конце коридора. За ней была пустота. Осторожно, чтобы сильно не раскачать ее, мы забрались внутрь, так как это был единственный путь дальше. Сначала с клеткой ничего не происходило. Она висела, раскачиваясь от наших неосторожных движений, затем внезапно дернулась, словно рыба, попавшаяся на крючок, и резко пошла вверх, развивая бешеную скорость. Воздух, летевший нам навстречу, вдавил нас в пол клетки, и внезапная остановка дала возможность возобновить спертое от этой гонки дыхание. Лифт висел над бездной, раскачиваясь из стороны в сторону. Напротив дверцы появился портик, словно приглашая нас войти. Я открыл ее и сделал осторожный шаг, ощущая твердую поверхность. Почувствовав нас на себе, портик медленно поплыл к видневшемуся вдалеке входу, который выдавало периодическое свечение разноцветных огней. Войдя внутрь, мы очутились в огромной светлой комнате, в которой не было ничего. Оста-

новившись сначала при входе, мы затем стали обходить ее вдоль стены в поисках возможных дверей, однако пол под нами стал колебаться, менять цветовую гамму и внезапно исчез из виду, открыв нам возможность посмотреть внутрь. Держась за Эдварда, я глянул вниз. И к своему удивлению, увидел панели янтарной комнаты, которые парили в воздухе. То есть это были не натуральные панели, а их образы, которые передавали свое особое состояние реальным панелям, а они передавали его дальше в пространство. Вокруг панелей летали какие-то птички, носившие к ним что-то в клювах, порхали красивые бабочки, своими крыльями стряхивая накопившуюся пыль. Обработанные панели вытирала какая-то белокурая женщина с распущенными волосами. Вытерев их насухо, она ложилась сверху на панель, накрывая ее всю собой, и оставалась там минут десять, словно передавала им какие-то тайны. Очевидно, так происходила зарядка панелей той энергией, которая была необходима на данный момент. На полу лежал кусок какой-то бесформенной массы, который то поднимался, то опускался и при этом тяжело хлопотал. Внезапно, словно почувствовав мой взгляд, женщина подняла голову вверх, и наши глаза встретились. Сначала ее взгляд выражал любопытство, а затем, словно вспомнив что-то страшное, она внезапно закричала пронзительным голосом, от которого заложило уши. Бесформенная масса заколыхалась и стала расти, приобретая очертания спрута, качающегося на тонкой ножке, который всей своей массивной

частью пытался выбраться наверх, чтобы разобраться, в чем дело. Черты лица женщины исказились, и она преобразилась в страшную мегеру, у которой появились огромные зубы и когти. Она поплыла впереди спрута, поднимаясь к нам и издавая устрашающие крики. Я пристально всматривался в ее глаза, и постепенно в моей памяти всплыли очертания ока, которое постоянно преследовало меня. Это были ее глаза, это была она, душа янтарной комнаты, та, которую успел вложить сюда прусский мастер. Однако встретиться нам не пришлось. Почти перед самым носом у них смотровое окно закрылось, и мы снова оказались в пустой комнате, переживая увиденное. Очевидно, таким образом мы были представлены друг другу. И такая своеобразная встреча была как бы обменом визитных карточек. Теперь мы знали о существовании друг друга и искали скорейшей встречи. Я посмотрел на часы. Прошла половина отпущенного мне времени. Надо было быстро выбираться отсюда и там, внизу, искать тех, с которыми мы сейчас только что познакомились.

Схватив ошеломленного Эдварда за руку, я бросился к выходу. Клетка стояла на месте. Как только мы забрались туда, она рухнула вниз. Полет был так стремителен, что, казалось, наши внутренности вот-вот вырвутся наружу. Однако плавная остановка все поставила на свои места. На ватных ногах мы вышли в коридор и остановились, чтобы отдышаться и сориентироваться. Везде в ответвлениях был пульсирующий свет, но кольцо звало нас влево, туда, где мелька-

ли какие-то огоньки. Зная, с чем нам придется встретиться, мы вели себя более уверенно. Быстрым шагом мы достигли очередного перекрестка и застыли на месте. Нас уже ждали. Очевидно, это была первая линия обороны, которая состояла из кучи огромных жаб, возглавляемых бородатым козлом, одетым в штаны, с большой дубиной в руках.

Увидев нас, он проблеял:

–Куда путь д е е ержим, добры молодцы?

–Тебя забыли спросить! – ответил я.

–Велено не пущать! Вас там не ждут, – снова проблеял он.

– А это мы сейчас увидим, – ответил я и надел припасенные для такого случая ежовые рукавицы. Это были специальным образом изготовленные рукавицы, которые с прикосновением к такой вот нечисти вызывали у нее страшную боль и конвульсии. Когда Эдвард экипировался таким же образом, я дал команду на прорыв. Мы двинулись вперед, разметаая на своем пути эту мерзость, которая сразу превращалась в вонючую слизь от соприкосновения с нами. Первым пострадал борогатый козел, который хотел своей дубинкой пригвоздить меня к полу, но, получив удар по своей морде, развернулся рогами назад и улетел, бездыханный, в сторону. Эдвард руками и каблуками давил жаб, выщелкивая их внутренности, которые лопались с громким звуком. Везде стоял шум и кваканье. Еще мгновенье – и мы прорвались вперед. Остановились, чтобы перевести дыхание и убедиться, что нас никто не преследует. Как оказалось, сзади действи-

тельно никого не было. Я глянул на часы – время поджигало. Кивнув партнеру в знак одобрения его действий, мы снова двинулись вперед. Пробежав еще немного, мы наткнулись на обрыв, который шел отвесно вниз. На другой его стороне виднелось какое-то движение. Вдруг оттуда показался летящий шар, который ударился в стоящее возле нас приемное устройство, затем откатился по желобу вбок, и, приподнявшись в воздух, полетел обратно. За ним таким же образом прилетел второй шар, затем третий и так далее. Я понял, что это наш единственный шанс попасть на ту сторону. Объяснив Эдварду, что надо делать, я, изловчившись, когда шар был на подъеме, обхватил его двумя руками и вместе с ним полетел над бездной. Шар был очень гладкий и так и норовил вырваться из рук. Но мне удалось удержаться на нем, так как на мне были ежовые рукавицы, не дающие возможности моим рукам соскользнуть вниз. Затем мы нырнули в приемное устройство, при этом я в него не вписался и, получив удар по плечу, откатился в сторону. Через пару шаров показалась голова летящего Эдварда. Он сцепил руки замком и обхватил шар ногами. Казалось, и зубами он держится за него, опасаясь упасть вниз. Повторив мои действия по приземлению, он опустился в изнеможении рядом со мною. А шары продолжали летать, с громким стуком падая в желоба.

Передохнув немного, мы двинулись дальше, сверяясь на ходу со свечением перстня, горевшего ровным огнем. Усталость была по нервам, заставляя вздрагивать от любого шо-

роха. На каждом повороте мы ожидали подвоха или какой-нибудь неприятности, готовой ударить по нашим эмоциям и привести их в шоковое состояние. Поэтому осторожно, исследуя любой подозрительный угол, мы медленно продвигались вперед. Вскоре мы вышли на тихую площадь, где ровным счетом ничего не происходило. Только медленно вниз падали хлопья снега, покрывая своим белым пухом пол. Но холодно не было. Это в какой-то степени насторожило меня. Ведь не бывает снега без холодной погоды. А значит, здесь какой-то подвох. Подав знак Эдварду, чтобы он был осторожен, я медленно вошел в снегопад и поднял голову, чтобы увидеть, откуда все это берется.

Только я поднял голову вверх, как все преобразилось. Снег застыл на месте, а вместо него на меня стали сыпаться небольшие льдинки, которые постепенно увеличивались в размерах и медленно планировали вниз. Первоначально они были кристально чистыми, а затем на них стали появляться какие-то знаки, рисунки, тексты, а потом прямо пошли какие-то картинки с узнаваемыми лицами. Вот царевич Алексей на деревянной лошадке несется куда-то вскачь, а вот Александра Федоровна вычитывает детей за какой-то проступок, а это сам император курит свою папиросу и задумчиво смотрит вперед. Интересно, что он там видит? Эти льдинки – картинки планировали вниз и, достигнув пола, разбивались вдребезги, оставляя после себя осколки то ли льда, то ли горькой судьбы, которую каждый из нас когда-нибудь

испытал, хоть один раз. Для многих это было очень горькое испытание, ставившее перед выбором: или вперед, или назад. И очень мало было таких людей, которые, невзирая на трудности, выбирали дорогу только вперед. Труден и тяжел был их путь, но в итоге они получали то, чего хотели. Правда, и цена этого была довольно высокой.

Так и сейчас, глядя на летящие картинки, я пытался определить, что они несут в себе, о чем предупреждают, что хотят сообщить мне. Ведь все это не просто так. Нужно уметь прочесть их. Надо покопаться в своих мозгах и увидеть все со стороны, особенно то, что не понятно вблизи. На расстоянии все видится по-другому, более объективно, более правдиво. Решив взять все это на заметку, чтобы на досуге разобраться в этом, я двинулся дальше. По мере моего продвижения вперед ледяной вальс уменьшал свою интенсивность, словно давая мне возможность следовать дальше.

А дальше пошло так, как никто этого не ожидал. Войдя в сопредельную комнату, мы столкнулись с какофонией музыки и света. Причем музыка действовала на свет, а он в свою очередь различными руладами проходил по музыке. Она, то замирала, словно в измождении, то, наоборот, взрывалась аккордами, заставлявшими бешено колотиться сердце и замирать дыхание. Идущий сзади Эдвард то сгибался, то разгибался в такт музыке и пытался закрыть уши руками, но это мало помогало. Постепенно среди музыки стали появляться какие-то образы, очевидно, навеянные мелодией. Сначала

ла они были аморфными, а затем стали приобретать четкие очертания. В основном это были человеческие лица в разных эмоциональных состояниях. Они то приближались, то удалялись, закручивая хоровод вокруг нас, как вдруг буквально перед нами ударила молния, мгновенно превратившая их в дым. Постепенно из этого дыма стало вырисовываться чье-то женское лицо, кокетливо посматривавшее на нас сквозь дымную пелену. Оно было красивым и в то же время отталкивающим, словно какая-то червоточина сидела там внутри. Внимательный взгляд изучал нас и сторожил каждое наше движение. Музыка постепенно затихала, и на фоне белой стены во весь рост стала подниматься женская фигура, с распущенными белыми волосами, восседающая на какой-то серой массе необъятных очертаний. Когда процесс трансформации был закончен, она соскочила со своего живого кресла и пошла к нам. По мере приближения выражение лица ее менялось. Оно заострялось, приобретая черты хищника, вышедшего на охоту за добычей. Метра за два до нас она превратилась в настоящего монстра с вытянутой шеей и горящими глазами. С диким криком она бросилась на нас, очевидно, желая разорвать нас на куски. В движение пришло и бесформенное тело, находящееся рядом с ней. Оно заколыхалось и двинулось в нашу сторону, оставляя на полу грязные следы. Неумолимый визг перерос в однотонный вой и наполнил собой все вокруг, заставляя вибрировать тело. Еще мгновение – и мы будем раздавлены. Отступить и бежать было поздно.

И мы в одно мгновение с Эдвардом бросились вперед на мегеру, несущуюся на нас, решив как можно дороже продать свою жизнь. Еще секунда – и вот мы сталкиваемся на лету. И о чудо! Безболезненно проносимся сквозь нее и приземляемся на другой стороне. А она, ошеломленная не меньше нашего, вместе со своим монстром исчезает в стенке коридора, разочарованно вопя и плача.

Силы наши были уже на исходе, а приключения, как я понял, только начинались. Я помог подняться с пола уставшему Эдварду, и мы медленно побрели дальше. Теперь наш путь лежал по территории, окутанной туманом. Он, казалось, проникал повсюду и медленно обволакивал все, что можно было спрятать. Идти было неприятно, так как казалось, что вот– вот что-то где-то внезапно может выскочить из тумана. Но выхода не было, и мы брели на ощупь. Очевидно, то, что с нами сейчас происходит в зазеркалье, происходит и в жизни. Ведь не все там бывает гладко и ладно. Порой на тебя так находит, что ты живешь, как в тумане, и не знаешь, как выбраться из него. А порой тебя грызет тоска зеленая, покруче того монстра, который встретился нам. А иногда стоишь перед выбором – куда идти. Или бросаешься сломя голову вперед, а там – будь что будет! И все это отражается здесь, как и в жизни там, только немного по-другому. Так мы брели, пошатываясь и помогая друг другу.

Внезапно туман рассеялся, и мы оказались на светлой поляне, а впереди вырисовывались какие-то конструкции. По-

дойдя ближе, я узнал панели янтарной комнаты. Только они были вывернуты наизнанку и имели другие формы. По ним пробегали искры, и казалось, что вся комната покрыта бегаящими огоньками. Скорее всего, происходила зарядка панелей. Но где же прячется тот, кто руководит этой кухней? В прошлый раз я не успел его изолировать полностью. Вполне очевидно, что за прошедшее время оно восстановило свои силы и нарастило потенциал. Вон, каким ровным светом горят огоньки. Если бы было мало сил, они так бы не бегали. Пора было готовиться к решительной схватке.

Я толкнул Эдварда, зачарованно смотревшего на порхающие огоньки, и мы надели ежовые рукавицы, плотно прикрепили очки. Кроме этого, я проверил специальную сумку, куда намеревался посадить в случае успеха то, что мы поймаем. Эдвард принял боевую стойку, и мы медленно пошли вперед. Постепенно продвигаясь, шаг за шагом, мы достигли центра комнаты, где стояла какая-то ширма, внутри которой происходили непонятные вещи, заставлявшие ее колебаться то в одну, то в другую сторону. Я медленно отодвинул ее и увидел зависший в воздухе белый шар, от которого шли лучи к панелям, полным бегаящих огоньков. Шар то наливался белым светом, то становился блеклым, когда выстреливал его через свои лучи. А панели, в свою очередь, приобретали другие очертания, вбирая в себя этот свет и выпрямляясь в пространстве. Не веря в удачу, я открыл сумку и, бросившись вперед, постарался накрыть ею этот обжигающий

шар. Вроде бы мне это удалось, но в самый последний момент шар, поняв, что попал в ловушку, сбросил свои лучи и рванулся в сторону. Та часть его которая была накрыта сумкой, так и осталась в ней, а та, которая была ниже ее края, как бы оторвалась и, плюя огненными сполохами, бросилась в сторону, рассыпаясь, как и в прошлый раз, на мелкие шарики, которые, как живые, бросились прятаться, кто куда. Эдвард, стоящий у них на пути, сколько мог, хватал их своими рукавицами и бросал в сумку. Однако части из них все равно удалось спрятаться, и достать их не было никакой возможности ни технически, ни по времени. Панели стали медленно подрагивать, нервно мерцать и опускаться вниз, так как их зарядка не была закончена.

«Ну вот, – подумал я. – Все, что могли, мы сделали. Теперь необходимо срочно бежать к выходу, так как времени было в обрез».

И мы, вдохновленные успехом, побежали, что было сил, не обращая ни на что внимания, стараясь как можно быстрее достичь желаемого финиша. Обратный путь оказался намного легче, больших препятствий почти не было, а с маленькими мы справлялись легко. Вскоре показался заветный коридор, в конце которого тлел огонек свечи. Мы подоспели туда вовремя. Когда я протолкнул Эдварда и еле выбрался сам, свеча, немного помигав, погасла, и мерцающий вход с громким хлопаньем закрылся, отхватив с моего сапога кусок каблука. Если бы я чуть–чуть замешкался, меня бы раз-

резало пополам.

Теперь необходимо было разобраться с тем, что мы отловили в зазеркалье. Оно напоминало о себе непрерывным дерганьем в сумке и температурой, во много раз превосходящей температуру тела человека. И Эдвард чувствовал себя неуютно, держа свою сумку на вытянутой руке. Пока обстановка благоприятствовала, необходимо было приступить к очищению. Для этого существовал только один способ.

Я положил сумки на пол, затем из тайника вынул сосуд со священной водой и специальную щетку для ее разбрызгивания. Попросив Эдварда отойти в сторону, я стал читать молитвы и одновременно брызгать святой водой на сумки. После первых брызг сумки стали подпрыгивать чуть ли не до потолка. Вскоре из них раздался жалобный вой. По мере накала процедуры очищения сумки съеживались, и активность заключенных в них сущностей падала. В конце концов, подпрыгнув в последний раз, они растеклись и превратились в бесформенную и уже никому не опасную слизь. Теперь следовало их в сумках вынести во двор и закопать, что мы позже и сделали. Сама процедура заняла у нас около часа. Теперь необходимо было осмотреть комнаты, где находилась царская семья, и особенно кабинет императора. Приведя все в порядок, мы под предлогом осмотра каминов и дымоходов стали осматривать жилые комнаты. В целом они были в запущенном состоянии. Никто здесь не следил за чистотой. С другой стороны, это было нам на руку, потому что если

и был оставлен какой-то знак, то он в такой ситуации мог сохраниться в целости и сохранности. Осмотр трех находящихся рядом комнат не дал ничего. Пока мы изучали их, пришел наш сопровождающий поинтересоваться, как идут дела и «почесать язык». Удовлетворив своё любопытство, он ушел, а мы двинулись дальше, методически тщательно осматривая все вокруг. Пока ничего такого не было, даже намеков на то, что могло бы привлечь к себе наше внимание. Наконец, мы добрались до кабинета императора. Здесь еще стоял запах папирос, которые он любил курить, а на столе стояла пепельница, куда он складывал окурки.

Мы с Эдвардом разделились. Он пошел справа налево вдоль комнаты, а я наоборот. Я предупредил его, чтобы искал малейшие детали, которые выбиваются из общего фона этой комнаты, то есть то, что вызывает у него хоть малейшее сомнение. Мы стали медленно продвигаться вперед. Я внимательно осматривал стулья, картины, висевшие на стенке, приставной столик, набор ниток и пялец, лежащий на нем, но все тщетно. Ничего экстраординарного не было видно. Та же самая ситуация была и у Эдварда. Наконец я подошел к письменному столу, за которым так любил проводить время император. На первый взгляд здесь все было, как всегда: тот же письменный прибор, кресло, чуть отодвинутое в сторону, костяной нож для нарезки бумаги, коробка спичек, лежащая возле пепельницы. Посмотрев еще раз на все это более внимательно, я двинулся дальше. Книжная полка с приоткрытой

дверцей, напольные большие часы и секретер, тоже не привлекли моего внимания. Я посмотрел на англичанина. Тот только пожал плечами, показывая, что и у него тоже нет ничего интересного.

И все – таки интуиция мне подсказывала, что здесь есть что-то, что должно заинтересовать нас. Я решил снова пройтись по своему участку. Но это опять ничего не давало. В очередной раз я очутился возле стола, только с другой стороны. И мне сразу бросилось в глаза то, как были расположены пепельница и коробок спичек. Они составляли своеобразную метку, которая одним концом указывала куда-то. Куда? Подойдя ближе, я увидел, что эта своеобразная стрела указывала на настенные часы. Подойдя к ним, я дернул за ручку дверцы, но она оказалась закрытой. Хорошо, что я знал, что ключ находится сзади футляра часов, достал его и открыл дверцу. Теперь предстояло определить, что и где может быть спрятано. Это сложная проблема, потому что специалист прячет что-нибудь так, чтобы оно было на видном месте и потому оставалось незаметным. Простой обыватель, наоборот, стремится все спрятать дальше и глубже, а потому сразу и выдает свою тайну. Но здесь был особый случай. Поэтому следовало напрячь мозги, чтобы вычислить место тайника. Но все оказалось довольно просто. Тайник находился в металлической гире, висевшей на цепочке и служившей для завода. Снизу она откручивалась, и там находилось отверстие, в которое затолкали листок бумаги, исписанный мел-

ким почерком.

Развернув его, я узнал почерк царя. В тайной записке он сообщал, что их скорее всего увезут из Царского Села из-за страха, что семья попадёт к немцам, которые почему-то внешне окружили Петроград. Император далее написал, что в последнее время все они стали чувствовать себя очень плохо. Усилилось сердцебиение, и всех стали преследовать затяжные головные боли. В конце записки звучала просьба о том, чтобы я поторопился и предпринял энергичные шаги по их освобождению, потому что им намекали на какие-то события, которые вскоре должны произойти. А он почему-то боится этих событий, хотя это вполне может быть то, что давно ему предсказывали. Внизу стояла его размашистая подпись.

Забрав эту записку и приведя все в порядок, мы поторопились на выход, потому как время было совсем позднее. В караульном помещении почти все спали. Только полусонный дневальный махнул нам на прощание рукой и открыл двери, выпуская нас в темный парк. Ярко светила луна, а мои часы показывали четыре часа утра. Во дворец нам показываться было нельзя. Оставались два направления: на станцию или в поселок. Посоветовавшись, мы решили, что пойдем на станцию и к утру дойдем туда. А там первым поездом поедем в Петроград. Идти решили не через лес, а по дороге, благо, было достаточно светло, чтобы обходить различные колдобины. Продвигаясь мимо леса, мы вооружились

приличными дубинками, на всякий случай, чтобы при необходимости можно было отбиться от всяких неприятностей. Подняв воротники пальто, мы быстрым шагом двинулись в сторону железнодорожной станции. К семи часам без особых происшествий мы достигли железнодорожного вокзала. Поезд обещали минут через двадцать, поэтому у нас было время немного отдохнуть и осмотреться. Народ суетился на перроне, готовясь штурмом взять состав и занять удобные места. В основном это были старики и женщины. Солдат и матросов было мало, им в принципе здесь нечего было делать. Стояла предрассветная мгла. Казалось, еще чуть-чуть – и день полностью вступит в свои права. Раздался гудок паровоза, и все приготовились к рывку. Однако в этот момент там, где находился дворец, над небом поднялось багровое зарево. Все моментально повернули головы туда, пытаясь выяснить, что происходит. Многие крестились, глядя, как разгорается небосвод. И вдруг с земли по небосводу стала подниматься какая-то непонятная фигура, которая постепенно увеличивалась в размерах. И вскоре перед перепуганными людьми промчалась вверх на огромном фаэтоне, запряженном страшного вида волкодавами, белокурая женщина, изрыгая страшные проклятия. Она устремлялась всё выше на фоне восходящего солнца, превращаясь в маленький комочек, пока совсем не испарилась перед его лучами. Это была та, которая так безуспешно пыталась напасть на нас. Теперь, очевидно, пришел ее черед, и она была выброшена вон на по-

гибель той силой, которая таилась в янтарной комнате. Весь народ после такого представления был в ужасе. Даже посадка в уже стоявший под парами состав прошла на удивление спокойно. Люди всю дорогу обсуждали увиденное, пытаясь определить, что это за знак такой и какие из этого надо сделать выводы. Для меня же было понятно, что наша борьба не закончилась и все у нас впереди, хотя своему врагу мы нанесли серьезный урон. Мы выиграли время, которое было нам необходимо для наших дальнейших действий по выполнению той миссии, ради которой мы оказались здесь.

К вечеру мы прибыли в Петроград, и вместе с нами прибыла очередная весть о страшном видении в Царском Селе. Эти слухи моментально распространились по городу, обрстая все новыми подробностями и пугая людей. Хотя, если честно говорить, увиденная картина была довольно впечатляющей. Эта разъяренная красивая белокурая женщина со звериным оскалом на лице, и горящие волчьи морды, из пасти которых во все стороны летела мокрая пена, кого хочешь приведут в нервное расстройство, я уже даже не говорю о других возможных последствиях такого зрелища.

Ворвавшись в пыльную квартиру, мы быстро привели себя в порядок и отправились спать, чтобы снять нервное напряжение и усталость. Перед этим Эдвард, налив виски, принялся разглагольствовать, пытаясь привести свои нервы в порядок.

—Что за страна? Что за обычаи? Что за нравы? Где еще та-

кое можно увидеть и испытать на своей шкуре? И чем дальше мы заходим в наших изысканиях, тем круче разворачиваются события. И причем они зависят не от людей, не от обстоятельств, а от какой-то потусторонней силы, которая вмешивается в наши судьбы и пытается руководить нами. И мы никак не можем ее не только поймать, но и определить! Вот что самое страшное. А что дальше?

И с этими словами он залпом выпил полстакана виски. Затем налил еще и многозначительно посмотрел на меня.

– Да, давай уж и мне налей, чего пить в одиночку. Я понимаю, тебе пришлось испытать такое, что не каждому дано. Даже если ты расскажешь дома, все равно тебе не поверят. Ну не может быть такого на этом свете! А то, что мы были с тобой в совершенно другом мире, куда забраться может не всякий, им и в голову не придет. Но ты пей и говори. Хуже, когда все держишь в себе. Оно начинает тебя разъедать изнутри, накапливаясь постоянно, пока ты не будешь готов заржать от безысходности. А когда ты вот так приводишь себя в порядок, – это намного легче.

Эдвард внимательно смотрел на меня и одновременно прислушивался к тем процессам, которые происходили где-то там, в глубине души, словно прикидывая, в какую сторону его уведет. Подмигнув ему, я одним духом выпил стакан и аккуратно поставил его на стол.

– Конечно, ты где-то прав, – выдавил англичанин, – но все равно тяжело после такого приводить себя в порядок. Полу-

чается, что нам противостоят не только люди, но и еще кое-что, что руководит этими людьми. Именно это и страшно, страшно, потому что непонятно.

–Придет время, пойдем, а пока не забивай себе голову неизвестно чем. Давай еще выпьем по чуть-чуть и затем хорошо отдохнем, ведь дальнейший путь у нас не близкий. Нам нужно срочно отправляться в Екатеринбург. А это на Урале, где морозно и холодно, так что завтра подумаем, что нам взять с собой. А сейчас, спокойной ночи.

И я отправился спать. Эдвард еще какое-то время сидел в одиночестве, бряцал стаканом, разговаривал сам с собой, а затем затих. Очевидно, тоже пришла его пора отдохнуть.

Утро было туманным и мрачным. Болело все тело, болела голова, ничего не хотелось делать – только лежать, и вслушиваться в свою боль, и жалеть себя. Но это был самый худший из имеющихся вариантов подъема. Я выбрал оптимальный, заставив себя быстро подняться, сделать зарядку и принять холодный душ. Эдвард еще был в объятиях Морфея, поэтому заваривать кофе была моя очередь. Взяв кофемолку, я приступил к приготовлению напитка. Запах свежего кофе наполнил всю квартиру и заставил англичанина идти на этот аромат. Так в накинутаом одеяле он и нарисовался на пороге кухни.

–И мне, пожалуйста, налей быстрее, а то голова болит – прошептал он, широко зевая.

Я не преминул выполнить его просьбу и поставил на стол

налитую чашку кофе. Он сел, отхлебнул глоток и удовлетворенно затих, оставаясь по-прежнему с закрытыми глазами. Я оставил его наедине с удовольствием и пошел в свою комнату. Нужно было продумать варианты одежды и необходимый минимум вещей и продуктов, который понадобится нам в дороге. А дорога предстояла неблизкая, особенно теперь, когда железнодорожную линию в разных местах пересекала гражданская война. Ее разрезали на куски все, кому было не лень, использовали, грабили, насиловали, взрывали, а потом опять восстанавливали, чтобы пользоваться ее услугами. И она, многострадальная, тянула всех на себе тихо и безропотно. И нам придется пользоваться ее услугами, потому что другого пути добраться до Екатеринбурга просто не было. Какую роль играть в этой поездке? Роль отставного офицера – чревато непредсказуемыми последствиями; роль чекиста – то же самое; на солдат и рабочих мы с Эдвардом явно не походили, поэтому оставалась только одна роль: роль инженера – интеллигента. Значит, следовало из имеющегося гардероба подобрать соответствующую одежду, заготовить документы и продукты. Не теряя времени, я приступил к подготовительным работам. Все, что более менее, подходило под нашу новую роль, было вытащено из шкафа и разложено на кровати. Окончательно проснувшийся Эдвард был изумлен представшим его взору ворохом одежды. Он вопросительно посмотрел на меня.

– Не будете ли вы так любезны, сэр, примерить что-нибудь

из этого, чтобы определить, в чем вы поедете в дальнее путешествие, – прокомментировал я увиденное.

–А кем я должен теперь быть? – спросил он.

–Тем, кем и был раньше – инженером путей и сообщений, который пробирается к своей семье, оставленной в Екатеринбурге – разъяснил я ему.

–Тогда все понятно, – и Эдвард стал примерять одежду.

Где-то через час, мы отобрали нужные нам вещи и сложили в два небольших фибровых чемодана, которые необходимо было иметь инженеру. Затем так же тщательно мы подошли и к отбору продуктов, так как нам нужно было ехать не один день. Из оружия взяли только ножи, привезенные из Англии, и трость, которая выручала меня не раз. В случае надобности оружие мы можем добыть на месте, а так оно только будет мешать, вызывая всякие подозрения у различных чиновников, которые на том или ином участке управляли железной дорогой. В документы мы вложили фотографии наших мнимых семей, к которым пробирались на воссоединение. В принципе, приготовления были закончены в первой половине дня. Вторую я решил использовать для того, чтобы разведать обстановку в городе и на железной дороге, чтобы знать, с кем придется встретиться и как себя вести. Перед выходом я созвонился с Андреем и назначил ему встречу. Эдвард тоже подключился к этому процессу и ушел в город на разведку.

Встреча с моим помощником была на редкость продук-

тивной. Он в общем объеме владел информацией о положении дел на железной дороге и в Екатеринбурге. Город был окружен армией генерала Деникина и вот-вот мог быть взят. Что касается железной дороги, то здесь ситуация была сложнее. Сама железнодорожная линия никого не интересовала. Борьба шла в основном за железнодорожные станции и те грузы, которые там имелись. Кроме основных сил, разделенных на белых и красных, кусок пожирнее пытались отхватить всякие мелкие банды. Именно они останавливали и грабили поезда, издеваясь над пассажирами. И не было никаких сил положить конец этому беспределу. Невзирая на такие сложности люди все равно пускались в этот опасный путь с надеждой на благополучный исход. И нас судьба направляла сюда, чтобы пройти те испытания, которые будут уготованы на этом пути. Расспросив Андрея об обстановке в городе и на фронте, я отправился домой.

Забудь вас просто я не в силах

Проходя мимо Мариинского театра, я увидел свет в гримерной Верочки, и мне почему-то сразу стало очень тоскливо на душе при воспоминании об этом чудесном создании, которое остается здесь и так нуждается в защите. Несмотря на поздний час, я решил нанести ей визит. Когда мы еще увидимся? Ведь время так быстротечно. И обстоятельства не всегда нас встречают с распротёртыми объятиями. Пришлось долго стучать в дверь, пока заспанный дежурный-инвалид не подошел к двери.

– Чаво надо? – прокричал он в приоткрытое оконце в двери.

– Послушай, братец, – начал я на понятном ему языке, – мне бы свидеться с одной из артисток, а то я завтра рано утром уезжаю. Так что, будь добр, подсоби! – и одновременно сунул ему в окно пять рублей, которые моментально исчезли в его руке.

– Ну, так бы сразу и сказал, что надо повидаться, – ответил бывший солдат и загремел ключами, отпирая дверь.

Он приоткрыл ее чуть-чуть, настолько, чтобы я смог еле пролезть сквозь образовавшуюся щель, и сразу закрыл дверь.

– Второй этаж налево, – произнес он, зевая, – уходить будешь, покричи, я дверь-то и открою.

–Спасибо, – ответил я и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Побродив по темным переходам при помощи спичек, я, наконец, отыскал примерную. За дверью было тихо.

–Может быть, спит, – подумал я, но все равно решил постучать. Не уходить же, не попробовав сделать что-нибудь!

На мой стук не последовало никакого ответа. Я тогда стал стучать погромче и, наконец, услышал долгожданное «Кто там?».

Представившись, я попросил Верочку принять меня. Она засмушалась и попросила дать ей время, чтобы привести себя в порядок. Минут через двадцать дверь открылась, и на пороге появилась принаряженная артистка, держа в руке керосиновый фонарь.

–Прошу, Владимир, – пригласила она меня вовнутрь.

Я, неловко, порой касаясь ее тела, проскользнул в примерную, и остановился посередине комнаты.

–Прошу вас сюда, – и она указала на диван, стоящий возле примерного столика.

Я присел, а она опустилась на другую сторону и, внимательно посмотрев на меня, ласково спросила:

–Что вас привело сюда в столь поздний час?

–Да, право не знаю, как и сказать, – начал я, смущаясь. Затем, набравшись храбрости, выпалил:

– Пришел попрощаться с вами, завтра мы уезжаем очень далеко, и я не знаю, увидимся ли с вами еще когда-нибудь!

–Печальная новость, ответила она, – право, не знаю, как реагировать на ваше известие. Со столькими близкими людьми уже пришлось расстаться, и вот теперь вы, ваша очередь, печально.

Она покрутила своей прелестной головкой и, нахмутив брови, отвернулась от меня. Посидев так немного, она затем снова встряхнула головой и, повернувшись ко мне, предложила:

–Знаете что, раз такое дело, давайте пить шампанское. У меня еще со старых времен сохранилась бутылка.

–Право, не знаю, – ответил я.– Пришел к даме с пустыми руками.

–Полноте вам. Сейчас время такое непонятное, поэтому все мы живем только одним днем. Прожили – и слава Богу.

С этими словами она подошла к гримерному столику и достала оттуда бутылку шампанского. Затем, словно ниоткуда, в ее руках появились фужеры, а на столе уютно разместилось зеленое пахучее яблоко.

–Ну, надеюсь, вы не забыли, как открывать шампанское? – и она придвинула бутылку ко мне поближе.

Я взял ее за горлышко, наклонил и стал снимать серебряную фольгу. Потом очередь дошла до пробки, закрученной железной проволокой. Наконец раздался хлопок, и пенящийся напиток наполнил наши фужеры. Она взяла один из них и, глубоко вздохнув, произнесла:

–Давайте выпьем за нас с вами, чтобы мы могли все это

пережить и встретиться после всего как можно быстрее. Дай Бог нам здоровья и надежды, пусть он не оставит нас своим вниманием.

И с этими словами она до дна выпила шампанское. Я последовал ее примеру, а затем, вытащив нож, ровными дольками нарезал яблоко. Первый фужер шампанского подействовал расслабляющим образом. По мере того как оно наполняло наши тела, мы находили всё больше общих тем для разговора, вспоминали старых друзей и вечеринки, наполненные юмором и музыкой, романсами и стихами. Мы внимали тогда каждому произнесенному слову, оказывали друг другу всевозможные знаки внимания и просто жили, несясь по свету как угорелые. Но, увы, это прекрасное время прошло, и за окном нас ждала уже совершенно другая жизнь. На этой грустной ноте я наполнил по второму бокалу. Она взяла его, повертела в руке, думая о чем-то своем, а затем, глядя прямо мне в глаза, сказала:

–А давайте выпьем с вами на брудершафт. Ведь мы знакомы достаточно давно, а ни разу с вами по этому поводу не пили.

–Да не с руки как-то было. У вас были свои интересы, а у меня своя служба,– ответил я.

–Да, понимаю, но, тем не менее, ничто не мешает нам сделать это прямо сейчас.

–Полностью разделяю ваше мнение, – сказал я, и наши руки с бокалами сблизились.

Мы одновременно выпили шампанское, а затем она с закрытыми глазами потянулась ко мне своими чуть приоткрытыми губами. Я осторожно поцеловал, вбирая в себя не только их, но и тот восхитительный запах, который исходил от нее. Она пахла и настоящей женщиной, готовой на любовный подвиг, и забытым прошлым, порой напоминающим о себе, и непередаваемым запахом театра, в котором перемешивается все, что есть на свете. Ибо театр через артиста говорит и спорит с нами, учит и направляет нас, показывая жизнь такой, какая она есть или может быть. А уж дело зрителя, как все это воспринимать. И если артист талантлив, полон творческих сил, то в его душе переплетается столько жизней, сколько он играл ролей на сцене. Ведь каждая из них оставляет в нем свой след. Вот почему артисты так ранимы и так тяжело переносят неудачи, порой впадая в психоз. Что касается Верочки, то она все делала от души. И вот этот поцелуй вобрал весь её внутренний пыл и нерастроченное желание любить и быть любимой. Ведь если мы кого-то любили, а затем с ним расстались, то это не значит, что мы забыли друг друга. Наоборот, мы оставляем в своей душе след, который напоминает о себе или зеленой тоской, или буйным весельем, но никогда не пропадает, а остается с нами навсегда. И если человек вдруг хочет вернуть все на круги своя, то он это может сделать сам, только при условии сильного желания. Бывает, так защемит в душе при воспоминании о прошлом, о той единственной, которую потерял в силу различ-

ных причин, что ты готов бежать хоть на край света, чтобы увидеть ее. Но как это сделать? Надо просто сесть и спокойно представить себе ее образ и начать вести разговор, вспоминая о том хорошем, что было между вами. И она откликнется на ваш зов, где бы ни была, и даже, может быть, придет к вам. Только дело в том, что за это время она стала другой, а о той, которую вы не можете забыть, напоминают только любимые черты, да и те уже немного не те. Порой бывает, что даже в них люди узнают тот незабываемый образ, который был так дорог, и страсть или любовь вспыхивает с новой силой, наполняя все ваше сознание совершенно новым содержанием. Но часто бывает по-другому: когда прошлое просто не хочется возвращать, потому что оно действительно стало прошлым.

Здесь же было все, как в первый раз. Ее губы имели горьковатый вкус, который возбуждал, отталкивал и одновременно притягивал к себе. Хотелось его пить и пить, не останавливаясь, и улетать в заоблачную даль с этим долгим поцелуем. Наконец, мы оторвались друг от друга, и она, глубоко вздохнув, открыла глаза, томно взглянув на меня. Я был сражен ее искренностью – никакого жеманства и сюсюканья.

–Хочу еще шампанского, – воскликнула она, поднося свой фужер ко мне.

Я исполнил ее желание, наполнив его до краев, затем налил себе.

–Хочу выпить за нас с вами, – сказала она, – за то, чтобы

мы хоть на время забыли о том, что происходит за окном, и принадлежали только друг другу.

Сраженный ее прямоотой, я нежно поцеловал ее ручку, а затем и щечку. Она, выпив шампанское до дна, обеими руками притянула мою голову к себе и осыпала мое лицо поцелуями. На пол полетели предметы женского туалета, и она забилась в моих руках, подставляя то одну, то другую сторону. Я, как орел, парил над ней, а она только томно вздыхала и тихонечко охала в ответ на мои нежности. Потом настал ее черед. Она воспарила надо мной, словно горлица, и с нежным урчанием стала предаваться любовным утехам. Она вытворяла со мной всё, что хотела, попеременно то поднимая меня к вершинам наслаждения, то отправляя в пропасть сладострастия, при этом не забывая подстелить мягкой соломки. Весь диван ходил ходуном, но держался стойко, его кожаная обивка вся покрылась потом, но это не мешало нам. Когда мы закончили свои любовные игры, она тихонько сказала:

–По-моему, я научилась летать!

–Это же чудесно, – ответил я, покрывая все ее тело поцелуями. – О таком только стоит мечтать, а ты уже знаешь, как это делать.

Потом мы отдыхали, нежась, под ласками друг друга. Затем мы снова повторили полет, но уже наполнили его новым содержанием. Это дало нам ощущение свободы и вседозволенности, когда любые ласки приносят только удовольствие.

Потом снова были полеты, но накала тех страстей, которые мы испытали в первый раз, уже не было. Под утро я, тихонько одевшись и нежно поцеловав свою пассию, выскочил на улицу, надеясь как можно быстрее добраться домой. Эдвард, наверное, уже готов поднять тревогу. Идти пришлось пешком. Раза три меня останавливали патрули и проверяли документы. Меня выручал мандат московской ЧК, который давал возможность разгуливать даже среди ночи. Наконец где-то, через час, с ранними петухами я добрался домой.

Эдвард долго не открывал дверь, пытаюсь выяснить со сна, я это или нет. В конце концов, он впустил меня, предприняв всевозможные меры предосторожности, и сразу закрыл дверь.

—Ну вот, сидишь тут, переживаешь, а он где-то разгуливает целую ночь. Я уже и не знал, что думать и где тебя разыскивать.

—Да не ворчи ты, как старый дед, — прервал его я. — Пришлось выяснять важные моменты нашего путешествия. Ты лучше скажи, что ты узнал о том, что для нас может представлять интерес.

—Да ничего такого экстраординарного. Все чего-то выжидают. То ли мира с немцами, то ли продолжения войны. О царской семье и не вспоминают. Как будто ее и не было. Короче говоря, эта тема им не интересна. Что там происходит в Екатеринбурге, они не знают и их это не сильно волнует. Для них главное, кто в стране будет у власти. Так что с моей

стороны ничего нет интересного. А у тебя как?

Я рассказал ему все, что мне удалось узнать. Обрисовал ситуацию, сложившуюся по маршруту нашей поездки, и попросил совета, как лучше нам добраться до места назначения. И мы, сев за стол, стали составлять план наших действий. Одно из главных правил, которое мы определили, – это не нарываться на неприятности. Второе правило: если они появились, то действовать по обстановке и выходить из них с минимальными потерями. Для всех властей, с которыми мы встретимся, должен быть один ответ: мы инженеры. И будем стараться всех в этом убеждать. Документы беречь как зеницу ока – без них мы никто. В сложных ситуациях пытаться прорваться на плечах противника или сопровождающих, используя их как своего рода щит.

Эти нехитрые правила должны будут помочь нам пройти по маршруту с наименьшими возможными потерями. Определившись с планом действий, я предложил съездить на вокзал, чтобы выяснить, чем и когда можно будет отправиться в Екатеринбург.

Место назначения Екатеринбург

Учитывая, что мы практически все свое время проводили в дороге, то вокзальная суэта стала нам очень сильно действовать на нервы. Этот вечный лязг вагонных составов, невообразимый шум сотен голосов и этот запах, от которого нельзя было спрятаться нигде, – они витали повсюду и доставали тебя везде. Часа два мы потратили на поиски достоверных сведений о поезде, который будет следовать в нашем направлении. Это подсказал нам путевой обходчик и указал место, где будет стоять состав. Он повезет на фронт команду красноармейцев, и к составу будут прицеплены четыре вагона. Более точно он ничего не мог сказать, но и этого нам было достаточно. Состав отправлялся в двенадцать часов дня, поэтому мы решили, что уже в восемь утра нам необходимо быть на месте.

Так мы и сделали, прибыв утром следующего дня ровно в восемь. Это дало нам возможность почти с комфортом разместиться в полупустом вагоне. Красноармейцев еще не было, и мы спокойно созерцали, как пассажиры, суетсяь и подпрыгивая, занимают места. Вскоре приехали солдаты. Это была сборная команда, наполовину состоявшая из анархистов. Разместившись в своих вагонах, они моментально прошлись по остальным, нагло отбирая все то, что им нравилось, или лежало, по их мнению, не там, где надо. Возмущенным

пассажирам они совали ствол маузера под нос, заявляя, что за проезд надо платить. К нам ворвался невысокий малый в бескозырке с огромным револьвером, но, увидев наши глаза, которые не предвещали ему ничего хорошего, он стушевался и тонким фальцетом пропищал:

–Ша, братва, сидеть тихо!– и, пятась назад, выскользнул в коридор. Больше к нам никто не подходил, да и в вагоне затих шум и гам. Постепенно все успокоились и стали ждать отправки состава. Часам к четверем подали паровоз, который, прицепившись к вагонам, негромко крякнул и потащил состав мимо вокзала, выезжая на главную колею. Напротив нас разместилась седая старуха с пронзительным взглядом, которая, казалось, видела все и вся. Она очень внимательно смотрела на нас с Эдвардом и не опускала взор, когда мы в свою очередь в упор смотрели на нее. Так примерно до вечера мы ехали, попеременно глядя друг на друга. Когда за окном стемнело, она решила нарушить молчание и обратилась к нам:

–Я вижу, молодые люди не обидятся на старую женщину, если она поговорит с ними.

–О чем, бабушка? – вежливо обратился я к ней.

–О многом, милый, о многом, ибо путь ваш во мраке, и бредете вы наугад. Но цель у вас благородная и добрая, только вот с ней вы немного припоздали. И ждет вас горькое разочарование.

–А почему вы так думаете? – в свою очередь спросил Эд-

вард.

–Я, милоч, не думаю, а вижу. Вижу, где вы были недавно, что вам пришлось пережить. Простому смертному не дается такое, а вы отмечены печатью свыше.

–А где эта печать, бабушка, что-то я ее пока не видел.

–А она внутри тебя, сынок, ее никто увидеть не может, она проявляется через поступки, притягивая добрые дела, а плохие отвергая.

– И что это дает нам?

–Очень многое. Идти через трудности и побеждать, быть первыми, много уметь такого, чего не могут другие, быть независимыми, всегда достигать поставленной цели. Разве этого уже мало? Вы не сами здесь, вас сюда послали и ждут от вас решения какого-то вопроса, который очень важен для будущего.

–А как же настоящее? – спросил я.

–Дай-ка мне руку, – попросила она, раскладывая ее у себя на коленях.

–Я редко гадаю, но сегодня меня как бы толкает на это, значит, судьба нам встретиться и поговорить.

С этими словами она начала внимательно изучать мою руку. В старушке постепенно нарастало напряжение по мере того, как она исследовала мою судьбу и изучала тот путь, по которому мне предстояло пройти. Я его не знал. А она вот сейчас, очевидно, видела его и пыталась осмыслить, что же это такое и кто перед ней. Даже для нее это было сложно,

потому что мы готовились и к таким ситуациям, и все то, что связано с нашим внутренним миром, было тщательно закрыто от взоров бабушек, могущих просчитать тебя на раз и увидеть всю твою сущность. Поэтому я включил защиту, которую мы освоили в результате длительных тренировок, и ждал ее реакции. Какой уровень ее провидения? Что она сможет прочитать во мне, за что она сможет зацепиться, чтобы понять, кто перед ней находится? Очевидно, ее попытки проникнуть глубже наталкивались на мое мягкое сопротивление. У нее на лбу выступили бисеринки пота, а дыхание стало прерывистым. Это говорило о том, что она уже израсходовала свои силы, а положительных результатов не добилась. В конце концов, она сдалась. Убрала мою руку с колен и сказала:

–Ты знаешь, что делаешь. Но будь осторожен. Оно за тобой ходит повсюду, принимает различный облик, пытаясь навредить тебе. Самое главное, чтобы ты не забрался в ее сердцевину, которую оно оберегает как зеницу ока. Без нее оно ничто, с ней оно все. Но ты уже наполовину справился со своей задачей и ослабил эти силы. Теперь осталось добить остальное. Но это не будет так легко, разные обстоятельства помешают тебе это сделать сразу. А друг твой поможет тебе во всем, даже тогда, когда запретят ему это делать. Вот и все, что я могу сказать тебе, остальное ты знаешь лучше меня.

Она затихла и как-то сразу стала меньше ростом, встала и пошла на свое место. Больше мы с ней не разговарива-

ли и не встречались. Она незаметно сошла с поезда на каком-то полустанке. А поезд ехал, пронизывая темноту светом своего фонаря, тяжело пыхтя, выплескивая в небо кучи дыма. Под утро машинист стал давать прерывистые гудки. Проснувшийся народ бросился к окнам. Мы тоже стали смотреть, что же случилось? Оказалось, слева и справа нас окружали какие-то вооруженные люди, приказывая машинисту остановиться, поэтому он и давал прерывистый сигнал тревоги. Проснувшиеся военные, ехавшие в первых вагонах, сориентировались в обстановке и открыли огонь в воздух. Разбойники, не ожидавшие такого отпора и такого количества военных, быстро отстали от вагонов, бросившись врассыпную, стреляя для остротки в воздух. Никто никому никакого ущерба не причинил, и поезд, не останавливаясь, вез нас вперед.

Вскоре стал слышен гул орудийных раскатов – это мы подъезжали к линии фронта. На полустанке военный отряд высадился из вагонов и прямым маршем пошел на линию огня. Началась беготня и суета. Никто на полустанке не знал, что делать с нами, куда везти. Никто из железнодорожников не хотел ехать вперед, потому что там стреляли. А назад нам возвращаться было нельзя. Так и просидели мы до вечера, ожидая хоть какого-то решения. Расспросив железнодорожников, мы узнали, что следующий полустанок находится верстах в десяти от нас. Если идти по полю, то часа через три можно будет добраться до него. Правда, с обеих сторон

стреляли, а по полю ездили конные разъезды, но попробовать было бы возможно. На том и решили и стали ждать, когда окончательно стемнеет. Через час, когда темень покрыла землю, мы тихонько соскользнули в овраг и пошли в направлении полустанка.

Было тихо, только стрекотали кузнечики да изредка подывал ветер. Пришлось идти, немного согнувшись, чтобы маскироваться со степью и на фоне более светлого неба видеть, что происходит вокруг. Примерно через час пути мы услышали топот копыт. Это был разъезд, только непонятно чей. Быстро выбрав небольшое углубление, мы припали к земле и затаили дыхание. Конники ехали примерно метрах в пяти от того места, где мы лежали.

–Слышь, Степан, там что-то шуршало,– сказал один из верховых, показывая в нашу сторону.

–Да ничего там нет, – ответил второй, продолжая ехать прямо, в отличие от первого, который притормозил коня и прислушивался к тишине.

–Да брось ты, если бы что было, мы бы увидели, а так, может быть, суслик на охоту вышел, почти, как мы, – и громко рассмеялся.– Ты вот дальше слушай: увидел я, значит, эту бабу, и все внутри у меня оборвалось....

Второй, постояв еще немного, развернул коня и поехал вслед за первым дослушивать его историю. Мы лежали, еле сдерживая дыхание, покрытые противным потом, который, казалось, струился отовсюду. Когда всадники отъехали на

значительное расстояние, мы перевернулись на спину и, отдышавшись, двинулись дальше. Перед самым полустанком нам повстречался второй конный разъезд – это были белогвардейцы. Уже имея опыт таких встреч, мы переждали и его, а затем с утренними сумерками тихонько смешались с толпой людей, ожидающих начала железнодорожного движения. Наше путешествие закончилось нормально, даже грязная одежда дала нам возможность не очень сильно выделяться среди других. Приведя себя в порядок и освоившись на новом месте, мы стали выяснять, когда пойдет поезд в нужном нам направлении. Однако никто толком ничего не знал. С первыми лучами утреннего солнца послышалась канонада, напоминающая о том, что линия фронта проходит не так далеко. Сразу все оживилось: прискакали всякие военные, казаки, стали кричать на станционных начальников, те засуетились и в итоге на станции стали появляться составы с оружием, боеприпасами и солдатами. Разгрузившись, поезда стали формироваться в обратную дорогу. И как только они стали доступны, основная масса пассажиров бросилась штурмовать их. Нас, стоявших перед одним из таких составов, как волной внесло в товарный вагон и придавило к его стенке. Мы не стали особо возражать, только попытались отвоевать больше жизненного пространства и затем расположились на полу вагона, присыпанного душистым сеном. Минут через тридцать вагон начало мерно раскачивать, тем самым давая знать, что поезд начал движение. Мерный стук

колес укачал нас, и мы впали в дремоту. Из этого состояния нас вывел скрежет тормозов остановившегося состава и открываемой снаружи двери вагона. В его проеме показался казак, который, осмотрев нас, крикнул:

—А ну выходи! Проверка документов,— и спрыгнул вниз, освобождая дверной проем.

Выйдя вслед за остальными на свежий воздух, мы увидели вокруг состава цепь конных казаков. Пассажиры стояли перед вагонами и предъявляли подходившим к ним офицерам свои документы и вещи. Кого-то уже арестовали, где-то раздались одиночные выстрелы. Все это сказывалось на состоянии людей, которые дрожали от страха. Тем, у кого, по мнению офицеров, документы были в порядке, разрешали вернуться в вагон, а тех, у кого они вызывали сомнение, отводили в сторону для уточнения некоторых обстоятельств.

Постепенно, проверяющие подходили к нам. Наконец перед нами вырос уставший штабс-капитан, сопровождаемый прапорщиком, и взял в руки наши документы.

—Кто такие, куда путь держите?

—Да в Екатеринбург едем, к своим семьям. Инженеры мы путей сообщения, вот попали в эту неразбериху, уже неделю добираемся.

—Что делать? Сейчас вся Россия движется куда-то, одни налево, другие направо, а раньше все только прямо и ходили, — ответил офицер, внимательно просматривая наши документы.

–А покажите ваши вещички, – попросил он, поглядывая на наши рюкзаки.

–Да, пожалуйста, – ответил я, и, развязав рюкзак, вывалил к его ногам все содержимое.

Вместе с одеждой и продуктами питания на землю вылетела фотография, на которой были изображены моя мнимая жена и дети. Она приземлилась прямо у сапог штабс-капитана. Он нагнулся, поднял ее и внимательно стал рассматривать.

–Ваши?

–Да, вот к ним с коллегой и пробираемся, – ответил я.

Еще раз, взглянув на фотографию, он вздохнул и вернул мне ее.

–И мои, где-то там, мучаются, ждут меня, а дождутся или нет – никто не знает.

Затем, взяв под козырек, пожелал счастливого пути и пошел дальше проверять документы. А мы с Эдвардом, не дожидаясь очередного приглашения, мигом забрались в вагон и стали ждать отправления. Только часа через три поезд медленно поехал вперед. Я глянул на своих попутчиков. Они сидели тихо, как мыши, и было заметно, что ряды наши поредели. Что же будет дальше, если такая проверка документов будет на каждом полустанке? В город, очевидно, придет пустой вагон. Еще трое суток мы добирались до Екатеринбурга, прорываясь сквозь банды, промышлявшие грабжом и замерзая по ночам в холодном, насквозь продуваемом

вагоне. Наконец мы добрались до города. На железнодорожной станции в который раз у нас проверили документы, а затем разрешили выйти в город. Оказавшись на привокзальной площади, мы увидели целый ряд извозчиков, терпеливо ожидающих пассажиров. В гостиницу нам ехать было нельзя, потому что там мы сразу попадем под подозрение, тем более, что красные недавно были выбиты из города и теперь повсюду шли облавы. Поэтому нам нужен был какой-нибудь уголок в домике, где мы могли незаметно переждать, пока не разведем обстановку.

В городе

Выбрав самого пожилого, с окладистой бородой кучера, я подошел к нему и попытался вызвать его на разговор.

–Что, отец, тяжела жизнь – то?

Он внимательно посмотрел на меня с ног до головы и ответил:

–Да и у вас вроде бы не лучше.

–Ты прав, – ответил я. – А нельзя ли тут где – нибудь подешевле снять комнату?

–Это сложно, мил человек, вон народу понаехало сколько. Все бегут и бегут. А куда? Никто толком сказать не может. Вот, правда, Никитишна давеча говорила, что может взять квартиранта. Ежели вас устроит, могу подвезти.

–Конечно, устроит, – ответил Эдвард.

И мы, быстро погрузившись в экипаж, поехали устраиваться на жилье. Примерно минут через тридцать извозчик остановился возле небольшого домика на окраине города.

–Никитична, – крикнул он. – Я тебе тут постояльцев привел. Иди сюда, принимай гостей.

–Че раскричался, старый пень, я все слышу, – ответил женский голос, и из дома вышла опрятная пожилая женщина в накинутой телогрейке. Подойдя к экипажу, она внимательно осмотрела нас, а затем спросила:

–Кто такие будете?

– Инженеры мы, Никитична, – ответил я. – Нам бы пожить малость и передохнуть. А то уже, какую неделю все в дороге и дороге. Родных ищем, по слухам, они где-то здесь. Вот и мы сюда прибыли, чтобы найти их. Так что не откажите в милости.

– Ну ладно, – ответила она. – Вроде, не пьяницы, а инженеры. Ну, тогда пошли.

И мы гуськом за ней пошли устраиваться в комнату. Она оказалось небольшой, и очень уютной. По бокам стояли две железных кровати, комод и два стула. Потолок был низковат, так что ходить пришлось, пригибаясь.

– Десять рублей в месяц, – огласила она цену.

Не торгуясь, мы уплатили за два месяца вперед и стали располагаться в комнате. Я выбрал кровать возле окна, которое выходило во двор, а Эдварду досталось окно с выходом в сад. В случае крайней необходимости мы могли им воспользоваться с выгодой для себя.

– Ежели хотите чаю, то самовар закипел, и я могу вам поставить его в горнице на стол, – крикнула хозяйка.

– С превеликим удовольствием попьем чайку вместе с вами, – ответил я и шепнул Эдварду, чтобы он достал кусок сахара.

Сахар, соль и водка были вторыми денежными знаками. За них можно было достать многое, поэтому мы запаслись этими продуктами и использовали их очень осмотрительно. Когда мы вошли в комнату, на столе уютно пофыркивал са-

мовар, стоял чайник с заваркой, а в тарелке лежала вареная картошка.

–Извините, это все, что есть, – сказала Никитична и пригласила за стол.

Мы сели, и Эдвард торжественно водрузил на стол кусок сахара. У хозяйки глаза полезли на лоб, и она сразу побежала на кухню, чтобы достать специальные щипцы для колки кускового сахара, которые имелись в каждом доме. Когда все было готово, мы приступили к чаепитию, потягивая горячий чай из блюдца и похрустывая кусочком сладкого сахара. Необычно красиво пила Никитична. Она по-особенному дула на горячий чай, оттопырив губы, а затем втягивала его с шумом в себя, при этом смешно причмокивая.

–А что, Никитична? – спросил я, когда мы выпили уже по три чашки крепкого напитка. – Какие тут новости? Где в основном живут беженцы?

–Да какие новости! Были красные, пришли белые, а затем еще неизвестно кто. Вот и все новости. Правда, при красных вот недавно царя поубивали со всей его семьей.

–Как с семьей? – меня даже подбросило на стуле.

–Да так, с семьей. Об этом мало кто знает, а мне верный человек рассказывал, она там убирала. Вот, значит, пришли и в один раз всех – то и убили. Ни слуху, ни духу. Теперь эти белые ищут, правда это или нет. Таскают народ на допросы, по лесам рыщут, копают, а царя-батюшки и всех его родных нет.

–Ну и что говорят?

–А то и говорят, чтобы белым не достался – вот и в расход, как они говорят, пустили.

–А где это произошло? – спросил Эдвард.

–Да в Ипатьевском доме, там, где их и держали.

–И что, никто не возмутился, не выступил против, не пытался освободить?

–Да откуда я, милый, знаю! Все, что знала, вот и сказала тебе.

Мне сразу перехотелось пить чай, и я, сославшись на усталость, ушел в нашу комнату, где, не раздеваясь, завалился на кровать. Навалилась какая-то тоска колючая, хотелось орать от омерзения и ярости, от бессилия что– либо сделать. Минут через двадцать пришел Эдвард.

–Вот вам и новости! Что теперь будем делать?

–То же, что и намечали, – ответил я. – Завтра с утра и поедем в этот дом. Надо будет пробраться туда и хорошо его осмотреть изнутри, поэтому давай хорошенько отдохнем и наберемся сил.

Правда, ночью мне не спалось, мучили какие-то кошмары: то я летел в пропасть, то от кого-то отбивался, а то и просто убегал вприпрыжку.

Утром я встал с тяжелой головой, очевидно, и Эдвард чувствовал себя не лучшим образом. Приведя свою одежду в порядок, мы, расспросив хозяйку, как добраться до центра города, отправились в путь. Учитывая, что это был дальний

район, и извозчики здесь просто не водились, нам пришлось идти пешком. Часа через два мы добрались до центральной части города, где ходили патрули, опрятно одетый народ и бегала всякая шпана. Глянув на свои запыленные туфли, я решил их привести в порядок у мальчика-чистильщика обуви, разложившего свои нехитрые орудия прямо на тротуаре. Подойдя к нему, я пристроил ногу на специальную подставку, и он стал начищать черной ваксой мои ботинки. Я в это время посматривал по сторонам, пытаясь определить, какой из домов подходит под данное мне описание.

Этот мрачный странный дом

–Что, господин, товарищ, барин чего-то ищет? – спросил мальчуган.

–Да ты бы чем – то одним величал меня, – ответил я.

–Дак, ведь не знаешь, на кого нападешь. Сегодня он господин, а завтра, глядишь, уже товарищ. Так я, чтобы сразу всем понятно было, так и говорю.

–Ну и как понимают? – спросил я.

–Да как сказать. Кто понимает, а кто и по шее норовит заехать, – пожаловался он.

–Прошу второй ботинок, – предложил он, любуясь результатом своей работы.

Когда я поставил свой второй ботинок на подставку, он спросил:

–Я вот смотрю, вы все головой вертите, может, вам просто стоит спросить меня, а вдруг я это знаю, – и вопросительно посмотрел на меня.

–Может, и знаешь, – и я внимательно посмотрел на него.– Где тут дом Ипатьева?

–Всего лишь, – и он разочарованно развел руками, в которых были сапожные щетки.– Да вон сзади вас стоит, – и показал рукой за мою спину.

Я решил не выдавать своей заинтересованности этим зданием и продолжал наблюдать за его работой. Он это делал

мастерски. Щетки мелькали в его руках, оставляя на моих ботинках свои росписи в виде широкой глянцевой ленты. Вскоре ботинки горели черным блеском. Видя мое равнодушное отношение, парень, поглядев по сторонам, шепотом сказал:

–К этому зданию ведет тайный подземный ход.

Это уже было интересно. Но обладает ли парень сведениями, где начинается этот подземный ход и куда он ведет. Надо было как-то тихонько выведать это у него.

–Сколько с меня за работу? – спросил я.

–Да тридцать копеек, нынче вакса дорогая, – ответил он, хитро улыбаясь.

–Даю тебе рубль, если подсказешь про тот ход, о котором говорил.

–А чего и не подсказать, – ответил он, пряча деньги в карман. – Сейчас позовем Кольку, который был там, он все и расскажет. С этими словами он привстал, поглядел по сторонам, а затем громко крикнул:

–Колька, а Колька, бегом сюда!

Маленький с веснушками мальчуган оторвался от стаи сверстников и нехотя побрел к нам.

–Чего надо? – пробубнил он, держа руки в карманах и независимо сплевывая на землю.

–Вот человек интересуется тем ходом, о котором ты рассказывал мне вчера, – сказал чистильщик обуви.

–А мне – то что, – ответил парнишка и стал испуганно

озираться по сторонам.

– Да не дрейфь ты, – сказал чистильщик, – может быть, тебе надо освежить память? – и он подмигнул мне.

Я сразу понял намек и вложил в руку мальчугана рубль. Увидев такое богатство, он расцвел в улыбке и поманил меня пальцем поближе к себе.

– Я так тебе скажу, – покровительственно произнес он, – много я не знаю, но нашел вход в это подземелье вон за тем сараем.

И он указал рукой на неприметный деревянный домик, стоящий напротив меня.

– Зайдешь вон в ту дверь, закроешь ее и в левом углу под досками нащупаешь кольцо. Оно держит крышку, которая открывает вход в подземелье. Далеко мы не ходили, боязно, но то, что оно ведет к тому дому, – это точно.

– Спасибо, дорогой, – ответил я и крепко пожал протянутую руку.

Повернувшись, я пошел к Эдварду, который стоял возле тумбы с афишами и читал газету.

– Ну, кое-что нащупали, – сказал я ему.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Оказывается, есть поземный ход, который ведет в нужный нам дом. Теперь нам надо узнать, что там сейчас находится, и объехать его вокруг, чтобы понять, что он из себя представляет.

– Так чего мы стоим! – воскликнул Эдвард и бросился ло-

вить извозчика. Минут через двадцать он лихо подкатил на фаэтоне и притормозил возле меня. Я забрался на сиденье и попросил извозчика, не торопясь, объехать вокруг здания. Ничему не удивляясь, тот молча выполнил мою просьбу, и мы медленно стали огибать Ипатьевский дом. За забором не видно было ни души. Точно так же молчали стекла здания, не выдавая в нем никакого присутствия.

Вполне очевидно, что после минувших событий и слухов о них здание было закрыто и посторонних сюда не пускали. Оно было отдано на откуп следователям. Значит, у нас появлялся какой-то шанс попасть сюда или через подземный ход, или под видом следователей. Какой из вариантов выбрать, я еще не знал. Все зависело от суммы тех сведений, которые нам удастся собрать. В первую очередь необходимо было осторожно опросить народ, живущий в близлежащих домах, и попробовать поговорить со святыми отцами, которые, вполне возможно, встречались с государем. Первую часть работы я поручил Эдварду и дал ему на это дело пару дней. А вторую часть этой миссии я взял на себя.

К вечеру мы добрались домой, и свалились как убитые. Лежа обменялись впечатлениями и пришли к выводу о том, что завтра с утра Эдвард отправится в английскую миссию и попытается навести там кое-какие справки. Надо было выяснить, не случилось ли чего-нибудь необычного, когда здесь находились царские узники. Это могло помочь выйти на след того, что случилось с ними. Второе: следовало узнать, не

остался ли в городе кто-нибудь из тех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к этим печальным событиям, и попробовать «разговорить» его, чтобы докопаться до истины. Решили, что завтра с утра мы едем каждый по своим делам и в обед встречаемся на углу, возле чистильщика обуви.

Я решил поехать в одну из церквей на окраине города, которая, по моим расчетам, могла иметь хоть какое-то отношение к царской семье. Через час на нанятом извозчике я остановился возле небольшой старинной церкви. Служба только что закончилась, и прихожане неторопливо спускались со ступенек, расходясь по домам. В воздухе тонко звенел колокольный звон, наполняющий неповторимой мелодией всю округу. Когда он замер, наступила какая-то особенная тишина, которая таинственным образом окружала тебя, и на сердце становилось очень легко и спокойно. Не отпуская извозчика, я подошел к крыльцу и стал дожидаться священника, которого окружила толпа прихожан, просящих у него совета по тем или иным вопросам. Пожилой священник внимательно их выслушивал и так же обстоятельно давал ответы, которые воспринимались с радостью и готовностью следовать им. Подождав, когда он освободится, я подошел к нему.

—Благословите, отче!— попросил я.

Он благословил меня и вопросительно посмотрел, ожидая продолжения.

—Видите ли, отче, я в свое время служил при дворе Его Императорского Величества и, узнав такую жуткую новость,

решил побеспокоить вас на предмет того, чтобы узнать какие-нибудь подробности этой жуткой трагедии. Может быть, вы сможете что-то рассказать об этом?

–Что я могу рассказать? Все, что я знал, я уже изложил следователю, – продолжил он, приглашая меня пройти в его домик, стоящий возле церкви.

–Да, я бывал в Ипатьевском доме, встречался по долгу службы, с государем и его домочадцами. Видел этих извергов, которые там охраняли их. Вот в принципе и все. То, что произошло, – эта трагедия, и в то же время государь знал о своем конце и смиренно шел к нему. Я вам скажу так (мне об этом рассказывал епископ Гермаген), что после вооруженного переворота 1917 года Московскому митрополиту Макарию приснился необычный сон. Видит он большое поле, а по нему идет Спаситель, который подходит и говорит: «Иди за мной!» И видит он, что рядом со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель и говорит ему: «Видишь в моих руках две чаши: вот эта – горькая – для твоего народа, а другая – сладкая – для тебя!» Государь падает на колени и молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать его с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как Светлый дух. На этом митро-

полит Макарий проснулся. Заснув вторично, он опять увидел поле, покрытое цветами. И стоит посреди поля Государь, окруженный множеством народа, и своими руками раздает ему манну. Незримый голос в это время говорит: «Государь взял на себя вину русского народа, и русский народ прощен». Так вот что самое интересное: когда митрополит в присутствии Председателя кабинета министров Столыпина рассказал Николаю II о своем сновидении, то царь ответил: «И мне снился этот сон. Мне ясно, что необходима искупительная жертва для России: я буду этой жертвой – да свершится воля Божия!» Так что государь был готов к этому и вел себя кротко и смиренно в ожидании конца.

– На все воля Божия, – ответил я. – Но это не оправдывает убийства детей и женщин.

– Полностью с вами согласен. Нет никакого прощения этим извергам. Я вам более скажу. В свое время архимандрит Илиодор, который подвизался в Глинской пустыне, наблюдал такое видение: на востоке в овале сияния показалось имя «Николай». Двигалось оно по небу скачками, затем вошло в темную тучу, в которой стали мелькать в беспорядке отдельные буквы этого имени. После этого наступила непроглядная тьма... Почему я об этом говорю? С одной стороны, это еще одно предзнаменование, с другой... Ну посудите сами: вечером перед расстрелом царской семьи над Ипатьевским домом появилась такая надпись, которая, казалось, растянулась на полнеба. Были четко видны все буквы име-

ни и даже вензеля. Как вдруг откуда-то появилась туча, и из нее на карете, запряженной страшными животными, вылетела белокурая женщина и с громким хохотом стала наскакивать на буквы, переезжая их таким образом, что они растворялись во тьме. Это продолжалось минут пять, и когда она расправилась со всеми буквами, то мгновенно спряталась в туче, которая быстро уплыла, а на небе осталась зияющая черная пустота. Люди были в ужасе от увиденного. Ну и наутро многие узнали о свершившейся трагедии. Вот и все, что я вам могу сообщить, молодой человек.

Поблагодарив священника за те сведения, которые он мне сообщил, я распрощался.

– Да хранит вас Бог, – ответил он и перекрестил меня.

Именно на Бога я уповал всегда при выполнении своих миссий. И именно сейчас мне так была необходима его поддержка, которую я всегда ощущал. Подойдя к извозчику, я сел в коляску и приказал ему ехать в город, не торопясь. Мне необходимо было обдумать дальнейший план действий. Меня мучил вопрос: что это за видение было над Ипатьевским домом, и куда делась царская семья? Для этого необходимо было срочным образом пробраться внутрь этого здания и детально обследовать его. Когда лучше сделать это? Днем или вечером? Наверное, лучше действовать по обстановке, так как обследование комнат в разное время суток имеет свою специфику и многие детали, которые не видны при дневном свете, более рельефно проявляются ночью. Поэтому на-

до совместить разное время суток и обследовать и днем, и вечером. Голова моя гудела от полученных известий, и для того, чтобы успокоиться, я закрыл глаза. Проснулся я, когда мы уже въезжали в город. Расплатившись с извозчиком, я решил пройтись еще раз перед нужным мне домом. На город опускались сумерки, и заходящее солнце багровым светом играло на окнах здания, словно намекая на те события, которые произошли здесь. Стояла какая-то страшная тишина вокруг, хотя рядом проходили люди. Но все старались как можно быстрее обойти это место.

Еще раз внимательно, все осмотрев и не обнаружив ничего подозрительного, я направился домой. Здесь меня уже ждал Эдвард.

–Ну как поездка, много узнал нового? – спросил он.

–Да, кое-что есть, но еще требует уточнения, – ответил я.

–А что у тебя?

–Да встретился я тут, с нашими из миссии, никто толком ничего не знает, или не хочет знать. Все говорят, что ведется расследование, чтобы доказать факт убийства царской семьи и назвать виновных в этом злодеянии. Но этот процесс идет как-то вяло. Правда, есть интересный момент. Об этой новости уже знают там, во дворце. Они в ужасе от того, что произошло. В принципе, можно сказать, что их отказ принять царскую семью и привел к таким ужасным последствиям. И в связи с этим оттуда поступила просьба доставить в королевский замок доски пола, где пролилась кровь невин-

ных жертв. Для чего это надо, я не знаю, но просьба очень настойчивая. Так что надо думать, как выполнить ее и кто займется транспортировкой этого.

— Это, конечно, интересно! Но как достать эти доски? Ты себе представляешь это? Я пока нет. И потом, как их вынести из дома и переместить хотя бы в сарай? Ведь это получается уже святыня, и к ней надо относиться очень бережно.

— Ну, давай подумаем, как это можно осуществить, — перебил меня Эдвард.

И мы сели решать проблему, как через подземный ход пробраться в дом, обследовать его, поднять доски пола, которые прибиты к основе большими гвоздями, и перенести их в сарай, откуда начинается тайный ход. В итоге приняли решение о том, что если доски очень длинные, то тогда будет целесообразнее вырезать доски с того места, где в момент этого злодеяния находилась царская семья. Это можно будет определить по различным, едва заметным признакам, которые мы умеем находить. Теперь нам следовало одеться соответствующим образом и обзавестись керосиновыми фонарями, ножовкой и железным ломиком для поднятия досок пола. Как ни странно, но все это мы нашли у Никитичны, которая любезно уступила их нам за десять рублей. Проблему вызвала одежда. В той, которая была на нас, в тайный ход не полезешь. Нужна была совершенно другая, более подходящая для такого случая. И здесь тоже выручила Никитична. Она прошла по соседям и купила нам все необходимое

вплоть до сапог. Теперь можно было готовиться к активным действиям по проникновению в нужный нам дом.

За священной реликвией

Переодевшись в другую одежду и взяв с собой инструменты, мы вышли из дома и при свете нарождавшейся луны отправились в центр города. Часа через два мы подошли к сараю, который являлся началом нашего подземного путешествия. Его дверь закрывалась на железный крючок, который не представлял никаких проблем. Зайдя вовнутрь, я зажег керосиновую лампу и осмотрелся. Сарай был полупустой. На полу валялись какие-то ведра и тряпки, грязная ветошь, старый матрас. А в углу стояло продавленное кресло. Отодвинув его и очистив ногами пол, я увидел железное кольцо, о котором говорил мальчуган. Потянув его на себя, я с трудом поднял тяжелую крышку, закрывавшую вход. Посветив фонарем, я обнаружил темный провал, в который вели несколько деревянных ступенек прислоненной к стенке лестнице. Осторожно ступив на нее, я, держа фонарь навесу, спустился вниз и оказался в просторном помещении с большим потолком, стены которого были обложены камнем. Следом спустился Эдвард, удивленно осматриваясь вокруг. Подняв фонарь повыше, я обнаружил коридор, который вел куда-то в темноту. Махнув призывно англичанину, я двинулся вперед. Было достаточно свежо, на полу виднелась пыль, и отсутствие следов на ней говорило о том, что здесь никто не проходил. Минут через двадцать мы уперлись в тупик. При-

шлось повернуть обратно, где вскоре я заметил небольшое ответвление, ведущее в предполагаемую сторону. Повернув в него, мы двинулись дальше. Вскоре показалась деревянная дверь, закрытая на замок и наполовину засыпанная землей. Это было как раз то, что нам надо. Пришлось, используя всякие подручные средства, минут пятнадцать очищать дверь от земли. Наконец она была освобождена от завала. Эдвард внимательно осмотрел врезной замок, который держал дверь. Он был старинной работы, и надо было повозиться, чтобы открыть его. Вытащив несколько проволочек, Эдвард попытался сделать это. Однако с первой попытки ничего не получилось. Зная традиции организации подземных ходов, я решил попытаться счастья и, подойдя к двери, провел рукой над ее верхней луткой, там, где обычно прячут ключи. И на мое счастье, там я обнаружил большой кованый ключ, который и передал Эдварду. Он взвесил его в своей руке, а затем со скрипом открыл замок. Переждав минут пять, мы осторожно открыли дверь. За ней нас встретили темнота и тишина. Дверь из подземного входа выводила в чулан, который располагался в коридоре. Преодолев баррикаду из швабр и тряпок, мы выбрались оттуда. Перед нами находилась лестница, ведущая наверх, а сзади такая же вела в подвал. Посоветовавшись, мы решили начать с верхнего этажа.

Бесшумно поднявшись наверх, мы подошли к комнате, где ранее находились царские узники. Дверь была не заперта и открылась при первом нажатии на ручку. Я с большим

волнением вошел туда и сразу попал под обаяние той ауры, которая витала в этой комнате. Чувствовалась какая-то умиротворенность и взаимное уважение, которое демонстрировали люди, находившиеся здесь. Все это навсегда запечатлелось в воздухе, стенах, мебели, которой они пользовались и оставили свой след на ней. С помощью лунной подсветки и керосинового фонаря мы осмотрели все закоулки, перетрясли всю мебель и простучали все стены. Все безрезультатно. Только глухой звук в ответ. Тогда мы отправились в подвал, именно в ту комнату, где произошли печальные события.

Здесь, наоборот, было неприятно находиться. Веяло каким-то страхом и злостью, завистью и я бы сказал даже лютой. Причем все это плотным кольцом висело в воздухе и сразу обрушивалось на входивших сюда людей. Приподняв фонарь, я стал изучать помещение. На стене напротив входа имелись выбоины от пуль, местами кровоподтеки, валялись сплюснутые пули. На полу при более пристальном рассмотрении также были заметны красноватые разводы, которые бывают при мытье полов. Однако той ауры, которая была в комнате наверху, не было. Как я ни прислушивался, как я ни присматривался, интуиция подсказывала, что здесь что-то не так.

– Не было их здесь, – озвучил я свой вывод Эдварду.

– Кого их? – не понял он.

– Да царской семьи. Если и были, так только мимоходом. Нет никаких следов. А то, что здесь, – и я кивнул на стенку, –

это совсем из другой оперы.

–А куда же они делись? – спросил Эдвард.

–Я тоже хотел бы это знать, – ответил я. – Давай, как было приказано, достанем доски.

– Все? Да их тут вон сколько!

–Нет, если прикинуть, что их всех собрали вместе, то они могли разместиться примерно вот на такой площади. – И я нарисовал круг.– Вот эту часть мы и вырежем.

С этими словами, достав из сумки ножовки, мы стали выпиливать доски, ориентируясь на прочерченный круг. Минут через тридцать на полу осталась зияющая дыра, припорошенная древесной стружкой. Сложив доски, мы обернули их мешковиной и связали веревками. У нас получилось два пакета. Взяв каждый по одному, мы направились к выходу из подземелья. Обратная дорога прошла спокойно, без всяких эксцессов. Выбравшись из подземелья, мы замаскировали доски, решив, что нести их ночью может быть опасно. До утра оставалось три часа, и чтобы не возвращаться обратно, мы решили здесь же и дожждаться рассвета. Я устроился в продавленном кресле, а Эдвард приспособил для себя матрас. Разбудили нас солнечные зайчики, пробивающиеся через щели в дощатых стенах. Поймав извозчика, мы пристроили на него свой груз и поехали домой. В комнате развернули наши пакеты, аккуратно упаковали каждую доску в бумагу и сложили снова, подготовив для перевозки.

–Теперь, чтобы прояснить ситуацию, нам нужен кто-то из

тех, кто был в то время в Ипатьевском доме.

–А как его найти? – спросил Эдвард.

–Не знаю, но будем искать, через разговоры с людьми, знакомство со следователем и так далее. Главное – не терять времени.

–Да я не возражаю. Давай завтра опять смотаюсь в английскую миссию и попробую узнать что-нибудь по этому вопросу.

–Договорились, – ответил я. – И узнай, каким транспортом нам можно уехать в эту сторону, чтобы доставить пакеты по назначению.

–Хорошо, – ответил он и завалился спать.

Просвети нас «добрый молодец»

Поутру, выйдя во двор, я встретил соседа Михеича, который сидел на скамейке и курил махорку. Поздоровавшись с ним, я хотел было пройти дальше, однако сосед явно хотел поговорить, и поэтому стал задавать мне различные вопросы, на многие из которых у меня просто не было ответа.

– Вот так и получается, – продолжил Михеич, – живет себе человек, живет, а потом – на тебе, все, пришли другие, а он не у дел. Вон, взять Кольку Баламутина, что на соседней улице. При большевиках чуть ли не начальником был, продукты поставлял в Ипатьевский дом, конечно, не за просто так. А большевики ушли, и он теперь прячется. Значит, потерял доверие у новой власти.

– Да, жизнь поумней нас с вами будет, – ответил я, – думая о чем-то о своем. И хотел было распрощаться, тем более, что сосед уже погасил самокрутку, как вдруг меня пронзила мысль о связи этого Баламутина с царской семьей. Я решил уточнить у Михеича, где он живет, и задал наивный вопрос:

– Что, этот Колька и хоромов себе не отстроил что ли?

– Да какие там хоромы! Вон погляди, видишь развалюху – так это его дом и будет. И показал рукой на вросший в землю от старости небольшой домик.

– Да, протянул я. – Не густо у него выходит. Так, а почему он не убежал с большевиками?

– Дак, это ты у него сам и спроси. Видишь, вон сарайчик возле дома?

– Ну, вижу, и что?

– Так он там и прячется, там схрон у него. Вот иди и попытай, коль такой смелый, только смотри, чтобы он из револьвера в тебя не пальнул. Слишком нервный стал.

И, махнув рукою, пошел к себе домой.

– Раз пошла карта в масть, надо использовать такое везение, – подумал я, решив не идти никуда, а понаблюдать за этим домиком и попытаться любым способом завязать знакомство с этим Колькой. Вернувшись в дом, я устроился возле окна и стал наблюдать. До вечера не было видно никакого движения. Только когда стемнело, дверь сарая немного приоткрылась, оттуда выскочил мужик и напрямиком заскочил в домишко.

– Надо его брать, – мелькнуло у меня в голове, и я вприпрыжку рванул туда. Прокравшись к окну, я заглянул вовнутрь. Сквозь темноту был виден силуэт человека, который брал что-то со стола и складывал в мешок. В дом войти было опасно, можно было ненароком напугать его, поэтому я решил взять его при выходе из дома. Встав за дверь, я приготовился к встрече. Однако он еще долго возился в доме, изредка чем-то дребезжа.

Наконец он закончил сборы, тихонько выставил на улицу мешок, а затем осторожно вылез сам. Когда он нагнулся за мешком, я применил один из приемов борьбы и обездвигил

его. Как ватная кукла, он свалился у моих ног. Приподняв тело, я понес его в сарай, туда, где он скрывался. Затем связал и засунул в рот платок, чтобы он не кричал. Теперь надо было сходить за Эдвардом, чтобы вместе допросить его. На мое счастье, он уже был дома, и мы осторожно пробрались в сарай. Баламутин уже пришел в себя и таращился от удивления, не понимая, что произошло. Увидев нас, он стал дергаться и испуганно рычать. Я подошел к нему, зажег керосиновый фонарь и, осветив свое лицо, тихо и проникновенно сказал ему:

– Мы хотим только поговорить с тобой, больше ничего. Дай слово, что ты кричать не будешь, и я вытащу кляп из твоего рта. Кроме этого мы тебе еще и заплатим, – и я положил перед ним две сотенные бумажки. Он затих на минуту, очевидно, переваривая услышанное, затем кивнул головой в знак согласия. Попросив Эдварда, чтобы он подстраховал меня, я осторожно вытащил кляп. Баламутин глубоко вздохнул и минуты две только хрипло дышал. Затем, повернувшись ко мне, спросил:

–И чего вам надо?

–Вот, это уже другой разговор. Подскажи – дорогой товарищ, куда делась царская семья. Ведь ты каждый день возил туда продукты, значит, постоянно видел их там.

– Продукты возил, семью видел, но не часто. Как-то непонятно. Приезжаешь, а окна пустые, словно в доме никого нет. А иной раз они на улице под охраной гуляют. А в дом меня

не пускали, во дворе все сами разгружали и носили на кухню.

–Значит, ты говоришь, что получается так, что семья была и в то же время ее как бы не было.

–Да, так, и получается, – ответил он.

–Ну а в ту роковую ночь, о которой тут все говорят, ты был там?

Он с испугом посмотрел на нас, затем подумал и в конце концов утвердительно махнул головой.

–Ну, и ничего не хочешь нам рассказать?

Мой вопрос заставил волноваться его еще больше.

–Даже не знаю с чего начать, – наконец выдавил он.

–А ты сначала, так легче будет, – посоветовал я.

–Ну, значит, я задержался, из-за хлеба, что – то там, в пекарне поломалось. Приезжаю, стало быть, к дому, открываю ворота и заезжаю внутрь. Обычно меня там встречала охрана, а здесь смотрю – охраны нет, и во дворе стоит грузовик. Я заглянул туда – никого. Обернулся – смотрю, дверь в подвал приоткрыта, и там горит свет. Я сразу туда, открываю дверь и вижу, что все они там: и царь, и его жена, детки, слуги и охрана, стоят друг против друга какие-то бледные и напряженные. Потом смотрю, комиссар полез за револьвером, я тогда тихонько назад, и в это время на дом опускается огромная белая туча и покрывает всех стоящих внизу. У меня сразу отшибло память, а когда я пришел в себя, то увидел, что все охранники валяются на земле без сознания, а царя и его домочадцев нет. Я с трудом вылез оттуда, быст-

ро на свою пролетку – и домой. Вот с тех пор и прячусь. И кажется мне, что кто-то постоянно следит за мной, и днем, и ночью преследует меня. Я потерял и покой и сон. Вот все так и было, говорю, как на духу. А теперь, что хотите, то и делайте со мной, – и он облегченно вздохнул.

Я молча подошел к нему и разрезал веревки, которыми были связаны его руки. Он вяло опустил их вдоль колен и даже не пошевелинулся.

–А какая по форме была эта туча?

–Ну, такая, как шар, теплая и успокаивающая, словно тихонечко говорила: не бойтесь, все будет хорошо. И опускалась она плавно, словно боялась сделать больно.

–Ну что же, спасибо тебе за рассказ, – и я протянул ему деньги. – А мы пошли. Как ты сам понимаешь, о нашем разговоре никому.

Он обреченно кивнул головой, находясь еще под впечатлением того, что с ним недавно произошло.

Выйдя на улицу, мы осторожно пробрались к нашему дому. Никитична уже спала, поэтому мы тихонько вошли к себе и стали совещаться.

–Ну что ты можешь сказать по этому поводу? – спросил меня Эдвард.

–Трудный вопрос. Во всяком случае, это не то, что сидит в янтарной комнате. Это что-то другое, пока неизвестное нам. Может быть, мы еще услышим о нем или столкнемся с ним. Но в любом случае, это что-то положительное и доброе к лю-

дям, – ответил я.

– Я думаю, поиски продолжать бесполезно. Больше того, что мы уже узнали, мы не узнаем, а попасть в поле зрения людей, которые расследуют это дело, можем. А нам этого не надо.

–А что ты узнал у своих? – спросил я англичанина.

–Кое-что узнал, – ответил он. – Нам готовы оказать всяческое содействие, даже выдать бумаги о том, что мы являемся работниками английской миссии. Рекомендуют нам ехать в Крым или Одессу, а оттуда пароходом или крейсером в Англию. Что касается расследования, то особых успехов нет. То есть ничего нового.

– Ну что ж, и то, что мы знаем, уже хорошо.

–Тогда давай с завтрашнего дня собираться в дорогу. А документы в английской миссии возьми на всякий случай, могут пригодиться.

И Тульский пряник в помощь нам

Утром мы стали думать, под каким видом нам почти через всю страну можно будет провезти доски, ведь их объем был не таким уж маленьким. И везти их надо осторожно, потому что они имели очень большую ценность, особенно в духовном плане. Ничего путного в голову не приходило. Сели пить чай. Наливая кипяток, Никитична засуетилась:

–Ой, я и забыла, я же к чаю испекла тульский пряник. Правда, не такой, как раньше, нет многих продуктов, но все равно очень вкусный.

И она принесла из кухни большой красивый пряник с изображением лисицы.

–Вот, кушайте на здоровье, – сказала она.

Пряник был действительно вкусный, буквально рассыпался во рту. Я был настолько удивлен четкостью изображения животного на нем, что не выдержал и спросил:

–Никитична, а как вы его печете, что так красиво получается?

– Да, очень просто, милок, готовлю тесто, беру доску, выдавливаю рисунок – и в печку.

–Стоп, какую доску? Я не понял. Пряник и доска, что может быть общего?

–Да вот так. Мне родственник, когда был в гостях, вырезал из липы несколько рисунков для пряника. И я под на-

строение беру один из рисунков и из теста пеку понравившийся мне пряник.

—То есть на доске вырезана эта лисичка и другие фигуры, которые делают пряник красивым?

—Вот видишь, ты все понял, — радостно воскликнула Никитична, усомнившаяся было в том, что я не могу познать такую простую истину.

—А нельзя ли посмотреть ваши доски? — попросил я.

—А чего нельзя, конечно, можно, — и она из кладовки принесла штук пять небольших досок, внутри которых были вырезаны различные рисунки животных: белочка, зайчик, кошечка.

Чудеса, да и только. Оказывается, все так просто. А что если... И я спросил хозяйку:

—Никитична, а не продадите ли вы мне эти доски?

Она внимательно посмотрела на меня, отхлебнула чай из блюдца, а затем степенно ответила:

—А чего же не продать, продам по целковому за штуку, мне родственник потом еще нарежет.

—Вот и договорились, — сказал я, передавая пять рублей за пять досок, лежащих передо мною.

Эдвард недоуменно смотрел на эту нашу торговлю, не понимая, зачем мне нужны эти пряничные доски. Допив чай, мы прошли в свою комнату.

—И как это понимать? — спросил англичанин, кивая на доски, лежащие у меня на кровати.— Нам что, своих досок не

хватает?

–А я тебе сейчас все объясню, – ответил я и прикрыл дверь в комнату. – Вот тебя остановят и спросят: «Куда это вы, уважаемые господа, везете эти доски, зачем они вам, уж не золото ли прячете в них?» И начнут кромсать, разрезая на мелкие части. Что ты им ответишь?

–Ну, не знаю, – честно признался он. – Что-нибудь придумаю.

–Вот это и плохо, надо нам знать заранее, что говорить. А говорить мы будем следующее: что мы эти доски везем с собой к искусному мастеру, который нарежет нам в них рисунки для выпечки тульских пряников. И будем мы ездить и торговать этими пряниками везде и со всеми, поэтому сверху наших досок мы упакуем эти, пряничные. Они и пахнут соответственно, поэтому подозрений быть не должно.

–Ну, ты даешь, – изумился Эдвард, – я бы в жизнь ничего такого не придумал.

–Ничего страшного, придумал бы что-нибудь другое. Просто ты раньше не кушал тульских пряников, а вот теперь знаешь, что это такое.

В принципе, мы сделали так, как определились. Замотали пряничные доски к остальным и перевязали все это крепкой веревкой. Теперь можно будет и в руках, за лямки нести эти доски на себе. Примерившись и убедившись, что упаковка сделана нормально и общий вид не вызывает подозрений, мы спрятали наш груз под кровать. На сегодня мы определились

дать себе отдых, чтобы завтра пораньше отправиться в обратный путь. А он предстоял нелегкий. Нам надо будет двигаться через территорию, охваченную гражданской войной, где местами устанавливалась совершенно новая власть.

Встреча с новым царем

Утром, нацепив на свои плечи наш бесценный груз, мы двинулись в путь. Нам снова пришлось пройти через невообразимую грязь и шум вокзала, набить синяки и шишки, прежде чем удалось устроиться более или менее в одном из вагонов. И понеслись полустанки и разъезды, ночные бдения и проверки документов белыми, красными, синими, зелеными и другими цветными революционерами, которые думали о том, как бы что стащить и к кому бы придрататься, чтобы показать свою власть, власть человека с ружьем. Кое-как, где ползком, а где оврагами мы добрались до одного из полустанков. Уставшие, подошли к колодцу, чтобы напиться и привести себя в порядок и хоть немного передохнуть. На удивление, вокруг было тихо и спокойно. Пассажиров, ждавших свои поезда, тоже было не очень много. С одной стороны, это было хорошо, с другой – вызывало беспокойство, потому что так просто ничего не бывает, тем более, что это был пограничный район, куда порой заскакивали всякие отряды. Пристроившись в тени одного из деревьев, мы стали прислушиваться к разговорам людей. В основном они были о сложной жизни, о дороговизне, о знакомых и близких, которые воевали по разные стороны.

Впереди нас сидели два пожилых крестьянина и разговаривали между собой.

–Слава Богу, что наш Верховный комиссар так заботится о нас. Видишь, тишина какая, и спокойствие у нас в Длинске. А в соседнем селе – так постоянно стрельба и гонки на конях, а к нам сунуться боятся.

–Потому как уважают. Пробовали не раз и всегда получали от ворот поворот, – продолжил начатую мысль второй.

–Вот поэтому и живем пока нормально.

–А что это у вас за такой комиссар, большевик что ли? – вмешался я в разговор.

–Какой там большевик, наш местный Иван Гордиенко. Он и против белых, и против красных, и против всех остальных, кто пытается нас пограбить. И мы всем миром ему помогаем.

–У нас география большая, – почесываясь, продолжил бородатый. – Смотри, окромя Длинска с нами и села Гудище, и Диканька, и Рублевка, и Котельва, да и другие не прочь встать в один ряд. Так что за просто так нас не возьмешь.

–И все они подчиняются ему? – спросил я.

–А то как, у нас целая армия, охрана, везде посты, поэтому с нами не хотят связываться. Вот и живем в мире и покое.

Во время этого разговора раздались выстрелы, и по дороге запыхавшаяся разукрашенная коляска, запряженная четвериком лошадей, с охраной. Она подлетела и остановилась как вкопанная перед входом в вокзал. В коляске сидел, разодетый в английское обмундирование и увешанный оружием молодой мужчина, с черными как смоль усами. Он внимательно посмотрел на томящийся народ и, увидев нас, что-то сказал

на ухо к склонившемуся к нему верховому. Тот кивнул головой и, подъехав к нам, обвел взглядом притихших людей и громким голосом прокричал:

– Верховный комиссар Иван Демьянович Бордиенко приглашает всех на торжество по поводу его венчания на царство. Явка всех строго обязательна. Всем собраться и идти в церковь. Это касается и вас, – и он обернулся в нашу сторону. – Вас приглашают в качестве почетных гостей, – и многозначительно похлопал по кобуре нагана.

Делать было нечего, и мы, смешавшись с общей толпой, пошли в ту сторону, куда указал сопровождающий. Вскоре мы подошли к небольшой и очень красивой церкви, где собралось очень много народу. Когда мы подходили к ней, во всю мощь ударили старинные колокола, разнося свой звон по округе. К входу подъехала уже известная нам коляска, из которой на руках Верховный комиссар был перемещен в большое бархатное кресло и внесен под церковные своды. Одетый во все церковные регалии местный священник начал церемонию коронации. На хорах разносились звонкие голоса певчих, которые, переключаясь с колокольным звоном, создавали непередаваемый фон. Сам именинник сидел очень гордый и важный, понимая ответственность момента. Когда он поклялся всеми силами защищать народ и поцеловал Библию, церемония была завершена. Священник призвал паству почитать нового государя, который официально теперь назывался «царь Иван Глинский». Казаки, охранявшие его, про-

кричали три раза «слава» и под колокольный звон погрузили снова в коляску. Кучер, гикнув, послал лошадей вскачь, а народ стал медленно расходиться, обсуждая церемонию коронации.

—Ну вот, — подумал я, — теперь и здесь появились свои цари. Что же будет дальше?

Эдвард тоже шел, усмехаясь и качая головой, думая, наверное, о том, что народное творчество неистощимо на выдумки. Пока мы медленно шли обратно к вокзалу, нас нагнала коляска. Ездовой, осадив лошадь, пригласил нас садиться и вместе с ним отправиться на торжественный вечер, посвященный сегодняшнему событию. Учитывая то, как было сделано это приглашение, нам ничего не оставалось, как принять его. Погрузив наш деревянный багаж в коляску, мы отбыли на вечер.

Это торжество проходило в доме местного старосты. Во дворе были расставлены столы со всякой снедью. Чего только тут не было: и куры, и гуси, и индейки, и жареный поросенок, и зайчатина. Я уже молчу о соленьях, нежно-розовом салате и огромных, только что испеченных каравах хлеба. Возле столов стояли ведра с самогоном, а на столе, как пулеметная лента, в ряд выстроились граненые стаканы, поблескивая своими стеклянными боками. Самым интересным было то, что перед входом стоял самый настоящий броневик, очевидно, как символ мощи нового царя. Нас усадили недалеко от него, с правого боку и поставили сзади охранника. В основ-

ном здесь собралась местная сельская знать, родственники, хорошие знакомые, друзья. Начал пиршество староста, провозгласивший тост за всенародно избранного «царя Ивана Глинского». Все встали и стоя выпили, а затем пошла целая череда «народных излияний», и чем больше было выпито, тем плаксивее и льстивее они были. Празднование продолжалось до утра. Как мы ни пытались, незаметно ускользнуть от празднующих, ничего не получалось. Охранник, хоть и пил, но был очень бдительным и своевременно пресекал наши попытки оставить его одного, поэтому приходилось маневрировать и изучать возможности отхода на данной территории.

Прорыв к Черному морю

Многие уже спали за столом, другие бегали с полными стаканами и пытались со всеми выпить, третьи валялись просто под столом, пугая своим хрипом домашний скот. А некоторые вообще ходили по саду в обнимку и пытались что – то спеть. Видя такую картину, и мы решили немного отдохнуть, чтобы с утра снова предпринять попытку вырваться отсюда. Поднявшись из-за стола, мы подошли к скамейке, стоящей в саду возле дерева, и попытались расположиться на ней. Наш охранник, с бутылем самогона в руках, тоже стал пристраиваться рядом. Кое-как разместившись, мы задремали.

Разбудил нас разрыв снаряда, раздавшийся в саду, перепугав всех насмерть. Затем пошла канонада и стрельба. Полупьяные люди не могли понять спросонья, что происходит, и не только мешали друг другу, но и попадали под артобстрел, теряя свои головы. Как выяснилось позже, части Красной армии, теснимые Добровольческой армией, стали отступать к Глинскому царству и, встретив здесь сопротивление, пошли на прорыв. Все в панике бежали кто куда. И нам оставаться тут не было резона. Схватив свой груз, мы бросились к выходу. И здесь мне на глаза попался целехонький броневик, мимо которого бежали в панике люди.

Схватив своего соратника за руку, я показал на броневик, и мы бросились к нему. Он был открыт, и на полу возле ме-

ста водителя лежала заводная ручка. Кивнув Эдварду, чтобы он сел за руль, я вставил ручку и стал заводить двигатель. С третьей попытки он завелся и, пару раз чихнув, стал работать без перебоев. Бросив ручку в кабину, я заскочил в нее и стал возле пулемета. Мы сделали все вовремя. Из-за поворота выскочила конница и, свистя и стреляя на ходу, пошла аллюром на нас.

– Разворачивайся быстрее! – заорал я в ухо англичанину. – А то они достанут нас, а у меня угол огня плохой.

Нажав на газ, Эдвард вывел тяжелый броневик на дорогу, дав мне возможность открыть пулеметный огонь. Первые ряды конницы упали как подкошенные, на них навалилась вторая волна атакующих и тоже попала в переплет. По земле катались и стонали и люди и кони. Задние стали тормозить и объезжать их. Это дало нам драгоценное время, и броневик, набирая ход, стал уходить от погони. Однако наиболее настырные конники не отставали и продолжали скакать за нами, несмотря на то, что мои иногда удачные пулеметные очереди доставали их.

– В чем дело? – подумал я. – Почему такое упорство и такие людские потери?

Ответ пришел значительно позже, когда мы, проехав достаточно долго, остановились из-за того, что кончился бензин. Выйдя из кабины, я стал вытаскивать наши багажные свертки и увидел какие-то мешки, которые валялись в машине сзади. Приподняв один из них, я удивился его тяжести.

Тогда, позвав Эдварда, мы вытащили его наружу. Открыли и ахнули от удивления: он был забит денежными ассигнациями. То же самое оказалось и в других мешках. Кроме этого, здесь были также фунты стерлингов, франки и немного золотых монет. Так вот почему конница так упорно гналась за нами! Они знали, что в этом броневике, и поэтому так упорно пытались захватить его. Я взял пачку фунтов стерлингов и немного золотых монет на всякий случай. Не успев их положить в карман, я услышал щелчок взводимого курка, и чей-то голос сзади крикнул, чтобы я поднял руки вверх. Оказывается, увлекшись найденным, мы забыли о бдительности, и отставшие было конники, тихо прокрались к нам и окружили, как цыплят. Их было четверо. Я так и остался стоять с поднятыми руками, сжимая в одной из них горсть золотых монет.

– А ну, Мыкола, обыщи их, – сказал старший прокуренным голосом.

Молодой парень соскочил с вороного жеребца и игривой походкой направился ко мне. На одном боку у него болталась шашка, на другом висела расстегнутая кобура, из которой выглядывала ручка револьвера. Я ждал, когда он подойдет ко мне и перекроет линию обзора старшему. Взглядом я дал понять Эдварду, что остальные двое на его совести. Когда молодой подошел ко мне вплотную и закрыл от старшего, я с криком «Лови» кинул тому горсть золотых монет, которые, взлетев в воздух, заблестели от последних лучей заходяще-

го солнца. Старший инстинктивно попытался поймать хотя бы часть из них. В этот процесс сразу включились и те двое, что находились возле Эдварда, а молодой, повернув голову, зачарованно смотрел на полет золотых червонцев. Это было последнее, что они видели. Вырубив молодого одним ударом в шею, я выхватил его револьвер и выстрелил в старшего. Он удивленно посмотрел на меня и упал с лошади. Мгновенно обернувшись к тем, что остались за спиной, я увидел, что Эдвард уже сидит на лошади, а они валяются в разных позах на земле. Связав оставшихся в живых, мы погрузили наши доски на одну из лошадей, а на остальных сели сами. Надо было пробираться к железной дороге, чтобы быстрее добраться в Одессу, потому что с каждым днем обстановка обострялась. На лошадях было ехать приятно, но не очень комфортно. С непривычки болело одно место. Это заставляло Эдварда часто менять позы в седле. По степи мы проехали без приключений. Боевые действия шли где-то в стороне, что было слышно по шуму канонады. И примерно в той стороне мы услышали гудок паровоза. Это свидетельствовало о том, что где-то рядом проходит железнодорожная колея. Повернув лошадей в эту сторону, мы отправились в путь. Верст через двадцать из-за пригорка показался паровозный дымок, а затем вырисовался и весь железнодорожный состав, который стоял без движения. Как оказалось, он переждал боевые действия, которые велись между белыми и красными на линии его движения. Мы решили воспользоваться такой

оказией и оставили лошадей, незаметно пробрались к вагонам с хвоста поезда. Пассажиры, ехавшие в нем, с тревогой вглядывались в ту сторону, откуда доносились взрывы. Многие из них стояли возле поезда и попутно обменивались впечатлениями.

–И когда это кончится! – говорил, один пожилой человек в очках, близоруко щурясь. – Нельзя никуда добраться без приключений.

–Скажите спасибо, что не по нас стреляют, а то почувствовали бы мы, что такое приключения, – ответил ему толстый мужик в засаленном пиджаке. – А так ничего, еще можно пожить.

–Да разве это жизнь? – встряла в разговор тетка в цветастом платке. – Кому она такая нужна?

–Как кому, вон тем, которые стреляют. Им это, наверное, очень нравится. Может быть, они этим и живут, – парировал толстый мужик. – А остальное для них не жизнь.

Прислушиваясь к этим разговорам, мы потихоньку зашли в вагон и, найдя свободный уголок, присели, чтобы отдохнуть. Бой продолжался еще часа два, а потом постепенно прекратился. Настала звенящая тишина, и все удивленно смотрели друг на друга. Наконец, паровоз свистнул, и народ побежал рассаживаться по своим вагонам. Наш, тоже наполнился суетой, шумом и гамом. Некоторые косились на нас удивленно, а другие, молча, устраивались рядом, готовясь к дальней дороге. Выдавлив гудок еще раз, поезд двинулся

вперед, застучали колеса, и на нас стали наплывать стоящие вдоль дороги телеграфные столбы. Часа через два мы подъехали к месту боевых действий. Слева и справа виднелись воронки от снарядов, валялись разбитые телеги, лошади и брошенная пушка. Впереди виднелся полустанок, за который шел бой. Но подъехать к нему было невозможно, из-за того что часть железнодорожного пути, лежащего впереди, была разбита.

Кочегар и его помощник вышли из паровоза и прошлись по разломанному пути, прикидывая, что можно сделать. Затем залезли на тендер паровоза и стали сбрасывать находящиеся там шпалы и рельсы. Взяв инструмент и позвав пассажиров на помощь, они пошли разбирать поломанный путь. Затем настелили новые рельсы, и мы через час, наконец, достигли полустанка.

Он был в руках Добровольческой армии. На одном из путей стояли санитарные вагоны, куда грузили раненых, слева от вокзала дымилась полевая кухня, распространяя пряный запах вокруг. А на перроне разгуливали офицеры, возбужденные после боя. Наш состав остановился как раз напротив них. Естественно, это вызвало у них любопытство и желание посмотреть вновь прибывших, так что наша выгрузка на перрон проходила под соответствующим контролем. Настала наша очередь, и, взяв свой длинный багаж, мы вышли из вагона. И сразу наша парочка привлекла внимание пожилого прапорщика, который возглавлял патруль. Он моменталь-

но подлетел к нам и вежливо попросил предъявить документы. Внимательно просмотрев их, патрульный почему-то поморщился и предложил пройти в комендатуру. Делать было нечего, и, пристроив наш багаж на плечи, мы в сопровождении солдат пошли туда.

Здесь была куча народу: те, которых задержали, и те, кто это сделал. Они по очереди заходили в кабинет к седому подполковнику на доклад, а затем заводили арестованных. Наконец дошёл и наш черёд. Нас завели в кабинет и поставили возле стола. Подполковник, отвернувшись, разговаривал с кем-то по телефону, а перед ним на столе лежали наши документы. Закончив говорить, он развернулся и с хмурым лицом взял их в руки:

–Ну, что это за инженеры здесь появились? – и поднял глаза на меня.

Постепенно выражение его лица менялось и наконец, расплылось в улыбке:

–Ба, Потемкин, вот уж не ожидал тебя встретить здесь, – воскликнул он, выйдя из-за стола и приближаясь ко мне с распростертыми объятиями.

–Вы ошиблись, господин подполковник, – возразил я и намекнул ему на нежелательность присутствия здесь охраны.

Он сразу понял мой намек и дал команду солдатам выйти в коридор. Только после этого мы обнялись и облобызались. Это был один из моих знакомых, военный инженер, с которым я изредка консультировался по вопросам ремонта

и перепланировки царских покоев. Не раскрывая карт, я в беседе попросил его не уделять нам особого внимания в силу известных причин, а помочь добраться до Одессы. Он задумался, а затем предложил сегодня ночью подойти к вокзалу, туда, где собираются извозчики, и найти Максима Перегудова, он отвезет нас известными ему тропами к окраине города. Дальше мы пробираемся сами, так как в городе свирепствуют большевики. Поблагодарив его, мы опять под охраной солдат были выведены из комендатуры и отпущены на все четыре стороны. Теперь нам надо было где-то покушать и отдохнуть перед дальней и опасной дорогой. Первая проблема решалась просто: мы зашли в ближайший трактир и наелись на много дней вперед. Ну а со второй мы тоже поступили довольно просто. Где приезжий человек может отдохнуть? Конечно, на вокзале. И мы отправились туда, тем более, что до назначенного часа было не так далеко и встреча должна произойти тоже тут. Найдя неплохое местечко, мы, сняв свою ношу, расположились на открытой местности, рядом со станционным зданием. Сразу потянуло на сон, и мы в полудреме стали отдыхать. Мимо проходили пассажиры, солдаты, пробегали дети, но нам это не мешало расслабляться. Солнце уже заходило, и на небе проявлялись небольшие темноватые тучки, плывущие по своим делам. Казалось, все было тихо и спокойно, как вдруг стороны одной из тучек раскрылись, и оттуда вылетело непонятное существо с огромными крыльями и с диким свистом стало пикировать. Народ

в ужасе шарахнулся прочь, а оно целенаправленно несло прямо на нас. Подлетев к тому месту, где находились мы, оно захлопало крыльями, притормозило, выпустило свои кривые когти и, схватив наш груз в обе лапы, начало подниматься вверх. Эдвард, не растерявшись, схватился за одну из лямок и повис на ней. Видно, груз был слишком тяжел, поэтому существо не могло взлететь, а тащилось по прямой, увлекая за собой и Эдварда. Надо было что-то срочно делать, иначе оно может набрать скорость, взлетит и унесет наш бесценный груз. Я оглянулся вокруг в поисках чего-то тяжелого и увидел рядом мальчишку-солдатика, который, бросив винтовку, закрыл голову руками, при этом страшно икая. Схватив винтовку, я передернул затвор и прицелился в летящую тварь. Мне ее было плохо видно, так как Эдвард крутился на веревке, не давая мне возможности выстрелить. Наконец, пролетая мимо одиноко стоящего дерева, тварь на секунду зацепилась за ветки своим крылом, подставив мне свой незащищенный бок. Я выстрелил, и пуля попала в цель. Это было понятно по дикому воплю, который издало это существо. От боли оно разжало когти, и груз вместе с Эдвардом рухнул на землю. А тварь как-то боком стала подниматься вверх и тянуться к той туче, из которой так внезапно появилась. С трудом долетев до нее, оно исчезло, а туча пролилась на землю обильным серым дождем. Там, где падали капли этого дождя, земля кипела.

Я подбежал к англичанину, чтобы оказать помощь, но он

уже поднялся на ноги и собирал наши доски, которые разлетелись от удара. Все они были в целости и сохранности. Собрав и упаковав их, мы решили войти в здание вокзала, чтобы избежать повторения происшедшего. На улице была уже ночь. Дождавшись назначенного часа, мы подошли к извозчикам, и нам быстро отыскивали Максима Перегудова. Крепезный мужик, глянув на нас, не торгуясь, назвал цену в пятьдесят рублей. Мы согласились и тут же выплатили ему аванс. После этого он подвел нас к неказистой на вид коляске на рессорах, в которую был запряжен красивый жеребец. Разместившись в коляске, мы двинулись в сторону моря, к Одессе.

Наш проводник умело направлял лошадь по тропам, известным одному ему, ориентируясь по звездам и по своей интуиции. Вскоре набежавший ветерок принес с собой запах морской волны.

–Скоро будем на месте, – сообщил нам кучер.– Я доведу вас до окраины, а вы дальше по-над заборами пробирайтесь туда, куда вам надо.

Минут через пятнадцать из темноты раздался свист. Мы напряглись в ожидании. Но наш Максим свистнул в ответ, и к нему метнулась тень. Человек что-то передал кучеру и снова исчез в темноте.

–Все, идите спокойно, вас не тронут, – произнес кучер, показывая рукой в темноту.

–Ну, что же, и вам счастливо добраться домой, – ответил

я, и мы выгрузились из коляски, которая сразу же исчезла в темноте. Закинув на спину груз, мы, спотыкаясь в темноте, пошли в город, ориентируясь на лай собак. Нам надо было найти место, где можно было бы переждать до утра, и, ориентируясь по обстановке, найти Мишку Япончика. Двигаясь вдоль заборов, мы руками толкали калитки, ища не запертую. Вскоре Эдвард обнаружил такую и мы тихонько зашли во двор. Нас встретила тишина, очевидно, собаки здесь не было. Осмотревшись, мы увидели маленький сарайчик, дверь которого была открыта. Здесь мы и решили переждать, так как сарай был забит сеном. Уютно расположившись в нем, мы заснули.

И снова Одесса

Утро разбудило нас лаем собаки на соседней улице. Выглянув в щель между досками, я увидел, что по улице двигался небольшой отряд красноармейцев. Направлялся он в ту сторону, откуда пришли мы. Значит, опять готовится заварушка, надо уходить из этого теплого местечка. Растолкав Эдварда, я разведал обстановку на улице, и мы вылезли из сарая, направившись по улице к центру города. Не заходя в него, мы развернулись и напрямик взяли курс на рынок. Только там, в этом вечно значном месте, мы сможем отыскать нужного нам человека, потому что рынок – это его стихия, это то место, где он проводит все свое свободное от налетов время. Минут через двадцать мы оказались на месте. Рынок только просыпался от ночной жизни, сбрасывал остатки сна и приводил себя в порядок. На прилавки выкладывался товар, открывались лавки, завозилась свежая рыба, которой так славится Одесса. Но не было виднovenчно мотающихся беспризорников, которые мне сейчас были очень нужны. Побродив по рынку и не найдя нужных мне людей, я решил попробовать вызвать на откровенность кого-нибудь из продавцов. Выбрав хмурого дядьку, раскладывающего свежие бычки на продажу, я вежливо обратился к нему:

–Послушайте, уважаемый! Не подскажите ли вы, где можно найти Михаила Япончика?

От неожиданности он отпрянул от меня, а затем, глянув по сторонам, буркнул:

Не знаю такого, – а затем еще громче, – не знаю я никакого Мишку Япончика. Не хотите брать рыбу, не берите. А то ходят тут всякие...

И мужик резко отвернулся.

Соседние продавцы стали подозрительно смотреть на нас. И то, правда, ходят тут два грязных интеллигента, с какими-то непонятными досками и требуют известную в Одессе личность. Кто они такие? Чего им надо? Время вон какое, сложное. Но главного я достиг. Слухи о том, что кто-то ищет Япончика, должны теперь быстро достичь его ушей. Не обращая внимания на крики продавца, мы развернулись и пошли дальше в надежде на ближайшую встречу и заодно на покупку чего-нибудь съестного. Было уже где-то около девяти часов утра. Постепенно мой нос учуял запах жареных пирожков. Развернувшись в эту сторону, мы ускорили шаг в предвкушении вкусного завтрака. Не доходя двух шагов до жаровни, мы остановились, так как дорогу нам перерезали два мрачных субъекта явно не интеллигентной внешности, а сзади пристроились еще двое. Тот, который стоял ближе, осмотрел нас снизу вверх и спросил:

– Это вы что ли ищете Мишу?

– Мы, – ответил я.

– А по какой надобности?

– Об этом мы ему расскажем при встрече.

–Ну, тогда пошли.

И он, развернувшись в обратную сторону, повел нас. Так в сопровождении почетного эскорта мы добрались до того места, где я уже встречался с этим человеком. Точно так же мы прошли и в ту комнату, где так недавно мы беседовали. Увидев меня, он расцвел в улыбке.

–Ну никак не думал снова встретиться с вами. Я надеялся, что вы уже где-то там, за границей, живете, припеваючи, в отличие от нас. А мы тут по-прежнему маемся, то с одними, то с другими, какой-то бесконечный круг. Да вы присаживайтесь и снимайте вашу поклажу, ее здесь никто не тронет. По вашему виду не скажешь, что вы хорошо позавтракали. Эй, Кривой, пусть нам тут принесут пожевать, пока мы будем вести разговоры. Я так понимаю?

–Да, – ответил я, – именно поэтому мы искали встречи с вами.

–Ну, вот и встретились. Да вы садитесь, не стесняйтесь.

Пока накрывали на стол, мы перебросились друг с другом ничего не значащими фразами. А когда все ушли и мы остались втроем, я перешел к делу.

–Мы хотели просить вашей помощи, – начал я.

–Это мне понятно, не просто ж так вы пришли сюда.

–Да, нам надо как-то выбраться в Турцию, чтобы продолжить путь дальше, или добраться до любого иностранного корабля, который курсирует тут недалеко.

–Да недалеко тут только немцы, англичане и немного

французов, которые гоняются друг за другом и стреляют куда попало.

– Вот мы были бы признательны вам, если бы вы организовали нашу транспортировку к ним, конечно, кроме немцев.

Он криво усмехнулся, слушая нас и уминая яичницу, которая в это сложное время считалась деликатесом.

– Ваш интерес к моей персоне понятен. Но вы должны понимать и то, что все это не делается просто так. Нужен надежный человек и прочная шаланда, а все это что-то стоит. И за просто так сегодня никто никуда не пойдет.

– О конечно, это само собой разумеется, – и я, привстав, вытащил из кармана завернутые в носовой платок золотые царские десятки, которые я взял из броневика. Этот тяжелый сверток я положил на стол с громким звуком и стал медленно развязывать платок. Мишка Япончик перестал жевать и внимательно смотрел на мои манипуляции. Когда я развязал последний узел, его изумленному взору предстали блестящие рыжие монеты.

– Ну, это другое дело! – воскликнул он, подтягивая к себе сверток. – Перед такими аргументами никто не устоит. Теперь мы можем решить многие вопросы. Когда вы хотите ехать?

– Чем раньше, тем лучше, – ответил я. – Кроме этого нам было бы желательно найти такое место, где бы можно было переждать, пока будут решаться вопросы отъезда.

– Это мы организуем. Вас отведут туда те ребята, которые

привели сюда. Я, конечно, извиняюсь, – продолжил он. – Но что это за доски, которые вы так бережно носите с собой?

Пришлось ему туманно объяснить, что, учитывая сложную ситуацию, это наша страховка на будущее, так как мы намерены на той стороне заняться изготовлением тульских пряников. И в доказательство продемонстрировали ему те доски, которые купили у Никитичны. Он с интересом повертел их в руках, даже понюхал и вернул со словами:

–Каких только чудес не бывает на свете! Ну что же, господа хорошие, давайте решим так. Сейчас вас отведут на хату, где вы передохнете и покушаете, а вечером придет мой человек и скажет вам, что делать дальше. Будем стараться организовать ваш отъезд сегодня ночью. Я понимаю, и вы этого хотите?

–Несомненно, – ответил я, и мы, откланявшись, в сопровождении нашего визави отправились на отдых.

Морское сражение

Доми́к был небольшо́й и располагался на берегу залива. Приве́дя себя в по́рядок, мы отведали великоле́пной ухи, пригото́вленной любезно́й хозяйко́й. Так приятно́ было си́деть на све́жем возду́хе и вдыха́ть э́тот непередавае́мый аро́мат. После́ э́того мы отпра́вились спа́ть, что́бы восстано́вить свои́ силы́. Около́ часу́ но́чи нас разбу́дил стук в дверь. При́шел наш провожа́тый и соо́бщил, что́ все гото́во, и мы може́м е́хать. Бы́стро собра́вшись, мы вы́шли во дво́р. На ули́це уже́ сто́яла ко́ляска, кото́рая пове́зла нас вдо́ль бере́га к рыба́цкому́ посе́лку. Там нас жда́ла парусна́я шала́нда с насквозь проку́ренным и просоле́нным хозяи́ном. Он помо́г нам за́браться в ло́дку и, ото́лкнув ее́ от бере́га, се́л на весла́, что́бы выве́сти ее́ на чи́стую во́ду. Затем отвя́зал парус, устано́вил его́ по ветру́, и мы поплы́ли в полно́й темноте́, бесшу́мно рассе́кая волны́. На уди́вление, была́ тиха́я пого́да, и во́да мя́гко плеска́лась, омы́вая бор́та шала́нды. Курс мы держа́ли на Турци́ю. Часа́ чере́з два мы услы́шали артилле́рийскую кана́ду. Оче́видно, впе́реди шел мо́рской бо́й. Меня́ть курс было́ нель́зя, и мы тихо́ мча́лись в заданно́м напра́влении, наде́ясь как-то обо́йти э́то ме́сто. Вско́ре ста́ли видны́ споло́хи от ору́дийных вы́стрелов, а затем показа́лись силуэ́ты дво́ух во́енных ко́раблей, кото́рые, посто́янно маневри́руя, обстре́ливали дру́г дру́га. Мы немину́емо прибли́жались к ним. Для

того чтобы избежать попадания под обстрел, наш рулевой с трудом развернул лодку влево, обходя опасное место и корабль, который находился там. Поднятые стрельбой волны стали захлестывать нашу лодку, поэтому приходилось крепко держаться за борт, чтобы не выпасть. Когда мы почти уже огибали корабль, над местом, где проходило сражение, появилась светящаяся точка, которая, постепенно разгораясь, превратилась в огромное око, испускающее лучи света. Оно стало осматривать поверхность моря, переводя взгляд с одного корабля на другой и осматривая морскую гладь, лежащую впереди нас. Стрельба сразу прекратилась. Все зачарованно смотрели на лучи света, которые выхватывали то один кусок моря, то другой. Наконец око нащупало то, что искало. Оно осветило нашу шаланду, понемногу задерживая свои лучи на каждом из нас. Они действовали избирательно: на меня от них повеяло ледяным холодом, хозяин лодки замер, словно парализованный, а Эдвард вытянул руки вперед, как будто отталкивая холодный свет, который проникал всюду. Наконец око двинулось вперед и зависло над нашей лодкой. Сила света увеличилась и стала проникать в глубь нашего сознания. Еще немного – и мы будем полностью парализованы. Но в это время раздался выстрел орудия, и снаряд, просвистев, разорвался недалеко от нас. Затем раздался второй, третий, а потом они посыпались как горох, и все в нашу сторону. Но попасть они почему-то не могли, очевидно, цель была очень маленькой. Но разрывы снарядов подняли такую

волну, что лодку начало очень сильно заливать и кренить набок. Звук от разрывов снарядов и холодная вода, периодически окатывавшая лодку, вывели нас из оцепенения, и мы бросились спасать положение. Нам с трудом удалось выровнять лодку и заплыть за борт военного судна. Таким образом, артиллеристы и зловердное око потеряли нас из виду. Оставаясь под прикрытием борта большого корабля, мы не пытались даже уплыть от него, понимая, что только в этом наше спасение. Потеряв нашу лодку, око засуетилось, стало лихорадочно шарить своими лучами по воде, но, не найдя ничего, закрылось и спряталось в темноту. Тотчас же прекратился артиллерийский обстрел. Мы сидели в лодке и вычерпывали воду руками. Брошенная на волю волн, она постепенно прибивалась к кораблю. Когда мы подплыли совсем близко, с высокого борта кто-то на ломаном русском языке произнес:

–Эй, там, на лодке, помощь нужна?

–Нужна, – ответил по-английски Эдвард, сразу уловив родной акцент.

Когда мы причалили к борту корабля, сверху нам спустили веревочную лестницу, по которой мы забрались наверх. Здесь нас уже ждал офицер, который представился и повел к капитану корабля. Найти с ним общий язык помогли документы английской миссии. Поняв, кто перед ним находится, он предложил нам свободные каюты. Отпустив шаланду, мы спустились в них, чтобы отдохнуть до вечера. Так как крейсер завершал свою миссию возле берегов Одессы и

утром должен был отправляться в Англию, капитан решил устроить прощальный ужин. Мы с Эдвардом пожаловались на то, что, к сожалению, не располагаем вечерними костюмами. Мы имеем только то, что на нас есть. Капитан вошел в наше положение и предложил помощь в экипировке из корабельных запасов. Поэтому, когда мы вошли в каюту, на койке у каждого лежал полный комплект морской формы без знаков различия. Я отложил ее в сторону, умылся и в буквальном смысле этого слова упал в кровать. Разбудил меня деликатный стук в дверь. Это стюард напоминал, что до встречи в кают-компании осталось пятнадцать минут. Мне как раз хватило этого времени, чтобы переодеться и ровно в семь стоять в кают-компании. Я посмотрел на себя в зеркало, которое висело тут. Мой внешний вид мне очень понравился. В новой одежде я выглядел эдаким «морским волком» мужественной внешности, которому очень шла морская форма. Эдвард тоже красовался в форме, и, как мне показалось, надевал он ее не в первый раз.

Наконец появился капитан корабля и пригласил офицеров сесть за стол. Первый тост за Его Королевское Величество все выпили стоя. А второй тост был традиционным. Встал самый молодой мичман и предложил выпить «за жен и возлюбленных. И пусть они никогда не встретятся». И этот тост прошел на ура под дружное вставание офицерского состава, независимо от возраста и звания. Оказывается, как объяснили мне позже, в английском флоте каждому дню со-

ответствует свой традиционный тост. Это закреплено в инструкциях военно-морского флота. Например, по пятницам произносится тост «за наших моряков», по субботам – «за наши семьи». Эта традиция выдерживается неукоснительно, независимо от обстоятельств. И мы стали свидетелями ее соблюдения, ежедневно выпивая в кают – компании положенную порцию виски. Затем пошли разговоры, которые прерывались различными высказываниями и распиванием определенного количества виски. Часам к десяти, когда пробили склянки, все закончилось, и офицерский состав разошелся по каютам. Пятнадцать дней длился наш переход к берегам далекой Англии. В принципе, он прошел спокойно, никаких вражеских кораблей мы не встретили на своем пути. Нам было достаточно шторма, который подстерег нас и набросился, словно изголодавшийся зверь. Корабль то подбрасывало высоко вверх, то опускало до самого низа и казалось, что он никогда не выберется оттуда. Но каждый раз он упорно лез наверх и отвоевывал еще один шанс у бури.

Английские берега

На пятнадцатый день вдали показался английский берег. На удивление, была ясная и солнечная погода. Тепло попрощавшись с капитаном, мы сошли на берег, где нас уже ждал автомобиль. С Эдвардом мы договорились заранее, что наш драгоценный груз будет храниться у него до передачи в королевские руки. Так будет надежнее, учитывая ту возню и те действия, которые предпринимались против нас на всем пути следования сюда. Поэтому мы выгрузили сначала Эдварда, а затем и меня подвезли прямо к дому. Он встретил меня, как старого знакомого, стал сразу скрипеть и жаловаться на одиночество. Консьержка предложила пройтись по комнатам и посмотреть, как она хорошо следила за состоянием дома все это время. Я не мог отказать ей в просьбе, и мы осмотрели моё жилище. Поблагодарив консьержку, я стал готовиться к встрече с королем, которая должна была произойти в ближайшее время. Мы договорились с Эдвардом, что когда он узнает об этом, так сразу и сообщит мне.

Через два дня у моего крыльца остановился Эдвард. Он был весь наряжен, словно собрался на свидание.

– Одевайся, – бросил он мне. – Наш час пробил. Нас с тобой приглашают в королевский дворец. Аудиенция назначена на двенадцать часов.

Быстро собравшись, я уселся в автомобиль, где на заднем

сиденье в красивой упаковке лежали доски, как напоминание о нашей печальной миссии. Автомобиль быстро домчал нас до королевской резиденции. Сверившись со списком и нашими документами, дежурный офицер разрешил нам следовать дальше. Подъехав к входу, мы вышли из автомобиля и взяли с собой наш драгоценный груз. Встретивший нас распорядитель быстро провел в приемную короля, где толпился народ, ожидая аудиенции. Мы присели в сторонке, чтобы не смущать своим грузом посетителей. Наконец очередь дошла до нас. Двери распахнулись, словно сами собой, и мы последовали в кабинет. В конце комнаты за большим письменным столом сидел король, а рядом с ним стоял секретарь, тот, с которым я беседовал перед отъездом в Россию. Король был хмур и внимательно смотрел на нас, понимая, что мы только можем подтвердить те печальные вести, которые он уже знал.

–Как поездка? – спросил король, предлагая присесть за стол. – Удалось что-то узнать нового? Может, кто-нибудь все-таки остался в живых?

–Весьма прискорбно, Ваше Королевское Величество, но мы должны констатировать, что семья императора России Николая II и он сам бесследно исчезли. Нет никаких достоверных сведений, что они были расстреляны в доме Ипатьева, так же, как и нет достоверной информации о том, что они живы и где-то скрываются. Все основывается на той телеграмме, которая была дана во ВЦИК по поводу расстре-

ла царской семьи. Это весь аргумент. Расследование, проводимое местной властью, тоже пока не располагает никакими достоверными фактами.

–А это что у вас такое? – спросил король, указывая на доски, которые мы аккуратно прислонили в начале стола.

–А это, Ваше Королевское Величество, доски с того места, где, возможно, была расстреляна вся царская семья.

–Как? – король подскочил к нашему грузу, – разверните побыстрее, – в волнении произнес он.

Мы выполнили его приказание и разложили доски в той последовательности, в какой они находились там, в том печальном доме. На них под воздействием солнечного света стали проявляться темные пятна, которые в разных местах смотрелись по – разному. Эдвард вытащил из кармана и медленно положил в центр дощатого круга сплюснутые пули, которые он собрал возле стены. Это окончательно «добило» короля. Он встал на колени и трясущимися руками стал гладить доски и перебирать пули, что-то шепча себе под нос. На глазах его появились слезы, и одна из них, не удержавшись на реснице, капнула на доску, расплываясь по ней темным пятном.

–Мой Бог, – воскликнул король, и плечи его затряслись.

Нас быстренько попросили выйти, сказав, что аудиенция закончилась, а к королю срочно вызвали врача. Мы присели в приемной на всякий случай, вдруг король захочет что-нибудь еще узнать. Но через некоторое время в приемную

вышел личный секретарь короля и довел до сведения присутствующих, что на сегодня аудиенция закончилась. Королю нужен отдых. Выслушав это сообщение, мы поднялись и вместе со всеми пошли на выход. Настроение было хуже некуда. Усевшись в автомобиль, ждавший нас у входа, мы, не стовариваясь, решили отправиться в паб, чтобы немного отвлечься от того, что свалилось на нас. Говорить не хотелось, и пока мы не подъехали к пабу, не проронили ни слова.

В пабе было сильно накурено душистым английским табаком. Можно было подумать, что мы попали в курительную комнату, так как дымящаяся трубка была почти у каждого во рту. Заняв столик там, где было несильно накурено, мы заказали бутылку виски и сразу налили себе по половине стакана. Эдвард встал и торжественно произнес:

—Я хочу выпить за тебя, Владимир, за то, что ты в трудную минуту всегда находил выход из любого сложного положения. За то, что мы стали понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда, и за то, что мы с тобой отличные парни, хоть и любим иногда выпить.

И встав, одним махом опрокинул виски в рот. Было слышно даже, как оно, забулькав, полилось в его желудок. Он закрыл глаза от удовольствия, следя внутренним взором за этим процессом. Не желая ударить в грязь лицом, я тоже встал и снова наполнил стаканы.

—За тебя, Эдвард, я теперь понял, что и среди англичан есть отличные парни, а не зануды, которые не знают, что де-

лать. Ты знаешь, что надо делать, и даже когда не знаешь, то все равно что-то делаешь. И это дает нам возможность идти вперед. За тебя, за то, что на тебя можно положиться в трудную минуту и быть спокойным за будущее. За твою жену и за твоего малыша Джеймса, чтобы он был достоин своего отца.

Высказав все это ему, я залпом выпил стакан и сел за стол. Так, поочередно похваливая друг друга, мы «уговорили» первую бутылку и перешли ко второй. Мы упражнялись друг перед другом в красноречии, вспоминали эпизоды нашего «путешествия» и пили за здоровье королевского дома. Когда была выпита третья бутылка, мы ощутили, что пора и честь знать. Вызвав кеб, мы отправились каждый к себе домой, договорившись созвониться и назначить встречу.

Звонок от моего коллеги поступил через два дня. Мы встретились на набережной и, прогуливаясь, обменивались последними сплетнями.

– Да, ты знаешь, – сказал Эдвард, – король приказал в одной из комнат, где любил останавливаться его двоюродный брат, царь Николай II, повесить этот круг из досок Ипатьевского дома, а на нем разместить фотографии всех погибших членов царской семьи. Он периодически заходит в эту комнату и подолгу стоит перед ними, словно ведет диалог в свое оправдание. Но им-то уже все равно, а кто простит его? Вот в чем вопрос.

– Да, это всю жизнь будет теперь ходить за ним и за всем английским королевским домом. Главное, чтобы были сде-

ланы правильные выводы, иначе это отразится на всей семье. А это, поверь мне, не за горами, – ответил я на его реплику. – Будем надеяться, что королевский дом, как всегда, будет на высоте.

– Хотелось бы в это верить, – сказал Эдвард, и мы пошли с ним дальше по набережной, которая уходила вдаль, увлекая и нас за собой в неизвестность, грозящую новыми событиями, которые уже стояли на пороге.

Я остался в Англии и все свои силы бросил на поддержку соотечественников, которые оказались здесь. С Эдвардом мы периодически встречались и у него дома, и в пабе, вспоминая прошедшие боевые дни, пока снова нас не свела друг с другом начавшаяся война. И в этой череде событий и предвоенной лихорадки снова всплыла янтарная комната.

Конец второй книги